

SELECTA

XXVI

*Андрей
Марчуков*

*Украина
в русском
сознании.
Николай Гоголь
и его время*

REGNUM
Москва 2011

ББК 63.3(2)521-7 + 83.3(2Рус)1
УДК 94(470)"18" + 882.09
М80

SELECTA

серия гуманитарных исследований под редакцией М. А. Колерова

В оформлении обложки использована картина А. А. Иванова
«Переправа Н. В. Гоголя через Днепр». 1845

Марчуков, А. В.

М80 Украина в русском сознании. Николай Гоголь и его время. — М., 2011. — 294 с.: илл. — ISBN 978-5-91887-017-4

Эта книга — о нас с вами. О нашем культурном и историческом «я». О нашем национальном сознании. О нашем прошлом и нашем будущем. Рассмотренными на одном конкретном примере — восприятии русским коллективным сознанием Украины, а если говорить точнее, тех земель, что в настоящий момент входят в её состав.

В монографии показана история и динамика формирования этого восприятия в ключевой для данного процесса период — первые десятилетия XIX века. Рассматриваются его главные нюансы-направления.

Герои этой книги — великороссы и малороссы, поэты и путешественники, консерваторы и декабристы, Пушкин и Рылеев, Алексей Толстой и Гребёнка, Карамзин и Хомяков, Чехов и Маяковский и многие другие лица русской истории. А в центре исследования — фигура Н. В. Гоголя и его вклад в дело формирования русским обществом образа Малороссии-Украины.

Книга сопровождается богатым иллюстративным материалом. Для историков, филологов и всех, кто интересуется отечественной историей и культурой.

ББК 63.3(2)521-7 + 83.3(2Рус)1
УДК 94(470)"18" + 882.09

ISBN 978-5-91887-017-4

© А. В. Марчуков, текст, 2011
© А. В. Марчуков, состав иллюстративного приложения, 2011
© А. В. Марчуков, Н. А. Королёва, карты, 2011
© М. А. Колеров, состав серии, 2011
© С. В. Митурич, дизайн серии, 2005

Оглавление

Слово к читателю.....	7
Вместо введения. Перестройка и русские архетипы	10
Глава I. Образ земли: объект, особенности, территория.....	13
Глава II. Русь изначальная и казачья Малороссия: два лика одного образа.....	39
Глава III. Путешествия: зрительное постижение пространства.....	66
Глава IV. Малороссия в русской литературе и общественной мысли до Гоголя.....	87
Глава V. Гоголь: триединство образа.....	140
Глава VI. Восприятие публики.....	182
Глава VII. «Тарас Бульба»: объединение образа.....	206
Заключение.....	234
Приложение-послесловие.....	238
Именной указатель.....	242
Карты	247
Альбом иллюстраций	253

---

*Посвящаю эту книгу моей маме,
Марчуковой Галине Кононовне,
привившей мне любовь к Гоголю*

Слово к читателю

Эта книга родилась неожиданно. Ей предшествовала работа над коллективным проектом, посвящённым изучению восприятия русским народом различных географических и национальных областей нашей страны, и в том числе Украины. Проект воплотился в коллективную монографию «Образы регионов в общественном сознании и культуре России XVII–XIX веков» (М., Гриф и К°, 2011), и на этом можно было бы и остановиться. Однако затронутая проблема оказалась настолько интересной и многоплановой, а фактический материал — столь обширным и ярким, что ставить точку показалось рано. Тем более, что эта тема хорошо укладывалась в рамки большого исследования, центральной фигурой которого должен был стать Н. В. Гоголь. Так глава превратилась в книгу.

Эта книга — о нас с вами. О нашем культурном и историческом «я». О нашем национальном сознании. О нашем прошлом и нашем будущем. Рассмотренными на одном конкретном примере — восприятии русским коллективным сознанием Украины, а если говорить точнее, тех земель, что в настоящий момент входят в её состав. Слово «наше» с полным основанием может отнести к себе и российский, и украинский читатель, ведь рассматриваемые в книге сюжеты касаются и России, и Украины. Они общие для всех нас, поскольку общая у нас сама история.

Разумеется, в одной и не очень большой по своему объёму монографии невозможно охватить все аспекты столь

масштабной исторической проблемы, как «образ Украины в русском сознании». Да это и не предполагалось. И потому название книги неслучайно имеет подзаголовок: «Николай Гоголь и его время», конкретизирующий тематику работы и её хронологические рамки. Конечно, речь в ней идёт далеко не об одном Гоголе. Да и временные границы довольно прозрачны: в книге нашли отражение как события из более ранних времён, так и ряд эпизодов культурно-политической жизни страны второй половины XIX и даже начала XX века (касающиеся формирования этого образа).

Но почему в качестве основного был выбран именно тот период, первая половина XIX века? Возможно, кто-то скажет: уж слишком далёк он от наших дней, надо касаться вопросов более актуальных, например современной ситуации в российско-украинских отношениях, нынешнего состояния русского национального сознания и т. п. Споры нет, эти проблемы очень важны. Но *современность* — всего лишь результат того, что делалось в *прошлом* и закладывалось *до* неё. И потому выбор именно этого хронологического периода отнюдь не случаен.

И не только потому, что та эпоха была временем стремительного взлёта русского культурного гения и напряжённой работы общественной мысли. Или что Гоголь интересен уже сам по себе, вне времени и эпохи. Главное в другом. Конец XVIII — первые десятилетия XIX века были периодом, когда как раз и формировался тот самый «образ Украины», когда складывались его основные нюансы-направления. А поскольку «украинская тема» в русском национальном самосознании занимает особое место, то данный временной отрезок, помимо всего прочего, оказывается важен и для развития самого этого сознания.

Несомненно значение данного периода и для понимания истории и особенностей национального и политического развития этих земель. Там берут начало многие культурные и политические процессы современности, формирующие внутривосточный контекст развития

Украины и влияющие на состояние украинско-российских отношений. Тогда начинают закладываться различные национальные идентичности, в дальнейшем укоренившиеся среди населения этих земель и пребывающие друг с другом в состоянии непрерывной борьбы-конкуренции.

Несколько слов надо сказать и об иллюстративном и картографическом материале. Прежде всего, это портреты упоминающихся в тексте людей (к сожалению, далеко не всех) — тех, кто, так или иначе, принимал участие в выработке русским обществом образов Малороссии-Украины. А кроме того, это репродукции картин, рисунки, фотографии, способные служить иллюстрацией данного коллективного образа (разумеется, насколько это возможно: ведь зрительное восприятие всегда в известной степени субъективно). Ну а карты призваны помочь разобраться, во-первых, в географии (в том числе исторической) упомянутых в тексте объектов, а во-вторых, в гоголевском понимании образа Малороссии.

И, наконец, последнее. Часто в политических дискуссиях и разговорах на исторические темы высказывается мысль (подаваемая либо как утверждение, либо как вопрос) о том, что обществу, для его нормального развития, необходимо знать, «куда идти». И с этим нельзя не согласиться. Но для того, чтобы понимать, куда идти, надо знать, *кто мы* и *откуда* идём. И если книга, которую Вы держите в руках, хоть немного поможет в этом разобраться, значит, свою задачу она выполнила.

Вместо введения. Перестройка и русские архетипы

Вот уже четверть века прошло с тех пор, как в Советском Союзе началась политика «перестройки», однако проблемы дня сегодняшнего снова и снова заставляют нас обращаться к тому, полному надежд и разочарований, периоду. Тогда, в конце 1980-х, общество ждало и требовало перемен, и мало кто всерьёз думал, что очень скоро падёт коммунистическая идеология, исчезнут советская система и социалистический строй, развалится такой могучий и, казалось, «сплочённый навеки» Советский Союз. А вместе с ними рухнет и весь привычный мир.

Одним из острейших вопросов, обсуждавшихся всем советским обществом, начиная со съездов и заканчивая кухнями, был вопрос о будущем СССР. Мнения на сей счёт были разными. Радикально-либеральные круги (или, как тогда говорили, «демократы») мечтали об отделении всего от вся, призывая к роспуску Союза; последовательные коммунисты выступали за его сохранение. В ряде советских республик, не без попустительства и даже поддержки со стороны Москвы, возникли и набирали силу национал-сепаратистские движения. В массовое сознание советских (пока ещё) людей настойчиво вбрасывалась мысль о необходимости всё большей независимости республик от союзного центра. А вскоре зазвучали и призывы к их полному отделению.

Не стала исключением и РСФСР. В тот период большую популярность приобрела идея обретения Россией свое-

го суверенитета. При этом требования российского суверенитета сочетались со стремлением к преобразованию СССР в Союз славянских республик и даже понимались как непереносимое условие такого преобразования. Помимо РСФСР, такие идеи были широко представлены и в других советских республиках, главным образом в Белорусской и Украинской ССР: и среди заметной части их титульного населения (белоруссов и украинцев), но прежде всего среди проживавших там русских. И русские в РСФСР, и русское население СССР вообще (а также те, кто себя от них не отделял) верили и надеялись, что новое государство, которому надлежало заменить «поднадоевший» СССР, будет соответствовать их социальным и, что не менее важно, национальным идеалам и чаяниям. Если расстаться со Средней Азией, Прибалтикой и Закавказьем были готовы многие, то разделение России, Украины, Белоруссии на отдельные государства считалось вещью нежелательной, невозможной и даже расценивалось как катастрофа. Эти республики рассматривались как неразрывные части одного целого, которым самой историей завещано быть вместе.

И тогдашнее «демократическое» руководство РСФСР, сыгравшее решающую роль в развале Союза, умело использовало эти настроения в своих интересах. Россия обрела суверенитет. Но возлагавшиеся на него народные ожидания не оправдались — ни в социальном, ни в национальном плане... Впрочем, подобные взгляды — о необходимости единства России, Украины и Белоруссии, требования их реинтеграции — оставались популярными и в 1990-е годы, уже после того, как Советский Союз распался, и эти республики стали отдельными, независимыми друг от друга государствами.

Иными словами, в тот поистине революционный период, когда пересматривалось давнее и недавнее прошлое и ниспровергалось всё и вся, взгляд на Украину (и Белоруссию) как на *свою* землю, а на её жителей как на *своих* оставался у русских неизменным. А это означает, что сформировался

такой взгляд отнюдь не в советское время и он не был искусственно насаждён коммунистической властью, а являлся (и является таковым до сих пор) одним из краеугольных положений русского сознания.

Глава 1

Образ земли: объект, особенности, территория

Россия — это целый мир, волею Божественного Провидения ли, судьбы или витальных сил русского народа сведённый воедино в границах одного государства. «Сколько разных обликов, нравов и обычаев представляются испытующему взору в одном объёме России совокупной!» — поражался этому богатству и разнообразию форм национальной и географической жизни один из русских писателей и журналистов начала XIX века¹. Даже собственно русские области порой заметно отличались друг от друга, что накладывало отпечаток и на культурное своеобразие их населения. Что уже говорить о территориях, на которых жили иные народы, царили иные культуры. И для каждого региона, для каждой народности русское сознание должно было сформулировать свой образ. Уже просто осмыслить это многообразие, увязать друг с другом в единый образ «России» было делом поистине грандиозным и невероятно сложным, требовало от русского сознания одновременно и необыкновенной пластичности, и цельности.

Одним из важнейших регионов страны, будь то Российская империя или СССР, являлась Украина. Но отнюдь не только геополитические и экономические факторы были тому причиной. Украина нужна для России не просто как для *государства*, но как для *особого культурно-*

---

¹ Сомов О. О романтической поэзии. Статья III // Соревнователь просвещения и благотворения (Труды вольного общества любителей российской словесности). Ч. 24. СПб., 1823. С. 131.

исторического типа. Она важна для русского самосознания, для осмысления русскими самих себя и своего исторического пути. Она — одна из несущих конструкций в том образе России и в той картине мира (исторической и пространственной), которые созданы этим сознанием. Но правильнее здесь будет говорить не столько об «Украине» как национально-политической данности уже XX–XXI веков, сколько о тех исторических землях, которые ныне составляют её территорию, об их месте в этой русской картине мира.

Любой подобный ментальный образ (страны, народа, государства и т. д.) в конечном счёте служит решению одной задачи — определению психологического расстояния от наблюдателя до объекта, который может представлять как «чужой», «нейтральный» или «свой» (естественно, со множеством переходных между этими основными состояниями форм). Наиболее простой и надёжный способ превратить образ какой-либо местности в «свой» — это заселить её, сделать своей этнической территорией, в нашем случае — русской. Именно таким путём шло закрепление в русском сознании как «своих» таких регионов, как Средняя и Нижняя Волга (из враждебного «татарского мира» постепенно, по мере их заселения русскими, превратившихся в олицетворение России и русскости); как степное пространство бывшего Дикого Поля, Дона, Кубани, равнинных местностей Северного Кавказа; как Сибирь, и ряда других российских территорий.

Там же, где по разным причинам русский этнический элемент не стал преобладающим, образ регионов приобрёл более сложную гамму психологических оттенков (и, соответственно, менее прочное их понимание как «своих»). Ведь не секрет, что фактор государственной принадлежности имеет меньше центростремительного, объединяющего потенциала, чем чувство национального единства, отношения к какой-то земле как своей кровной, родовой.

Случай с Украиной стоит несколько особняком. Она, по крайней мере большая часть её исторических земель, однозначно понимается как «своя». Однако, несмотря на

длительное и значительное присутствие там русского населения (многомиллионное, причём таковым оно начало становиться ещё в дореволюционный период), в целом Украина не является русской этнической территорией.

Тут, правда, следует сделать две важные оговорки. Во-первых, согласно исторической традиции, правильнее говорить «великорусской», тем более что это заметно облегчает и понимание национальной специфики проблемы вообще. А во-вторых, здесь как раз и проявляется то, о чём говорилось выше: необходимость рассматривать это пространство не как «Украину», а как группу различных историко-культурных регионов. Так, если переселение русских (великороссов) в Левобережную и Правобережную части современной Украины, не говоря уже о более западных её регионах, носило характер *миграции* в иноэтническую (хоть и близкородственную) среду, то Слободская Украина, Новороссия (Приазовье и Причерноморье), Донецко-Криворожский бассейн являлись зоной *совместной колонизации* и малороссов, и великороссов. И именно потому эти земли являются их (великороссов) исторической территорией, такой же, какой они стали и для малороссов (украинцев). А сами русские — их *коренным* населением².

И это остаётся фактом, даже несмотря на то, что, в силу географической близости данных колонизируемых территорий к историческому ядру малороссийских земель, удельный вес малорусского элемента там заметно превышал удельный вес великороссов (хотя и не везде в одинаковой степени). О праве этих регионов считаться (и восприниматься) русскими говорит и их историческое прошлое — изначальная принадлежность к российской истории, которая и предопределила их общественно-политический и культурный облик.

Но если исторический аспект проблемы не вызывает вопросов, то количественные показатели этнического соотно-

---

² Русские в Евразии. XVII–XIX вв. М., 2008. С. 220–222.

шения населения, при всей справедливости того, что было сказано выше, всё же не могут не вносить свои коррективы. Даже эти территории будут довольно специфическими, чтобы так же уверенно называть их этническими великорусскими, как, скажем, Ярославскую, Орловскую или Самарскую области. Что уже говорить о Правобережье и Левобережье — тех землях, что напрямую ассоциируются с Украиной. И тем не менее, стоит ещё раз повторить, что Украина русским сознанием понимается как «своя». А это означает, что при выработке ментального образа этой земли особое место занимало отношение к народу, её населяющему.

Для того, чтобы всесторонне проанализировать или хотя бы обозначить все аспекты этой многоплановой проблемы, определить, как формировался и менялся в русском сознании образ (или образы) этих земель и их населения, потребуется не одно исследование. Ведь у каждой эпохи, у каждой социальной и профессиональной группы, даже у каждого человека этот образ свой, несущий на себе отражение времени, политической действительности, социального и индивидуального опыта, но вместе с тем имеющий под собой некую общую основу, что и делает его достоянием всего народа, феноменом массового сознания. Удобнее взять какой-то один аспект осмысления этого образа, причём такой, который бы в наибольшей, по возможности, степени влиял на его формирование.

Поистине исключительная роль тут принадлежит литературе: ведь она напрямую обращается к чувству, к области психологии, к эмоциональной сфере, исподволь формируя мировоззрение, стереотипы и поведенческие практики. С глубокого средневековья и вплоть до второй половины XX века в формировании пространственных образов литература играла ведущую роль, и лишь затем она начала уступать пальму первенства кинематографу и особенно телевидению. Поскольку литература глубоко индивидуальна, то в деле формирования образов велика роль личности автора — писателя, поэта.

Не будет преувеличением сказать, что у десятков миллионов человек, живущих на пространствах бывшего СССР, образ Белоруссии сформирован всего несколькими песнями. И прежде всего необыкновенно лиричными и в то же время ёмкими «Белоруссией» («Белый аист летит»), и «Беловежской Пущей» А. Н. Пахмутовой и Н. Н. Добронравова, и не менее тонкой и поэтичной «Девушкой из Полесья» («Олесей», или, на белорусский лад, «Алесей») О. Б. Иванова и А. Г. Поперечного, исполненными, соответственно, «Песнярами» и «Сябрами».

Кстати, появление этих песен весьма любопытно с точки зрения понимания того, как могут возникать и закрепляться в массовом сознании подобные пространственные образы. История появления «Беловежской Пущи» и «Белого аиста» (обе — 1975 год) в этом отношении вполне традиционна. Их написанию предшествовала поездка Пахмутовой и Добронравова по Белоруссии, и песни родились под впечатлением от всего, что они там увидели и прочувствовали. А вот «Девушка из Полесья» (1978 г.) имеет совершенно иное, литературно-кинематографическое происхождение. Эта песня восходит к знаменитой повести А. И. Куприна «Олеся» (1898 г.) и двум снятым по ней кинолентам: французской «Колдунье» («La Sorciere», 1956 г., что называется, по мотивам) в главной роли с М. В. Поляковой-Байдаровой, более известной как Марина Влади, и отечественной экранизации повести — фильму «Олеся» (1971 г.) с Л. А. Чурсиной. И сама повесть, и обе её экранизации были очень популярны в нашей стране и вдохновили Поперечного и Иванова на создание песни.

Любопытно и то, что образ купринской Олеси претерпел этническую и пространственную эволюцию. Авторами песни она была переселена в белорусское Полесье («Живёт в белорусском Полесье кудесница леса — Олеся») и стала лирическим олицетворением именно Белоруссии. Между тем свою повесть Александр Куприн написал после поездки на Волынь, и действие в ней происходит в глухом уголке

Волынской губернии, на границе с Полесьем, то есть в той части полесского региона, что ныне находится в пределах Украины. Да и этнический контекст в повести явно украинский. Но самое интересное, что эта волынско-полесская *Олеся*, ставшая впоследствии олицетворением Белоруссии — *Алесей*, на самом деле звалась *Алёной* и с очень большой долей вероятности была... русской (великоросской), чему у Куприна есть немало свидетельств. И по своей внутренней и внешней красоте и чувству достоинства разительно (по мнению главного героя повести) отличалась от туземных «дивчат»³.

Вот так образ литературный (возможно, навеянный какими-то местными преданиями) может стать основой для пространственного образа целой земли (а теперь даже страны). А характер литературы, как рассчитанной на массового потребителя, только облегчает формирование подобных образов. Естественно, понятие массовости в каждую эпоху относительное. Ясно, что в XIX веке в России художественная литература могла рассчитывать прежде всего на образованные слои. Но уже с середины века, не говоря о второй его половине, литература становилась всё более демократической по своей аудитории, проникая в народ — сначала в городские слои, а затем и в крестьянство. Конечно, в деревне в основном читали духовную литературу, повествования из библейской истории, лубок, книги на историческую тематику (о войнах и полководцах). Но имелись в крестьянских избах и сочинения Пушкина, Льва Толстого, Гоголя, Короленко, Гаршина, Крылова, Некрасова, а у тех крестьян, кто занимался отходничеством и бывал в городах, встречались даже собрания сочинений⁴. И к тому же надо помнить, что одной из форм распространения книжности в русской деревне были коллективные

³ Куприн А. И. Сочинения в 3 томах. Т. 1. М., 1954. С. 335–409, 562–564.

⁴ Громыко М. М., Буганов А. В. О воззрениях русского народа. М., 2007. С. 398–403.

чтения вслух, заметно увеличивавшие охват сельской аудитории книжной культурой. Соответственно, книжные образы начинали влиять на мироощущение и этих групп.

Впрочем, писавших про Украину и осмысливавших её было великое множество, что как раз и объясняется тем особым местом, которое эта земля занимала в российском государстве, русском сознании, да и судьбах самих писателей. В качестве примера можно привести творчество И. А. Бунина, оставившего свой и очень личный образ этой земли⁵. Но были среди них и те, чей вклад в формирование русским обществом образа Украины был особенно заметен. И первый среди них — Николай Васильевич Гоголь (1809–1852 гг.).

Почему именно он? Причин тому несколько. Во-первых, Гоголь — великая историческая личность, мыслитель (ещё до конца не оценённый) и писатель, причём один из самых выдающихся в русской литературе. И таковым он стал считаться ещё при жизни. А это означало не только влияние на художественные вкусы читающей публики. В русской культуре вообще и в XIX веке в особенности литература была важнейшей сферой не только искусства, но и общественной мысли и даже формой общественно-политического движения. И Гоголь в русской жизни 1830–1840-х годов был знаковой фигурой, влияя на умонастроения современников.

Во-вторых, Гоголь много писал о Малороссии, и его видение и понимание этой земли оказывало несомненное влияние как на русскую публику того времени (поначалу, конечно, на образованные слои), так и на последующие, всё более широкие поколения читателей, формируя их восприятие Малороссии-Украины.

Наконец, Гоголь был малороссом. Одним из аспектов многогранной личности Николая Васильевича являет-

⁵ Юрченко Л. Н. Образ Украины в творчестве И. А. Бунина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2002. № 2. С. 3–32.

ся то, что он предстаёт как своеобразное зеркало национальных ориентаций, идентичностей, ментальных процессов, культурно-политических пристрастий, имевшихся в то время в России в целом и в Малороссии в частности.

Было бы неверно утверждать, что выработка пространственных стереотипов и образа Малороссии велась лишь одними великороссами и затем в готовом виде транслировалась на места, закрепляясь в сознании и самих малороссиян. Конечно, этот процесс был преимущественным, как и любой взгляд «из центра» на «регион-периферию» (центра и политического, и культурно-национального). Но малороссы были отнюдь не пассивными статистами и тоже участвовали в выработке русским обществом образа Малороссии, и притом весьма активно, поскольку сами являлись носителями русской культуры.

Особенности культурной и политической жизни России, а также биография самого писателя позволяют сказать, что созданный Гоголем и «предложенный» им российскому обществу образ Украины был одновременно и взглядом «изнутри» — с точки зрения уроженца тех мест и малороссиянина, и «извне» — с позиций представителя российского образованного слоя и человека русской культуры. Действительно, ведь в Нежинской Гимназии высших наук, которую окончил Гоголь, при всей имевшей там место этнической и культурной специфике (и учащихся, и окружения, и культурных увлечений той поры), определяющей была русская культурная среда, ориентация на высокие образцы и эталоны русской культуры. Не случайно большинство выпускников гимназии, а среди них было немало одарённых и талантливых людей, включилось в русский литературный процесс (и первый среди них — сам Гоголь), а не стало создавать отдельную малороссийскую литературу⁶. Среди них были те, кто экспериментировал

---

⁶ Супрунюк О. К. Литературная среда раннего Гоголя. Киев, 2009. С. 94, 100.

в этом направлении, но при всём том их опыты оставались в рамках двойной культурной идентичности и не вступали в противоречие с русской культурой. А что касается Гоголя, то свои «украинские» произведения он писал не в Малороссии, а в Петербурге, который даже стал неким антиобразом (географическим, красочным, эмоциональным), на противопоставлении которому вырастал гоголевский образ Украины.

Русская литература (так же как и русский язык, культура и сама государственность) была поистине общерусским делом, и вклад в неё писателей и поэтов-малороссов, число которых насчитывалось десятками, был велик. Помимо Гоголя, это Н. И. Гнедич, В. В. Капнист, А. А. Перовский, В. Т. Нарезный, О. М. Сомов, Е. П. Гребёнка, Г. П. Данилевский, В. Г. Короленко, карпатороссы Н. В. Кукольник и Н. И. Билевич (учитель молодого Ф. М. Достоевского, оказавший на него значительное литературное и нравственное влияние)⁷. Это даже Т. Г. Шевченко, которого принято считать не русским, а украинским литератором, хотя сам он вовсе не думал отречься от русской литературы, вёл на русском языке дневник и переписку и, по собственным словам, написал около двадцати русских повестей (из них до нас дошло только девять⁸). Причём сочинял по-русски Шевченко и в свой самый плодотворный период, ещё до того, как ввязался в политику и угодил в ссылку⁹.

А было и много других, порой не менее талантливых, но подзабытых или же оказавшихся в тени своих коллег-современников. Кроме того, среди людей, имевших малороссийские корни, можно назвать А. К. Толстого, А. П. Чехова, К. Г. Паустовского, М. А. Волошина, А. А. Ахматову. Но именно с Гоголем больше всего ассоциируется общерусский характер русской литературы и культуры, и имен-

⁷ Там же. С. 85.

⁸ Барабаш Ю. Почва и судьба. Гоголь и украинская литература. У истоков. М., 1995. С. 79.

⁹ Щёголев С. Н. История «украинского» сепаратизма. М., 2004. С. 51–53.

но ему суждено было стать самым известным писателем-малороссом.

Пожалуй, наиболее яркий пример того, насколько тесно в русском культурном процессе были переплетены великорусская и малорусская составляющие (в том числе и на личном уровне) — настолько, что отделить одну от другой невозможно, не разрушив этого единства, — являют собой писатели и близкие родственники Алексей Толстой и Алексей Перовский.

Алексей Алексеевич Перовский (1787–1836) был внебрачным сыном графа А. К. Разумовского и приходился внуком последнему малороссийскому гетману, генерал-фельдмаршалу К. Г. Разумовскому. Кстати, его брат Л. А. Перовский возглавлял Департамент уделов Министерства Императорского двора, где с марта 1830 по февраль 1831 годов служил молодой Гоголь. Сам А. Перовский совмещал чиновную деятельность (в том числе был он и попечителем Харьковского учебного округа) с литературной. Современному читателю он больше знаком по своей сказочной повести «Чёрная курица, или Подземные жители», хотя в своё время был известным писателем (печатался под псевдонимом Антоний Погорельский), примыкавшим к пушкинскому кругу. В своих литературных занятиях Перовский опирался на малороссийский материал.

Алексей Константинович Толстой (1817–1875) приходился ему родным племянником (сыном сестры) и, таким образом, правнуком гетмана. Собственно, сказку о «Чёрной курице» Перовский сочинил как раз для маленького Алёши. Детство Алексей Толстой провёл в Малороссии (в имении дяди) и на всю жизнь очень её полюбил. Но своё литературное творчество он посвятил русской истории (исторический роман «Князь Серебряный», 1863 г.; трилогия «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Фёдор Иоаннович» и «Царь Борис» — 1866–1870 гг.), осмысливая драматический рубеж XVI–XVII веков, а в стихотворениях и балладах воспевая древнерусский период

и Русь богатырскую. И поэтому безоговорочно признаётся русским писателем. Тем более, что и сам считал себя русским¹⁰.

Но здесь возникает пусть на первый взгляд и нелепый, но, учитывая нынешние реалии, не столь уж праздный вопрос: а можно ли дядю и племянника развести по национальным «квартирам» и литературам? Можно ли одного из них «оставить» русским исключительно потому, что он писал не про гетманов и «чернобровых хохлушек», а про Ивана Грозного и Илью Муромца, а другого назвать «украинским» лишь потому, что в работе он использовал малороссийский материал? Очевидно, что нет. И тот, и другой, кровно и культурно впитав в себя обе этнические природы, олицетворяли русскую литературу и культуру во всей их тематической и географической полноте, творя и понимая их именно как такое единство.

Кстати, Алексей Толстой (в этническом плане наполовину великоросс, наполовину малоросс) в своём знаменитом стихотворении «Колокольчики мои, цветики степные» (1840-е гг.) очень ясно выразил своё понимание единства Великой и Малой Руси, вместе составляющих Россию. Среди прочего там описывается торжественный въезд в Москву малороссийского посольства, которое под колокольный звон встречают народ и Государь:

«Хлеб да соль! И в добрый час! —
 Говорит державный, —
 Долго, дети, ждал я вас
 В город православный!»
 И они ему в ответ:
 «Наша кровь едина,
 И в тебе мы с давних лет
 Чаем господина!»

¹⁰ Толстой А. К. Собрание сочинений в 5 томах. М., 2001. Т. 1. С. 14, 16; Т. 5. С. 293, 307.

И это давно чаемое единение настолько же радостно и дорого и тем, и другим, насколько оно пришлось «не по сердцу» их всевозможным недругам¹¹.

Стоит подчеркнуть, что русская литература и культура как феномены общерусские были общими и родными не только для великорусов, но и для малорусов. Такое их восприятие долгое время было свойственно даже представителям зародившегося в середине XIX века украинофильского движения, в том числе тем из них, кто, как тот же Шевченко, критически относился к России как государству. Показательны в этом контексте слова виднейшего деятеля этого движения второй половины XIX века М. П. Драгоманова, назвавшего героиню пушкинской «Полтавы» Марию (исторический прототип которой Матрёна — дочь казнённого Мазепой В. Л. Кочубея) одним «из первых живых русских лиц в нашей литературе» (выделено мной. — А. М.)¹². И главное тут даже не то, что Марию-Матрёну он считает лицом *русским*, хотя это тоже любопытно, а его отношение к русской литературе как к *нашей*.

Даже ставя своей целью создание собственной — *украинской* — культуры и нации как *не-русских* по своему мироощущению, эти люди оставались носителями двойной идентичности и не порывали с русской культурой. Лишь ближе к концу XIX века среди части малорусского этноса (адептов этой самостийно-украинской идеи), численно, правда, не самой большой, возникло отношение к русской культуре как к «чужой» для украинской нации и даже «враждебной» ей, что стало одним из важнейших признаков перерождения *украинофильства* в *украинство*. Такое отношение к русской культуре и русскости вообще является визитной карточкой украинского национализма¹³.

---

¹¹ Там же. Т. 1. С. 59.

¹² Цит. по: *Заславский И. Я.* Пушкин и Украина: украинские связи поэта, украинские мотивы в его творчестве. Киев, 1982. С. 100.

¹³ Подробней см. *Марчуков А. В.* Украинское национальное движение. СССР. 1920–1930-е годы. Цели, методы, результаты. М., 2006. С. 101–114 и др.

Но, как уже было сказано, это случилось позднее, и было присуще лишь части малорусского этноса. В целом же, создаваемые русской литературой образы и стереотипы, в том числе пространственные, были во многом общим делом великороссов и малороссов и творились ими совместно. Более того. Общерусский характер русской культуры как раз и складывался в результате такой совместной выработки образов, стереотипов, взглядов.

Вопрос о том, какой географический (а может, культурный или политический) объект описывал Гоголь, во все не праздный. Выше уже говорилось об «образе Украины» и об «образе Малороссии». Никакого противоречия тут нет. Во времена Гоголя в ходу были оба эти названия. Лишь к концу XIX века стараниями сторонников украинского движения они (как и их производные — этнонимы *малороссы* и *украинцы*) были превращены в синонимы совершенно разного национального выбора, в символы противоположных национальных идентичностей: малорусско-общерусской и украинской. А тогда официальным названием края (прежде всего Левобережья Днепра), принятым и в столице, и в самом малороссийском обществе, были названия «Малороссия», «Малая Россия».

Эти названия, известные ещё с XIV века и поначалу применявшиеся по отношению к Галицко-Волынской земле, носили церковно-политический характер: так константинопольские церковные и светские власти обозначали Южную Русь (и созданную там митрополию), отличая её от Руси Северо-Восточной, а потом и Московской. Со временем эти названия прочно закрепились в церковной, книжной и политической практике уже самой Южной Руси, и произошло это ещё в тот период, когда эти земли были частью польской Речи Посполитой. Так, «Россией Малой» называет южнорусские земли автор «Лексикона славенорусского», книжник П. Берында в своём предисловии к одному киевскому изданию (1619 г.). А львовские типографы указывали, что издан-

ная ими книга («Октоих», 1630 г.) вышла «в граде Леондополи Малыя России»¹⁴.

С конца XVI века в широкое употребление среди местного населения также входят и такие греческие по форме самообозначения, как «Россия» и «российский». Скажем, в изданной в 1591 году львовским православным братством «Грамматике» говорилось, что предназначается она в наставление «многоименитому Российскому роду». Основательница киевского Богоявленского братства Анна Гулевичевна Лозкина в своей записи о том (1615 г.) указывала, что оно учреждается «правоверным и благочестивым христианом народу Российскаго, в поветех воеводств Киевскаго, Волынскаго и Брацлавскаго будучим».

Начиная с митрополита Киевского и Галицкого Михаила (Рагозы) западнорусские первоиерархи — как православные (митрополиты Иов Борецкий, Исаия Копинский, Пётр Могила), так и униатские (митрополит Ипатий Потей) — добавляли в своём титуле «всёя России» (тогда как до этого писалось «всёя Руси» или «Русии»). «Милостию Божиею архиепископ Киевский и Галицкий и всёя России» — так подписывал официальные документы глава возрождённой (после униатского разгрома) православной иерархии Иов Борецкий, впоследствии ставший митрополитом (например, «Окружную грамоту» 1629 г., адресованную «всем посполито Российскаго рода, так в короне Польской, яко и у великом князстве Литовском» проживающим)¹⁵.

Соответственно, самоназваниями, помимо этнонимов *русские, русины, россияне*, были *малороссы, малороссияне*. Первые были более характерны для польских времён. В условиях польского культурно-религиозного давления православному населению Речи Посполитой приходилось отстаивать свою религиозную и национальную сущность

¹⁴ Максимович М. А. Собрание сочинений. Т. 2. Киев, 1877. С. 308, 309. (Статья «Об употреблении названий Россия и Малороссия в Западной Руси».)

¹⁵ Там же. С. 308–310.

и осмысливать себя именно как *русскую* общность. И потому тогда насущным было противопоставление поляк — русский. Названия же малороссы, малороссияне всё шире начинают распространяться именно в казачий период, после Переяславской Рады. Тогда ситуация изменилась, и появилась необходимость терминологически очертить свою русскую общность, чтобы теперь уже отличать её от соседней, тоже русской, но великорусской общности. Таким образом, термин *Малороссия*, *Малая Россия* имел политический и этнический характер, распространяясь главным образом на территорию гетманской автономии. В дальнейшем, с первых десятилетий XIX века в российском обществе прослеживается тенденция распространять название «Малороссия» и производные от него и на Правобережные земли.

Название же «Украина» (или «Украина») носило иной характер. Во-первых, оно было более расплывчатым, обозначая либо всю территорию бывшей гетманской автономии, либо её часть. Так, в начале XIX века современники, проезжая по Левобережью, могли попадать из Малороссии на Украину и обратно, при этом отмечая имевшие место, порой очень заметные, различия в облике, обычаях и даже языке их населения¹⁶. Либо же под «Украиной» понимались казачьи земли вообще, в том числе расположенные на Правобережье. Кроме того, присутствовало это слово и в названии особого региона — Слободской Украины. То есть термин «Украина» имел, во-первых, не политический и этнический, а, скорее, территориальный характер. Во-вторых, часто он употреблялся применительно не к современности, а к прошлому, когда речь заходила о XVII веке и казачьих временах. А в-третьих, к началу XIX века термин «Украина» приобрёл вполне различимый романтический ореол — как названия некоего полуэкзотического края с этнографической и казачьей спецификой.

¹⁶ Гун Отто, фон. Поверхностные замечания по дороге от Москвы в Малороссию в осени 1805 года. М., 1806. Ч. 2. С. 84–85.

Есть и ещё одно обстоятельство, которое нужно учитывать, говоря об «образе Украины», а именно понятийный перенос современной реальности на прошлое. Сегодня Украина существует как данность. Имея её перед глазами, исследователь неосознанно старается «найти» таковую и в прошлом, причём в современных границах. И часто, мастера «украинскую историю», он вольно или невольно «сшивает» земли и истории разных государств и народов, создавая из этих кусков некое виртуальное пространство, которое рассматривает как «Украину». Тогда как в прошлом либо политические границы могли сильно отличаться от современных, либо сам объект как таковой просто не существовал.

Стоит обратить внимание на то, что истории различных частей современной Украины старше, чем её собственная история. Порой они настолько отличаются друг от друга, что имеют между собой больше различий, чем сходства, и гораздо прочнее связаны (в том числе на уровне восприятия собственным населением) не между собой и с «Украиной», а с соседними странами: Россией, Польшей, Венгрией. Ведь эти исторические регионы длительное время развивались независимо друг от друга и принадлежали к истории других государств и даже цивилизационных пространств. А всё это накладывает свой отпечаток и на то, как воспринимались эти земли русским сознанием. Поэтому стоит подробнее остановиться на особенностях, времени и способе их обретения Россией.

Но прежде несколько слов о начале начал. Древняя Русь и в период своего государственного единства, и в период раздробленности оставалась единым политическим, культурным, языковым и этническим пространством¹⁷. Монголо-татарское нашествие привело к тому, что русские земли превратились в поле, на котором столкнулись интересы соседних держав, а геополитический облик регио-

---

¹⁷ Толочко П. П. Древнерусская народность: воображаемая или реальная. СПб., 2005. Выводы содержатся в конце каждой главы; Котляр Н. Ф. Древнерусская государственность. СПб., 1998.

на кардинально изменился. В течение XIII–XV веков центральные и южные русские земли утратили суверенитет и были присоединены к Великому княжеству Литовскому. А самая западная земля — Галицкая — отошла к Польскому королевству, и с тех пор её история начинает всё больше расходиться с историей остальной Руси, в том числе соседней Южной.

Но ощущение жителями Руси своего единства сохранялось долгое время и после монгольского нашествия, о чём свидетельствует духовная и книжная культура и восточной, и западной её частей¹⁸. Не могло этому помешать даже их пребывание в составе разных и часто враждовавших между собой государств — Великих княжеств Московского и Литовского. Борьба Московской и Литовской Руси шла всю вторую половину XIV — XVI века. Победительницей в итоге оказалась Москва, не только укрепившаяся в качестве «главной Руси», но и отвоевавшая в конце XV — начале XVI века у Литвы обширные территории вплоть до Гомеля и Чернигова включительно. В начале XVI века граница Московского государства проходила менее чем в сотне километров от Киева.

Но именно с XVI века начинают закладываться различия между Западной и Восточной Русью. Решающим в судьбе южнорусских земель оказалось постепенное втягивание Литовского княжества в политическую, религиозную и культурную орбиту Польши, с которой в 1569 году по Люблинской унии оно образовало общее государство. Постепенное вмешательство в жизнь западнорусского общества поляков повлекло за собой изменения в его культурном, социальном и этническом облике. Этот растянувшийся на десятилетия процесс превращения «другой Руси» а «полу-Польшу» предопределил последующую историю, культурный и политический облик южнорусских земель.

¹⁸ Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. М., 1982. С. 76–77, 89.

По унии от Литвы непосредственно к Польше отходила Волынь, Киевщина, восточное Подолье, и там вводились польские порядки. В начале XVII века к этому южнорусскому ареалу добавились земли с Черниговом, Новгород-Северским и Стародубом, захваченные Польшей у России в годы Смуты. Именно в результате территориального объединения южнорусских земель в составе Польши (уже к тому времени обладавшей Галичиной и западной частью Подолья) закладываются основы для более тесной связи между ними. Это, вкупе с отложившимся на них польским культурным влиянием, позже позволило осмысливать их как некое общее пространство (хотя двести лет раздельного существования с Галицией, где к тому времени гораздо дальше зашла социальная и культурная полонизация, давали о себе знать). Начала формироваться их особая судьба, несколько отличная не только от Московской Руси, но и от тех русских земель, что остались в литовской части Речи Посполитой. Любопытно, что новая граница между этими, отошедшими непосредственно к Польше, землями, и теми, что остались в литовской части Речи Посполитой, практически совпадает с современной политической и этнической границей между Украиной и Белоруссией.

Впрочем, польское государство и правящие круги Речи Посполитой в отношении своих русских подданных вели крайне недальновидную политику (социальную, религиозную, национальную). Эта политика и спровоцированные ею конфликты уже внутри самого западнорусского общества, апогеем которых стала Римско-Брестская церковная уния 1595–1596 годов и последовавшие за ней события, вынудили православных отстаивать своё национальное и религиозное «я». И опору православное общество стало искать, с одной стороны, в прошлом, а с другой — за пределами польско-литовского государства, что автоматически вело к укреплению среди него общерусского сознания.

Вся эта ситуация в конечном счёте закончилась для Речи Посполитой катастрофой. В 1648 году в ней произо-

шёл национальный и социальный взрыв (казачье восстание под руководством Богдана Хмельницкого, переросшее в народно-освободительную войну), одним из результатов которого стало обособление части южнорусских земель и появление там автономного казачьего образования, включавшего в себя воеводства Киевское, Черниговское и Брацлавское. На этих территориях началось переустройство по казачьим образцам, а само казачество (прежде всего его верхушка) заменило собой польскую и ополяченную шляхту на правах высшего сословия края.

Но поляки считали все соглашения с казаками (и прежде всего об автономии) тактическими уловками и не были намерены уступать. Оказавшись перед угрозой поражения, восставшие в очередной раз обратились к России с просьбой о помощи и покровительстве (а подобные обращения они делали неоднократно, причём начиная ещё с 1648 года, когда ситуация для казаков и Хмельницкого складывалась удачно). В Москве долго не решались на столь радикальный шаг, как принятие Войска Запорожского и Малороссии в своё подданство, но под давлением просьб и уговоров малороссийской стороны были вынуждены согласиться. И в 1654 году Войско Запорожское и население подконтрольных ему малороссийских земель принесли присягу на верность царю Алексею Михайловичу. Началась русско-польская война, вскоре в схватку оказались втянуты Швеция, Крымское ханство и Османская империя, а Малую Русь охватили внутриказачьи смуты, вызванные столкновением интересов пропольской, протурецкой и промосковской партий в казачьей верхушке. При этом народ и рядовое казачество, не в пример первым двум, своего защитника и покровителя видели именно в России.

Фактически единственным реальным результатом казачьих усобиц и мятежей стало то, что обессиленная войной и старшинскими изменами Россия, экономическая и внутривнутриполитическая ситуация в которой была крайне напряжённой (на этот период пришлось городские

волнения 1648 г., Раскол 1653–1656 гг., «медный бунт» 1662 г., восстание Степана Разина 1667–1671 гг.), оказалась не в состоянии удержать всю территорию, отошедшую к ней по Переяславскому акту. По Андрусовскому перемирию 1667 года за Россией сохранялась только Левобережная часть «державы» Хмельницкого с Киевом и небольшой территорией вокруг него на правом берегу Днепра, а также Запорожье. Последнее, правда, входило скорее формально: оно находилось то под контролем России, то в совместном русско-польском ведении, то под турецким протекторатом, окончательно став российским в 1739 году. Польше отходили Правый берег и Подолье, за которые она ещё почти тридцать лет вела борьбу с Турцией. «Вечный мир», заключённый между Россией и Речью Посполитой в 1686 году, подтвердил русско-польскую границу, закрепив разделение малорусских земель. Не претерпела она изменений и в ходе Северной войны (1700–1721 гг.).

Судьба малороссийских земель, оказавшихся в Польше и России, сложилась совершенно по-разному. Социокультурные и даже этнические различия между российской и польской частями были столь заметны, что эти регионы с трудом воспринимались современниками как что-то единое. На тех, что остались под властью польской короны (это Галиция и Волынь, которые фактически оказались в стороне от казачьего восстания, а также Правобережье, сильно опустошённое польскими, татарскими, турецкими войсками и их казачьими союзниками), поляки смогли взять реванш. К концу XVII века там было ликвидировано казачество, восстановлена униатская иерархия. Активно насаждается уния, которая даже в обрядовом отношении всё больше сближается с католичеством. Православие подвергается гонению. В XVIII веке на подконтрольных Польше малорусских землях не остаётся ни одной православной епархии, православные братства повсеместно прекращают существование, становясь униатскими (хотя в народе

стремление к сохранению своей веры существовало даже в те трудные годы)¹⁹. Православными остаются лишь отдельные приходы и лесные монастыри вблизи российской границы и несколько очагов православия в Галиции. Например, расположенный в Прикарпатье знаменитый Манявский скит (монастырь) был закрыт в 1785 году уже австрийцами. Стремительно идёт ассимиляция населения, прежде всего высших и городских слоёв.

Те же земли, что остались за Россией, сохранили свою культурную и социальную самобытность. Они состояли из трёх частей, и в каждой были свои порядки. Первой являлась Гетманщина — Левобережная часть «державы» Хмельницкого, получившая от Москвы широкие права на самоуправление. В ней были установлены казачьи социальные, административные и судебные порядки, продолжали во многом действовать и юридические нормы, доставшиеся ещё от польско-литовских времён. Казачья автономия (а это была автономия прежде всего именно казачьего сословия, распространившего свою власть и порядки на малороссийские земли) была отменена лишь через сто с лишним лет, при Екатерине II.

Долгое время за самоуправление казачья верхушка держалась крепко, видя в нём гарантию своего положения — и в самом крае, и в масштабах всей России. Но когда её положение в результате целого ряда осуществлённых российским правительством социально-экономических реформ стало прочным, судьба Гетманщины перестала волновать потомков казачьей старшины, что и позволило сравнительно легко заменить автономию общегосударственными порядками. После ликвидации Гетманщины на её территории было введено такое же административно-территориальное устройство, что и в остальной России, хотя некоторые социальные особенности продолжали

¹⁹ Коялович М. О. История воссоединения западнорусских униатов старых времён (до 1800 г.). Минск, 1999. С. 9–15.

ещё долго сохраняться (вплоть до конца первой трети XIX в.).

Другая территория — обширные, но малозаселённые земли Запорожской Сечи. Признавая российское подданство, запорожцы стремились сохранить внутреннюю самостоятельность, но особенно ревниво относились к попыткам украинских гетманов установить над Запорожьем свою власть. Постепенно эти земли стали колонизироваться — великороссами и малороссами, и иностранцами (прежде всего сербами).

Продвижение России на юг, к Азовскому и Чёрному морям оставило Запорожье в тылу. С военной точки зрения Сечь уже роли не играла: казаки требовались на настоящем пограничье, хлопот своим своеволием запорожцы доставляли много, к тому же мешая переселенцам осваивать благодатные земли. Наконец, восстание Емельяна Пугачёва (1773–1775 гг.), которое началось как сугубо сословно-казачье, а затем быстро переросло в антифеодальную крестьянскую войну, встревожило и центральную, и местную власть, не отбрасывавшую возможности появления нового самозванца и повторения знакомого сценария уже на Запорожье. Все эти причины в комплексе привели к тому, что 1775 году, сразу же после подавления пугачёвского восстания, Сечь без единого выстрела была занята войсками под командованием генерала П. Текели (кстати, серба)²⁰ и вскоре указом Екатерины II упразднена, а основная масса запорожцев была переселена на новое пограничье: на Буг, Днестр и Кубань.

Наконец, третьей землёй стала Слободская Украина, или Слобожанщина. Ни к Запорожской Сечи, ни к «державе» Хмельницкого и Гетманщине она не имела никакого отношения. Изначально это были приграничные с Речью Посполитой малозаселённые российские земли с городами

---

²⁰ Кирпичёнок А. Сербские поселения на Украине в середине XVIII века. СПб., 2007. С. 206.

Путивль, Царёв-Борисов, Харьков. С конца XVI и особенно в XVII веке туда направлялся всё более многочисленный поток малорусских казаков и крестьян (с семьями): участники восстаний, те, кто бежал от польского и панского гнёта, кто спасался от ужасов внутриказачьей гражданской войны, польских армий и турецко-татарских нашествий. Они селились в городах и сёлах и совместно с великорусами, и чересполосно. В Москве были заинтересованы в освоении окраинных земель, и поэтому переселенцы получали налоговые льготы и право управляться по своим обычаям. В административном отношении Слободская Украина (название было не административным, а сугубо территориальным) единства не представляла и тем более не подчинялась малороссийским гетманам. В 1765 году вместо прежних административных единиц — полков там была образована Слободско-Украинская губерния с центром в Харькове.

Ликвидация гетманской автономии и установление на её территории, как и в Слободской Украине, общегосударственных институтов и административного деления имело для этих земель, до того времени хоть и похожих, но развивавшихся по своему пути, одно немаловажное последствие: оно устраняло между ними политические и социальные барьеры. Теперь никакой административной и социально-политической разницы между ними уже не существовало. Позже, в середине XIX века, когда идея «народа» как основной единицы и творца истории постепенно войдёт в ментальные и политические практики, именно общность этнического происхождения послужит тем базисом, на котором эти земли начнут всё крепче увязываться друг с другом, мыслиться как общее пространство, и в конце концов станут территориальным ядром, вокруг которого в XX веке была образована Украина.

Время правления Екатерины II (царствовала в 1764–1796 гг.) стало периодом огромных территориальных приращений на юге и западе. На юге ими стали земли бывшего Крымского ханства (с Крымским полуостровом) и турец-

кие владения в Причерноморье и Приазовье, отвоеванные Россией в результате русско-турецких войн 1768–1774 и 1787–1791 годов (в 1812 году к ним добавилась Бессарабия с Буджаком). В результате во второй половине XVIII века начинает формироваться новый огромный регион Российской империи — Новороссия, там вводятся общегосударственные порядки и административное устройство. Столь быстрое присоединение обширных, стратегически важных, но редкозаселённых территорий заставляло российские власти не только приступить к административному и хозяйственному освоению края, но и переосмыслить функции и сущность оставшихся глубоко в тылу Гетманщины и Запорожья.

На западе Россия расширила свои пределы за счёт земель, присоединённых в результате разделов Речи Посполитой 1772, 1793, 1795 годов. Инициаторами разделов выступали европейцы — Австрия и Пруссия, они же поделили и собственно польские этнические территории. Кроме того, австрийской теперь становилась Галиция (с 1772 г.). Стоит добавить, что в те же годы Австрия стала обладательницей и некоторых других восточнославянских земель. В 1774–1775 годах к австрийской короне отошла населённая русинами северная часть Молдавского княжества (турецкого вассала), которую австрийцы называли Буковиной. Подкарпатская Русь (современное Закарпатье) по-прежнему принадлежала венгерской короне, и вместе с Венгрией в конце XVII века оказалась в составе Австрийской монархии Габсбургов.

Россия пошла на разделы Речи Посполитой как на вынужденный шаг: более выгодным считалось сохранение на своих западных границах буферной зоны — подконтрольного России польского государства²¹. Но далеко не всё решалось в Петербурге. В конечном счёте, Россия присо-

---

²¹ Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 67–68, 70, 72, 79, 80.

единила те земли, что когда-то являлись Русью и со второй половины XVII века стремительно теряли свой русский православный облик. Так, ей достались почти все земли нынешней Белоруссии, а также Правобережье, Волынь и Подолье. Исключение составили лишь Латгалия, Курляндия и Литва, раньше «Русью» не являвшиеся (хотя польской этнической территорией они тоже не были).

На отошедших к России землях постепенно вводятся общеимперское территориальное деление, законодательство, судопроизводство, позже, при Николае I, ликвидируется униатская церковь и население возвращается в православие. В начале XIX века складывается административно-территориальная система, с небольшими изменениями просуществовавшая до 1917 года.

Фактическое существование особых историко-культурных регионов отражалось и в административной практике. Так, территория, ныне составляющая Украину, подразделялась на три генерал-губернаторства. Малороссийское генерал-губернаторство (1802–1856 гг.) включало в себя Черниговскую, Полтавскую, а с 1835 года — и Харьковскую губернии (бывшую Гетманщину и Слободскую Украину, а также часть земель бывшего Запорожского войска). Киевское генерал-губернаторство (или Юго-Западный край, 1832–1915 гг.) — Подольскую, Волынскую и Киевскую губернии (земли, вошедшие в состав России по разделам Речи Посполитой, плюс Киев, географически тяготевавший к Правобережью). Наконец, Новороссийское генерал-губернаторство (1814–1874 гг.) объединяло Херсонскую, Екатеринославскую и Таврическую губернии (земли Запорожья, но главное — территории, отвоёванные Россией и присоединённые в ходе русско-турецких войн).

Характерно, что раньше всего эта военно-административная единица была отменена в Малороссии и Слободской Украине (всё теснее сближавшихся друг с другом) — как внутренних регионах страны, давно освоенных и национально и политически не проблемных. Затем то же

произошло в Новороссии — по мере её успешного развития и устранения на этом направлении внешней угрозы. И дольше всего система генерал-губернаторства продержалась на сложных в национальном и военно-политическом отношении западных границах.

В соответствии с историей присоединения и характером территорий на все эти регионы и русское, и малороссийское общество смотрело по-разному, и поэтому образ их тоже был различным.

Глава II

Русь изначальная и казачья Малороссия: два лика одного образа

Главным обстоятельством, определявшим специфику восприятия русским обществом тех земель, которые в настоящее время составляют территориальное ядро Украины, была их историческая *русскость*: они изначально являлись *Русью*, притом её сердцем. Исключение представляла вчерашняя татарско-турецкая Новороссия (Дикое Поле). С древнерусскими и, тем более, польскими временами она была никак не связана. Вырванная из азиатско-кочевой «тьмы» и «безвременья» на «свет» культуры и цивилизации, она — и с точки зрения мыслящей по европейским правилам властной элиты страны, и с точки зрения логики колонизирующего новые просторы этноса, в данном случае русского, — как бы не имела истории (как Америка для европейских переселенцев). И потому действительно была «Новой», сразу став «Россией», её культурно-историческим регионом, её историей.

В восприятии же русским обществом территорий, которые «имели» историю, прослеживается как бы два ментальных пласта. Первый — это взгляд в прошлое: он «видел» здесь «Русь» и «не замечал» более поздних времён, в той или иной степени изменивших облик этой земли. Этот ментальный пласт в русском сознании был изначальным и при формировании образа региона и отношения к нему играл доминирующую роль.

Второй ментальный пласт был уже отражением нынешних реалий: взгляд фокусировался на современном культурном, этническом и социально-историческом облике этой земли. Этот пласт не затрагивал архетипных пред-

ставлений, но порой приходил с ними в противоречие, вызывая к жизни уже сознательное желание увязать два образа одной и той же территории друг с другом.

Итак, первый взгляд — это взгляд на Малороссию как на Русскую землю, историческую отчину, колыбель, из которой вышла Россия. К концу XVIII — началу XIX века это представление существовало в виде коллективного воспоминания, генетической памяти русской культуры, а вовсе не было следствием интеллектуальной спекуляции, скажем, стремления русского общества «удревнить» свою историю. Такой деятельностью позже, на рубеже XIX–XX веков займётся как раз украинское национальное движение, конструируя особую «не-русскую» историю и удревняя её до времён Киевской Руси (которую оно стремилось представить как «принадлежащую» одной Украине). А коллективное воспоминание о Русской земле в рассматриваемый период лишь начинает, по ряду причин, активнее осмысливаться российскими литераторами, публицистами и историками.

Эта память восходила к средневековой литературной, летописной и устной традиции северо-восточных русских княжеств и особенно Московского. Идея единства Русской земли (канонической территории Русской церкви, отчины Рюриковичей, существование на которой политических границ «своих» княжеств и иноземных держав — дело печальное, но временное) никогда не умирала и начиная уже с XIV века последовательно отстаивалась русскими книжниками в историко-политической литературе того времени²².

Помимо сохранения национальной памяти и формулирования собственной идентичности, эта историческая и публицистическая литература играла ещё одну важную роль. Русские летописные своды и хронографы попадали в западнорусские земли. Они влияли на мировоззрение та-

---

²² Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л. Древнерусское наследие и исторические судьбы восточного славянства. С. 76, 153–155, 169, 171.

мошней публики, формировали, а точнее, поддерживали у неё образ Русской земли как единой территории, а образ соседней Московской державы и её народа — как пусть немного других, но тоже русских и своих. Более того, там эти идеи были творчески осмыслены. Именно в Западной Руси, под влиянием европейского интеллектуального опыта и специфики положения русских в Речи Посполитой, на рубеже XVI–XVII веков они трансформируются в концепцию национального единства обеих частей Руси, их принадлежности к одному русскому народу («православно-русскому», «российскому», «славяно-русскому», по терминологии западнорусских книжников, церковных и светских деятелей того времени).

Наряду с идеей единства Русской земли, в основание Российского государства уже изначально были заложены представления о Москве как наследнице той, древней, Руси. По мере объединения русских земель, укрепления единого государства, освобождения от ордынской зависимости тенденция к отождествлению Московским государством (и знатью, и народом) себя и своей истории с исторической традицией всей Руси, а не какой-то её части (например, Северо-Восточной) и, естественно, с её киевским периодом, лишь укреплялась²³.

А такое отождествление было напрямую связано не только с политическим или этническим, но с главным для русского сознания — духовным пониманием Русской земли. Московская Русь осознавала себя, прежде всего, как православное государство и православный народ. Истоки и самый смысл своего существования в этом мире она видела в христианстве, в воплощении на земле Божественного замысла о мире и человеке. А включилась Русь в единый мировой исторический поток лишь тогда, когда приобщилась к этому замыслу, когда приняла крещение, то есть в древнекняжеские времена. Таким образом, имен-

---

²³ Там же. С. 55, 57, 155, 157.

но через то время и через Киев Московская Русь оказывалась связана со Святой землёй, Иерусалимом, Царьградом, Афоном и т. д. Лишь находясь в таком непрерывном пространственно-временном единстве, Русь пребывала во всемирной истории.

Кстати, этот духовный аспект понимания Русской земли как *пространства во времени*, начало и конец которого заданы христианством, проявлялся и позже. Например, у тех русских писателей, кто размышлял над смыслом России и был не чужд православному миропониманию. Одним из них был и Николай Гоголь.

О том, как московскими книжниками Русская земля понималась в пространственном измерении, свидетельствует, к примеру, «Список русских городов, дальних и ближних». Составлен он был, как полагают, в XIV веке (начальные списки, имеющие южнорусское происхождение, относятся к ещё более раннему времени), а затем постоянно дополнялся. Там в одном ряду с городами Северо-Восточной Руси, Новгородской и Смоленской земель значатся города «волынские», «литовские», «киевские» (и «на Дунае») ²⁴. Ну а о литовском (а после и польском) владычестве над Русью московские политики и летописцы отзывались как о незаконном, называя литовских князей слугами князей русских ²⁵. Преемственность государственной и исторической традиции подчёркивалась даже через тождественность геометрических форм и модулей соборного ансамбля Московского Кремля киевскому сакральному ядру и прилегающему к нему пространству ²⁶.

²⁴ Журавель А. В. «Залесье» как взгляд с другой стороны «леса» // Восточная Европа в древности и средневековье. Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. М., 2006. С. 67–68; Полное собрание русских летописей. Т. 3. М., 2000. С. 475–477.

²⁵ Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л. Указ. соч. С. 58–59, 167–168.

²⁶ Мяло К., Севастьянов С. Крест над Россией. Очерки паломничества по Святой Руси в образе и слове // Москва. 1995. № 11. С. 136.

Наконец, именно через древнерусский период пролегла духовно-политическая преемственность (и притом вполне реальная) между молодым Русским государством и Вторым Римом — Византией. Идея этой преемственности была чётко выражена и в «Сказании о князьях Владимирских», и в царских символах (в том числе «царском венце» — «Шапке Мономаха», которой венчались все цари до Петра I), полученных Владимиром Мономахом из Царьграда, и в «мономаховом троне», на котором изображены сцены из жизни князя, в том числе передача ему византийским императором тех самых регалий²⁷.

То, что Москва является преемницей Руси киевской, а русские государи — законными и единственными наследниками Владимира Святого, полностью признавалось и западнорусским обществом (особенно после того, как Великое княжество Литовское перестало быть «Русью»). Об этом свидетельствует и западнорусская политическая литература, и непосредственные обращения представителей православной общности в Москву. Скажем, в обращении львовского братства к Фёдору Иоанновичу (1592 г.) он именуется «светлым царём Российским», наследующим князю Владимиру — крестителю «всего Российского рода» (к которому себя и относили львовяне)²⁸. Особенно участились подобные обращения после Брестской унии: в русском царе видели защитника и единственного легитимного хозяина всей православной Русской земли.

Показателен и следующий эпизод. Когда в 1635 году в Киеве был обнаружен саркофаг с мощами князя Владимира, то частицу их киевский митрополит Пётр Могила отослал в Москву царю Алексею Михайловичу, как его наследнику. Здесь важно не только то, что государь признавался таковым, хотя и не был Рюриковичем и потому не являлся

---

²⁷ Об исторической подлинности предания о «Мономаховых дарах» и их византийском происхождении см.: *Боханов А. Н.* Русская идея от Владимира Святого до наших дней. М., 2005. С. 112–118.

²⁸ *Максимович М. А.* Собрание сочинений. Т. 2. С. 309.

прямым потомком крестителя Руси, но и личность самого отправителя. В отличие от своих предшественников Иова Борецкого и Исаии Копинского, последовательных поборников идеи общерусского единства и даже присоединения Малой Руси к Москве, Пётр Могила был сторонником продолжения интеграции православно-русской общности в социальное и политическое пространство Речи Посполитой. Тем показательней понимание им (и его земляками) сущности Московского царства и его места в мировой истории.

И вообще, по верному замечанию авторитетных отечественных исследователей, сутью русского исторического процесса было то, что Россия возникла как держава, «связанная своим происхождением с государственной территорией древнерусской народности, держава, воспринимавшая себя как возрождение, возобновление Киевской державы»²⁹. Поэтому и в русской концепции исторического развития, и в русском сознании киевская, древнерусская эпоха заняла важное место, воспринимаясь как предтеча, идеал, прообраз России.

Особое место в этом контексте занимал Киев, за судьбой которого в Москве внимательно следили. И пускай он давно утратил реальную власть, политическое и экономическое первенство в Русской земле, Киев продолжал оставаться символом этого пространства, воспоминанием о былом его единстве. В таком виде Киев присутствует в русском устном творчестве, то есть народном сознании: в былинах (или, как они назывались в самом народе, *старинах*, *старинушках*) и исторических песнях. Всё временное и географическое пространство Руси в былинах соединяется в центральной смысловой точке — стольном граде Киеве и дворе князя Владимира Красное Солнышко. В каком бы отдалённом уголке русской ойку-

---

²⁹ Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л. Указ. соч. С. 157, 163–164.

мены ни были записаны былины, какое бы смутное представление ни имели их рассказчики о географии Руси, Киев (а также Чернигов) занимает в них главное место: там живут и действуют герои Русской земли, там свершается её история. Встречается в них и ряд других местностей русского Юго-запада, скажем, Галич и Волынская земля (особенно это характерно для былин о Дюке Степановиче и Чуриле Пленковиче).

В русских исторических песнях, возникших позже, в новый исторический период (эпоху объединения Руси и создания Московского государства), географические приоритеты уже другие, что обусловлено иными геополитическими ориентирами и противниками Руси-России. Прежде всего это Казань. Взятие её войском Иоанна IV Грозного и, тем самым, ликвидация Казанского ханства — лютого врага России (и, добавим, не только России, но и целого ряда поволжских народов), стало одним из ключевых событий в русской истории и потому недаром отложилось в народной памяти. Именно оно открыло России и русскому народу путь на восток и юг и впоследствии позволило закрепить за собой и заселить огромные просторы Евразии. Можно сказать, что именно с этого момента Русь и становится Россией.

Другие важнейшие географические объекты — это Волга и Дон как театр военных действий против татарской угрозы и то пространство, где русская натура выливалась в вольное казачество. А кроме того, в исторических песнях запечатлены те местности, где воевала русская армия. Оборона родной земли самой историей была сделана одним из стержней русского сознания: даже крестьяне внимательно следили за внешней политикой. Герои, богатыри и полководцы всегда были одними из главных фигур народного эпоса, а солдатские песни и солдатский фольклор вообще широко проникали в широкие массы (и малорос-

сийские в том числе³⁰), занимая в народной культуре одно из важных мест. Западное направление в исторических песнях встречается редко: чаще это «Литва», «Литовская земля», с которой воюет Русь, а также Киев и «Черниговград», образ которых аналогичен тому, что представлен в былинах.

Эти, столетиями сохранявшиеся в народном сознании представления об историческом и географическом пространстве Русской земли проникали и в художественную литературу, которая «отвечала» за мировоззрение высших, образованных слоёв общества. Причём процесс этот начался в конце XVIII века, то есть задолго до того, как былинный эпос стал сознательно записываться этнографами и фольклористами. Ещё в 1780–1783 годах свои «богатырские сказки» пишет В. А. Лёвшин. Во второй половине 1780-х годов в одном из сборников была помещена «Сказка о славном и храбром богатыре Илье Муромце и Соловье Разбойнике». В 1795 году выходит неоконченная сказочно-богатырская поэма «Илья Муромец» Н. М. Карамзина. Это сочинение, оказавшееся фактически первой фольклорной поэмой в русской литературе, произвело на читающую публику сильное впечатление и повлияло на литературные вкусы современников. А затем появляются «русская эпопея в совершенно русском вкусе» «Добрыня» («Богатырская песня») Н. А. Львова (1796–1804 гг.), «богатырская повесть» «Светлана и Мстислав» А. Х. Востокова (Остенека), поэма «Утаида» В. Г. Масловича (1816 г.) и, конечно, «Руслан и Людмила» А. С. Пушкина (1817–1820 гг.).

Конечно, эти произведения, как и ещё ряд подобных им, были стилизациями под народное творчество, поиском новых литературных форм, произведениями своей эпохи. Их сюжеты отличались от былинных, а герои мало

---

³⁰ Лукашевич П. А. Малороссийские и червонорусские народные думы и песни. СПб., 1836. С. 5–7.

напоминали привычных богатырей из русских эпических песен. Скажем, карамзинский Илья Муромец — персонаж, скорее напоминающий героя волшебных сказок или рыцарских романов, чем своего былинного прототипа. Настоящее знакомство российского общества с русским эпосом начнётся позже. И своего высшего взлёта в русской литературе и более тесного приближения к первоисточнику (пускай даже внешнего — ведь это тоже были литературные стилизации) былинная тема получит в середине — второй половине XIX века, в стихах и балладах Алексея Толстого, так любившего и воспевавшего эту былинную Русь и даже считавшего её «золотым веком» русской истории³¹.

Но при всём том это была разработка эпического фольклорного материала. Из забвения возвращался и актуализировался целый глубинный пласт народного сознания, на основе которого российские литераторы, а вслед за ними и их читатели, осмысливали своё историческое «я», размышляли над проблемой национального в литературе и в культуре вообще³². На страницы журналов, в литературные и светские салоны вступили Илья Муромец и Добрыня, князь Владимир и древнерусские богатыри, Боян и Соловей Разбойник. Внимание общества обратилось к «делам давно минувших дней, преданьям старины глубокой» (пусть даже сказочно-литературного плана), отсылающим к тем эпическим временам отечественной истории, что творились вокруг Киева, на днепровских кручах. Это литературное открытие «русского материка» и позволило молодому поэту, а вслед за ним и его читателям, с восторгом воскликнуть: «Там Русский дух... там Русью

---

³¹ Толстой А. К. Собрание сочинений. Т. 1. С. 14, 16; Т. 5. С. 307, 369. А также стихотворение «Поток-богатырь».

³² Бенъковская А. Д. Фольклорные рецепции в поэме Н. М. Карамзина «Илья Муромец» // http://nbuv.gov.ua/portal/soc_gum/prsl/2004_13/pdf/09.pdf.

пахнет!»³³ А вместе с эстетическим постижением происходило и усвоение «высокой» европеизированной культурой народных представлений и архетипов, в том числе историко-пространственных.

Другая черта традиционного образа Киева — это его роль как главного духовного и церковного центра Русской земли, священного места, где, по преданию, вёл свою апостольскую проповедь сам Андрей Первозванный.

Великих праотцев России град великий
Ты — колыбель религии святой, —

писал о Киеве русский поэт XIX века С. А. Гютен³⁴.

Синодик Киево-Печерской лавры, начатый в конце XV века и ведшийся всю первую треть века следующего (то есть в литовские времена), свидетельствует о постоянном посещении монастыря и вкладах в него как русскими жителями Великого княжества Литовского, так и москвичами, новгородцами, костромичами, калужанами³⁵. Тысячи и тысячи паломников, представители разных сословий: духовенство, князья, бояре, мещане, но прежде всего простые люди, крестьяне из самых дальних деревень — из года в год, из века в век шли со всех концов Руси-России на богомолье к киевским святыням. Шли помолиться в священном для каждого православного месте, поклониться чудотворной иконе Успения Божией Матери, мощам святой великомученицы Ирины, равноапостольного князя Владимира, печерских угодников (а в их числе и мощам святого воина Илии Муромца — так образы былинной Руси и Святой Руси пересекались, взаимно дополняя и поддерживая друг друга). А возвращаясь, бо-

³³ Пушкин А. С. Собрание сочинений в 10 томах. Т. 3. М., 1981. С. 6–7. (Поэма «Руслан и Людмила».)

³⁴ Цит. по: Супронюк О. К. Литературная среда раннего Гоголя. С. 84.

³⁵ Пашуто В. Т., Флоря Б. Н., Хорошкевич А. Л. Указ. соч. С. 146–147.

гомольцы рассказывали, что они там видели, слышали, перечувствовали.

Особенно много паломников прибывало в Киев весной — в начале лета, на Троицу, и осенью, на Успение Пресвятой Богородицы. Даже во второй половине XIX века, когда в обиход прочно вошёл железнодорожный и речной транспорт, большинство паломников (по скудости средств, обету или горению в вере) двигалось пешком. А путь был тяжёлым, опасным (случалось, уголовники грабили и даже убивали богомольцев) и неблизким. До нас дошёл путевой дневник одного из таких паломников, «пешеходца» Г. А. Скопина (1746–1797 гг.), побывавшего в 1787 году в Киеве на богомолье. От родного Саратова до Киева он шёл сорок пять дней и прошёл свыше тысячи двухсот километров (это только в одну сторону). В дороге он повстречал старуху, проделавшую ещё больший путь: в Киев, где уже был её сын, она шла от самого Нижнего Новгорода³⁶. Случалось, что в числе богомольцев-«пешеходцев» оказывались и знатные люди. Князь Иван Михайлович Долгорукий (1764–1823 гг.) в своём «Путешествии в Киев в 1817 году» упоминает, что в дороге повстречал «московскую даму» М. С. Бахметьеву, которая весь путь от Москвы до Киева проделала пешком (обратно она уже позволила себе ехать в экипаже)³⁷.

Из простых бесхитростных дневников Скопина, из сообщений других свидетелей и участников этого всенародного движения хорошо видно, как в одиночку и группами шли на поклон киевским святыням и держали обратный путь мужчины и женщины, старики и дети.

---

³⁶ Скопин Г. А. Дневная записка пешеходца — саратовского церковника из Саратова до Киева по разным городам и сёлам. Бытие в Киеве и обратно из Киева до Саратова // Православный паломник. 2009. № 11. С. 45, 50; 2010. № 2. С. 54.

³⁷ Долгорукий И. М. Путешествие в Киев в 1817 году // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1870. Кн. 2. С. 174.

Вы откуда собралися,
Богомольцы, на поклон? —

как бы обращался к ним поэт-славянофил А. С. Хомяков в своём стихотворении «Киев» (1839 г.). И вовсе не поэтическим преувеличением является их «ответ»:

«Я от Ладоги холодной»,
«Я от синих волн Невы»,
«Я от Камы многоводной»,
«Я от матушки Москвы!»³⁸

А ещё от «тихого Дона» и «беспредельного Енисея», от «старого Пскова» и «дикого» Алтая, от тёплых и ледяных морей. Ежегодное количество прибывающих в Киев паломников равнялось числу его горожан и росло параллельно с ним. Так, если в начале XVIII века это количество равнялось 10–15 тысячам, то к концу столетия оно возросло уже до 30 тысяч (постоянное население Киева в 1796–1800 годах составляло 30–35 тысяч жителей). А в середине XIX века в Киев на богомолье ежегодно прибывало уже 50–80 тысяч человек (киевлян насчитывалось примерно столько же — 70 тысяч, по данным на 1861 год)³⁹.

Важно подчеркнуть, что «святым» Киев делали не его стены и даже не святые мощи сами по себе, а именно этот народный поток, своей верой наполнявший его теми самыми «жизнью духа, духом жизни», которые и являются непрменным условием святости.

Мы вокруг твоей святыни
Все с любовью собраны...⁴⁰

---

³⁸ Хомяков А. С. Полное собрание сочинений. Т. 4. М., 1909. С. 37, 38.

³⁹ История Киева. Т. 2. Киев периода позднего феодализма и капитализма. Киев, 1983. С. 61–62, 126.

⁴⁰ Хомяков А. С. ПСС. Т. 4. С. 37, 38.

Шли и из других православных земель — Молдавии, Валахии, Сербии, Греции. И даже из униатских областей, в том числе Галиции, народ которой в массе уже не помнил, что вырван из православия и пребывает в унии (благо, что до начала XX века греко-католическая церковь ещё не до конца утратила внешнее сходство с православной). После ликвидации в России унии и возвращения народа в православие (1839 г.) паломнический поток из теперь уже бывших униатских областей (Волини, Белоруссии — Галиция в это число, разумеется, не попала) усилился.

Шли богомольцы не только в Киев, но и в Чернигов и Вышгород. А жители южных регионов России — ещё и в Святогорский монастырь на Донце (само Святогорье и пёстрый многоэтничный паломнический поток хорошо описаны у А. Н. Муравьёва и А. П. Чехова). А для западных губерний таким важнейшим паломническим центром после отмены унии стала Свято-Успенская Почаевская лавра, находившаяся на самых границах с униатской Галичиной.

Вместе с богомольцами святость как бы перетекала по Русской земле. Показателен пример преподобного Серафима Саровского (в миру — П. И. Мошнина, 1754–1832 гг.). Будучи ещё молодым человеком, только собиравшимся связать свою жизнь с монашеством, и готовясь к подвижничеству в Саровской обители, он отправился в Киев (в 1776 г.) — утвердиться в своих помыслах, помолиться у святых мощей и келий основателей обители и русского монашества, преподобных Антония и Феодосия, и испросить благословение у печерских старцев⁴¹. А паломники из малороссийских губерний шли на богомолье в великороссийские монастыри и святые места. И вот эти народные потоки из разных уголков Русской земли, встречаясь и перемешиваясь в Киеве и Чернигове, в Святогорье и Сарове, в Оптиной пустыни и монастырях воронежской земли

---

⁴¹ Громыко М. М., Буганов А. В. Указ. соч. С. 137–138.

и т. д., и составляли ту самую Святую Русь, воспринимая и самих себя, и тех, кого встречали, как её частицу.

В обязательном порядке посещали киевские святыни во время своих визитов в Киев и российские государи и государыни: Елизавета Петровна, Екатерина II, Александр I, Николай I: кто по «государственной необходимости», а кто из вполне искренних чувств.

Восприятие Киева как святого города было присуще не только простому народу — людям православно-думающим и чувствующим, но и светски образованным, например, русским путешественникам конца XVIII — XIX века. Хотя и руководствовались эти люди в своих путешествиях скорее целями светскими, познавательными, нежели смиренным горением в вере, но и они не могли остаться в стороне от общих паломнических маршрутов. «Быть в Киеве и не сходить в пещеры непростительно», — отмечал общее мнение всех путешественников И. Долгорукий⁴². И не только в пещеры, но и в другие священные для каждого православного места, добавим от себя.

А потом общее религиозное чувство, ощущение своей принадлежности к этому народу, сопричастности с тысячелетней Святой Русью передавалось (за очень редким исключением) и людям светским, поначалу взиравшим на всё это несколько отстранённо. «Как трепетно вступаешь в темноту Лавры или Софийского собора, и как душе просторно, когда потом выходишь на белый свет», — так передавал свои впечатления (кстати, созвучные чувствам многих других людей, оставивших свои воспоминания) А. С. Грибоедов, посетивший Киев в июне 1825 года⁴³.

Отношение к Киеву как священному месту порой создавало ему, особенно в глазах образованной публики, несколько идеализированный образ, за которым терялась повседневно-

⁴² Долгорукий И. М. Путешествие в Киев в 1817 году. С. 107.

⁴³ Грибоедов А. С. Сочинения. М., 1956. С. 586.

ная жизнь его обитателей, подчас весьма далёкая от святости. Или же, наоборот, увиденный контраст между идеальным и реальным начинал восприниматься ещё острее. Известный православный писатель, путешественник и дипломат Андрей Николаевич Муравьёв (1806–1874 гг.) в своих воспоминаниях о Киеве передаёт весьма характерный эпизод такого столкновения идеального образа и реальности. В разговоре с ним молодой извозчик-киевлянин дал нелестную оценку нравам местных жителей. Спутник Муравьёва, немец, генерал Фитингоф удивлённо воскликнул: «Ах, как ты так можешь говорить о Киеве!.. Это такой святой город!» «И, барин, — возразил извозчик, — здесь только одни стены святые, а люди все поганые».

«И действительно, это справедливо», — замечал по этому поводу Муравьёв, не понаслышке знавший и святость этого города, и неприглядные стороны его жизни⁴⁴. Сколько времени и сил пришлось затратить ему, чтобы с Андреевского спуска (одной из самых живописных центральных частей города) исчезли притоны, питейные и прочие «развесёлые» заведения! Да и Екатерина II замечала между прочим: «Здесь на улицах небезопасно: грабят и бьют людей»⁴⁵. Конечно, подобное могло иметь место везде, и отнюдь не все киевляне или приезжавшие в город на заработки жители ближних и дальних мест вели nepотpeбный образ жизни. Но, может, именно соседство с киевскими святынями, взгляд на Киев как на святой город и задавали ту высокую моральную планку, которая заставляла строже смотреть на себя и окружающих, острее чувствовать несовершенство человеческой природы, нетерпимее относиться к греху и равнодушию, сильнее стремиться к тому, чтобы стать лучше? Ведь именно в этом — одна из главных «задач» любого святого места. Да и как могло быть иначе здесь, в Киеве?

---

⁴⁴ Муравьёв А. Н. Мои воспоминания (киевский период) // Православный паломник. 2006. № 3 (28). С. 17, 18.

⁴⁵ Цит. по: Киркевич В. Время Романовых. Киев в империи. Киев, 2004. С. 53.

«Станем на горах Киевских, там, отколе по выражению преподобного Нестора, пошла Русская земля... Поклонимся тому месту, на коем стояли священные стопы Апостола, просветителя Руси!.. О как драгоценно для сердца каждого Русского сие отечественное предание!» — так выражал коллективный образ этого святого места, имевшийся в образованном русском обществе, Андрей Муравьев, человек светский и одновременно глубоко православный⁴⁶.

Слава, Днепр, седые волны!
Слава, Киев, чудный град!
Мрак пещер твоих безмолвный
Краше царственных палат. —

вторил ему Алексей Хомяков⁴⁷.

Историческая колыбель и духовное сердце — таким, в общих чертах, был первый ментальный пласт восприятия этой земли русским сознанием.

Последняя треть XVIII века стала периодом, когда русское общество стало обращать на Малороссию всё больше внимания, как бы открывая её для себя. В этот период начинает формироваться второй ментальный пласт восприятия этой земли, когда в центре внимания оказывался уже её современный облик. Почему именно тогда обозначился интерес русского общества к этому региону и стало меняться его видение? Причин тому несколько.

Прежде всего, разительным образом изменилось само российское общество (речь идет, в первую очередь, о его высших кругах). Петровские преобразования начала XVIII века привели к революционным переменам не только в государственном устройстве или положении церкви — поменялась сама целеполагающая идея страны. Глубокие

⁴⁶ *Муравьев А. Н.* Путешествие по святым местам русским. В 2 частях. М., 1990. (Репринт с изд. 1846 г.) С. 41.

⁴⁷ *Хомяков А. С.* Указ. соч. С. 37.

перемены произошли в культурном и мировоззренческом облике правящего класса России.

Но вызреть они начали ещё задолго до Петра. Корни многих социально-психологических процессов, сделавших возможной петровскую культурную «революцию сверху», берут начало в Расколе. Ведь его главным, хоть и неожиданным и даже нежеланным результатом стала эрозия убеждённости русского общества (и прежде всего его правящего слоя) в собственной исторической и духовной правоте, в способности и возможности жить по-своему и не считать, что кто-то знает истину лучше, тогда как свой путь — сплошная ошибка. Какими бы глубокими соображениями церковного и светского плана ни руководствовались устроители реформ из окружения царя Алексея Михайловича и патриарха Никона, обернулись нововведения (а может, не столько они сами, сколько методы их утверждения, как бы предвосхитившие петровские) именно *расколом*: церкви, общества, народа и власти, русского сознания.

Позднее этот психологический комплекс — о том, что «нет пророка в своём отечестве», — и убеждённости в своей историософской «ошибочности» станут неотъемлемыми спутниками российской жизни, прочно прописавшись в сознании численно хоть и не самых больших, но влиятельных общественных групп и течений. Но Раскол лишь заложил к этому некоторые предпосылки. Вестернизация же начала XVIII века сделала эту психологию одним из определяющих векторов российского исторического процесса. Если в середине XVII века носителями «истины» и учителями выступали православные греки, то в XVIII — протестантско-католическая и быстро секуляризирующаяся Западная Европа.

Укоренившиеся среди российского правящего слоя западноевропейские социально-политические доктрины и культурные нормы привели к тому, что его взгляд на мир и Россию стал иным. Получившее образование и воспита-

ние по лекалам европейской мысли эпохи Просвещения, российское общество в массе своей начало оценивать себя с точки зрения «Европы», повторяя при этом и все европейские мифы и стереотипы относительно России и её «допетровской» истории, например, о её «дикости», «невежестве», оторванности от цивилизации и культуры⁴⁸. Западная Европа становилась эталоном, от которого вёлся отсчёт «культурности» (сословия, народа или территории), а Россия оказывалась «молодой» страной, лишь недавно вступившей в «цивилизованный» свет.

В географическом измерении это выражалось в том, что в русском сознании Россия стала восприниматься как «Север». Скажем, так её называла русская поэзия XVIII века. Показательно и соотношение содержащихся в ней упоминаний географических объектов: чаще всего встречаются Нева, Санкт-Петербург, Балтика, Двина либо античные топонимы. Стоит также вспомнить названия целого ряда российских изданий начала XIX века, таких как «Северная пчела», «Северные цветы», «Северный вестник», «Северная почта», «Полярная звезда» и т. п. И дело было не только в перенесении столицы, а с ней и центра культурной жизни из Москвы в Петербург, но и в том, что на Россию взирали как бы с позиций наблюдателя, находящегося в Южной Европе, точнее, в некоей пространственно-временной точке античности.

Культурный разрыв с традицией сделал неизбежным поиск российским европеизированным сознанием своего «я», своих историософских корней. И Киевская, и Московская Русь началом своей истории видели историю библейскую (ветхо- и особенно новозаветную), а корни своей идентичности полагали в христианстве. Причём идентичности не только историософской, но и национальной: русский народ есть народ христианский, сложившийся из племён —

⁴⁸ Стенник Ю. В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественной мысли XVIII — начала XIX века. СПб., 2004. С. 5, 10.

«языков» как таковой благодаря приобщению ко Христу и христианской вере. А Россия к этому духовному корню, как уже было сказано выше, добавляла ещё и политическую историю — древнерусский период. Теперь же, в духе европейской традиции того времени, таким корнем стала видеться языческая античность⁴⁹. «Мы страстно любили древних: Плутарх, Тит Ливий, Цицерон, Тацит и другие были у каждого из нас почти настольными книгами», — описывал культурный контекст эпохи и вкусы российского образованного общества конца XVIII — начала XIX века декабрист И. Д. Якушкин⁵⁰. Отсюда и взгляд с южноевропейских позиций.

Но по мере вестернизации России и вхождения её в европейский мир, прежде всего в мир европейских идей и идеологий, всё зримей стала проявляться и другая тенденция: стремление если и не вернуться к «прежней» России, то хотя бы преодолеть резкий культурный и исторический разрыв с прошлым⁵¹. Началось осмысление истории и пространства России — уже с новых идейных позиций. И взгляд на Малую Русь теперь также во многом вёлся с иной точки зрения, чем это могло быть до петровской «революции сверху».

Да и сам объект восприятия за это время претерпел радикальные социально-политические перемены. На месте «Руси», пусть даже подвластной иноземному монарху и живущей под национальным и религиозным гнѐтом, оказалось совершенно новое образование — возникшая в результате восстания автономная Гетманщина с непривычным социальным обликом, за которым отчётливо виделся разрыв с прежней политической и культурной традицией. Кстати, ещё и поэто-

---

⁴⁹ Лавренова О. Я. Географическое пространство в русской поэзии XVII — начала XX веков. М., 1998. С. 26–27, 74.

⁵⁰ Якушкин И. Д. Записки, статьи, письма Ивана Дмитриевича Якушкина. СПб., 2007. С. 20.

⁵¹ Стенник Ю. В. Идея «древней» и «новой» России в литературе и общественной мысли XVIII — начала XIX века. С. 11.

му русское правительство поначалу настороженно отнеслось к казакам Хмельницкого и медлило с их принятием под высокую руку: всё-таки это был мятеж (а потом и вообще антифеодалное восстание) против законного короля, установленных порядков и «легитимного» правящего класса.

Но Малороссия находилась в составе России уже целое столетие, почему же интерес к ней вырос лишь к концу XVIII века? Просто раньше внимание русского общества было отвлечено на другое. В XVII столетии было не до созерцательности: Южная Русь была охвачена войной, бурлила и сама Россия. XVIII век — век реформ, войн, дворцовых переворотов, культурных потрясений и массового наплыва в Россию европейцев, в том числе в знатные слои. Нужно было время, чтобы «переварить» эти новшества, найти себя, тем более что заданный Петром вектор внимания российского общества долгое время был сосредоточен на видах, открывавшихся из «прорубленного» им «окна».

Лишь тогда, когда «новая» Россия обрела свои формы и устойчивость, а петровская эпоха уже сама стала историей, появилась возможность и желание замечать не только Европу. Стимулом к повороту внимания русского общества к другим регионам стала упоминавшаяся реакция на вестернизацию и поиск «новой» Россией своей подзатерявшейся идентичности. Подчеркнём — именно *новой* Россией, а не Россией вообще. Не будь столь радикального разрыва с прошлым в начале XVIII столетия (отчасти заложенного, как уже говорилось, ещё полувеком ранее), не было бы и столь явного, а порой и мучительного поиска образованными слоями России себя и своего места в мире в последующем. Этот разрыв — с прошлым, народом, церковью, а после и с государством⁵², стал поистине трагическим, по-

⁵² Его неприятие тоже стало реакцией, порой даже ясно не осознававшейся, на ту самую вестернизацию: ведь бюрократическая государственная система, засилье иностранцев и иностранщины были таким же её детищем, как и российское образованное общество.

служив причиной многих внутренних конфликтов в российском социуме, заявивших о себе к концу, а то и вовсе к середине XIX века.

Наконец, в конце XVIII века произошли крупные территориальные приращения. Столь резкое увеличение территории должно было быть осмыслено, включено не только в российское политическое, но также в историческое и культурное пространство. Пути к бывшим польским землям и Новороссии лежали через Гетманщину, которая из окраины государства теперь превратилась во внутренний регион и транзитное пространство, связи с которым резко усилились хотя бы уже только поэтому. И её образ также требовал осмысления.

Одновременно с этим в русском обществе шла выработка идентичностей. Можно согласиться с современным украинским исследователем, полагающим, что конец XVIII — начало XIX века было коротким периодом, когда «российская мысль ещё не считала “Украину” неотъемлемой частью своей идентичности»⁵³. Русское общество решало, «своя» Малороссия или нет, «русская» она или какая-то ещё, то есть определяло границы и содержание русскости, тем самым осмысливая не только её, но и само себя.

Делать это было необходимо и ещё по одной, так сказать, кадровой причине. Речь идёт о той роли, которую чем дальше, тем больше во всех сферах жизни страны играли малороссы. Обратимся к биографии Николая Гоголя. В 1828 году, в возрасте девятнадцати лет он оканчивает нежинскую гимназию и, преисполненный планами и мечтами, буквально летит в Петербург. «Здесь только человеку достигнуть можно чего-нибудь; тут тысяча путей для него», — объясняет он притягательность столицы в письме к матери Марии Ивановне⁵⁴. В ту пору своим поприщем он видит государствен-

---

⁵³ Верстюк В. Ф., Горобець В. М., Толочко О. П. Україна і Росія в історчній ретроспективі. Українські проекти в Російській імперії. Київ, 2004. С. 274–275.

⁵⁴ Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений (далее — ПСС). Т. 10. Пись-

ную службу: «Я пламенел неугасимую ревностью сделать жизнь свою нужною для блага государства», — пояснял Гоголь свои чувства (хотя уже в гимназические годы зреет у него мысль посвятить себя литературному труду⁵⁵). А наивысшим воплощением службы юный Никоша считал юриспруденцию, где, как он полагал, быстрее всего можно было принести людям пользу. «Я видел, что здесь работы будет более всего... Неправосудие, величайшее в свете несчастье, более всего разрывало моё сердце», — объяснял он свои планы на будущее двоюродному дяде П. П. Косяровскому⁵⁶. Так уже в ранней юности в душе Гоголя возникает желание принести людям пользу и способствовать правде и справедливости, которое он пронесёт через всю свою жизнь и творчество (и конечно, есть в его словах свойственное юности желание признания и славы).

В своих мечтах о настоящем деле Гоголь был не одинок. Его мысли и начало пути были типичными для представителей малороссийских дворянских кругов, с энтузиазмом шедших на гражданскую и военную службу. Процесс интеграции малороссов в правящую элиту России шёл по нарастающей. В церковной иерархии и образовании они играли решающую роль уже с начала XVIII века. И дело тут было не столько в них самих, сколько в том недоверии, которое власти испытывали к великорусскому духовенству. Во-первых, значительная часть образованной и церковной элиты из великороссов или поддержала Раскол, или подозревалась в этом. Во-вторых, к Петру многие из них относились как к еретику и не принимали его культурных новшеств. А в-третьих, они противились политике подчинения церкви государству и всё больше набиравшей обороты секуляризации общества. И поэтому власть больше доверяла малороссам — как людям,

---

ма (1820–1835). М., 1940. С. 173.

⁵⁵ Манн Ю. В. Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. М., 2004. С. 99–100.

⁵⁶ Гоголь Н. В. ПСС. Т. 10. С. 111–112.

не связанным с великорусской церковной и политической традицией (впрочем, вскоре малороссыяне показали себя не меньшими противниками подчинения церкви и секуляризации, чем великороссы)⁵⁷.

Малороссыяне занимали епископские кафедры в великорусских епархиях. Стоит вспомнить и то, что местоблюстителем патриаршего престола в 1700–1721 годах был малоросс Стефан Яворский. А среди иерархов, объявивших анафему гетману И. С. Мазепе, все были малороссыянами⁵⁸. Недоверие к великороссам продолжалось почти полвека. Лишь в 1754 году появился указ императрицы Елизаветы, обязывающий Синод представлять на должности архиереев и архимандритов не только малороссов, но и великороссов⁵⁹.

Но интеграционные процессы в светской части правящей группы края до середины XVIII века ещё сдерживались как положением дел в российской власти, так и неурегулированным социальным и экономическим положением казачьей старшины. Получить экономические и социальные права прежней (польской и ополяченной) знати, добиться не только фактического, но и формального статуса правящей группы, а также признания «благородности» своего происхождения — эти цели были идеей фикс для казачьей верхушки. А в России долгое время не спешили признавать её равной (прежде всего по благородности происхождения) российскому дворянству. К тому же казачьей старши-

---

⁵⁷ Цыпин В., *прот.* История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды (1700–2005). М., 2007. С. 12–16.

⁵⁸ Среди объявивших анафему гетману Мазепе — Митрополит Киевский, Галицкий и Малья России Иоасаф (Кроковский), архиепископ Черниговский и Новгород-Северский Иоанн (Максимович), епископ Переяславский и Бориспольский Захарий (Корнилович). А затем это сделал и сам местоблюститель Стефан в сослужении Собора архиереев Русской Православной Церкви (и там он был отнюдь не единственным малороссом).

⁵⁹ Цыпин В., *прот.* История Русской Православной Церкви. Синодальный и новейший периоды (1700–2005). С. 81.

не очень хотелось принимать на себя те тяготы военной и гражданской службы, которые несли на себе русские дворяне. Всем этим и была продиктована её приверженность институтам Гетманщины. Наконец, само наличие автономии тоже сохраняло подсознательно ощущаемый барьер между Малой и остальной Россией.

Ситуация изменилась в середине века. Дарование российскому дворянству широких прав и привилегий (Манифест Петра III от 1762 г. и Жалованная грамота дворянству Екатерины II от 1785 г.), в том числе снимавшие с него обязанность нести службу (из принудительной она теперь превращалась в привилегированное право дворянина), и признание казачьей старшины малороссийским дворянством, удовлетворило главные чаяния последней и сделало существование гетманских структур для неё уже не столь необходимым⁶⁰. Екатерининские реформы 1775–1783 годов резко активизировали и без того успешно осуществлявшуюся интеграцию малороссийской знати в российский правящий класс. Упразднение автономной Гетманщины, которое во многом велось руками самих малороссов или при их благожелательном согласии, открыло для малороссийского дворянства небывалые по своим масштабам карьерные возможности — как в самих малороссийских губерниях, так и на всём пространстве России и, конечно же, в столицах⁶¹. Выходцы из Малороссии стали занимать высокие посты в государственном аппарате, армии и флоте, весом их вклад был и в области культуры.

Малороссийское землячество в столице было многочисленным (Гоголь пишет матери, что встретил там много знакомых, «одних однокорытников моих из Нежина

⁶⁰ *Иванова Н. А., Желтова В. П.* Сословное общество Российской Империи. М., 2009. С. 108, 117, 131–132; *Ульянов Н. И.* Происхождение украинского сепаратизма. М., 1996. С. 133–134.

⁶¹ *Когут З.* Коріння ідентичности. Студії з ранньомодерної історії України. Київ, 2004. С. 58–63.

до 25 человек»⁶²) и влиятельным. Вновь прибывавшие молодые люди попадали под опеку своих высокопоставленных земляков. А среди них были такие могущественные вельможи, как светлейший князь, канцлер А. А. Безбородко, одно время фактически руководивший русской внешней политикой. Или графы, затем князья Разумовские. Алексей Григорьевич был генерал-фельдмаршалом и морганатическим супругом императрицы Елизаветы Петровны. Его брат, Кирилл Григорьевич был президентом Петербургской Академии наук, а сын последнего — Алексей Кириллович — министром народного просвещения. Также нельзя не упомянуть действительного тайного советника, члена Государственного совета, министра Д. П. Троицкого (приходившегося дальним родственником Гоголю); министра народного просвещения П. В. Завадовского; председателя Комитета министров и Государственного совета князя В. П. Кочубея. Московским гражданским губернатором (то есть главой исторической столицы России) был И. В. Капнист. И это лишь несколько фамилий.

Огромная держава, сильная и динамично развивающаяся, разгромившая поляков, крымских татар и успешно бьющая турок — своих основных исторических врагов (а они для малороссов были теми же, что и для Москвы и Петербурга, что крайне важно для понимания успешности интеграционных процессов), завораживала, рождала в человеке гордость за право служить ей и носить имя русского или россиянина (что в те времена звучало как синонимы). А энергия и талант на службе Царю и Отечеству воздавались сторицей. Успешная и быстрая интеграция не только способствовала утверждению среди светских малороссийских кругов отношения к России как к своему Отечеству и формированию среди них общерусской идентичности, но и пробуждала интерес русского общества к Малорос-

---

⁶² Гоголь Н. В. ПСС. Т. 10. С. 179.

сии, подталкивала его к тому, чтобы «открыть» её и признать «своей».

Тут надо пояснить ещё один момент. Ярче всего этот пласт восприятия мог проявиться и проявлялся лишь у носителей светского сознания, отошедшего от христианского понимания историософских основ Руси-России и русскости. Для московских книжников и политиков, для современников восстания Хмельницкого вопрос о том, что такое Русь Великая и Русь Малая, был ясен. Точно так же он не требовал пояснений для малорусского духовенства и людей православной, церковной культуры (скажем, тех же паломников). Для них эта идущая от предков «парадигма единства» и православное понимание русскости были определяющими, озвученными в церковной традиции, в летописной и антиуниатской полемической литературе, «Синописе» И. Гизеля, и пропущенными в том числе через собственный опыт.

Конечно, они не могли не видеть тех различий, которые имели место в быту, этнографическом облике, социально-политических традициях друг друга, в народной речи (хотя эталоном и основой языка культуры был общий церковно-славянский язык). Именно поэтому обеими сторонами ощущалась грань между этими — очень близкими, но всё же немного разными общностями. Но тот самый первый пласт, глубинный образ друг друга как «тоже Руси» определял их сознание и видение друг друга.

Показательны хотя бы записки того же Герасима Скопина. Он фиксирует некоторые особенности церковной службы, принятые у малороссийского духовенства, видит архитектуру храмов Украины; отмечает, в каком населённом пункте живут малороссы или, как в городке Суджа, население, смешанное с великорусским (или где появляются евреи). Но точно так же он обращает внимание и на различия, которые имелись между собственно великорусскими областями (например, в женской одежде или используемых

мерах длины)⁶³. Для православного паломника эти различия любопытны, но не существенны перед тем, что виделось ему главным. А из бытовых моментов для него были важнее не нюансы произношения того или иного, и так вполне понятного, слова, а то, что отношение к богомольцам у великороссов и малороссов одинаково доброе и гостеприимное.

Светские взгляды на те же проблемы — что со стороны казачьей верхушки, в немалой степени воспринявшей польские по своему происхождению социально-политические мифы и стереотипы, что со стороны секуляризированного русского общества, заимствовавшего европейские идеологии напрямую из Западной Европы, минуя посредника в лице Польши, утратили эту изначальную очевидность и вынуждены были её заново изобретать на основе уже новых концепций.

---

⁶³ Скопин Г. А. Дневная записка пешеходца — саратовского церковника из Саратова до Киева по разным городам и сёлам. Бытие в Киеве и обратно из Киева до Саратова // Православный паломник. № 11. С. 47; № 12. С. 55.

Глава III

Путешествия: зрительное постижение пространства

Таким образом, целый комплекс причин и привлёк в конце XVIII века к Малороссии пристальное внимание российского общества. Одним их первых, кто это сделал, были русские путешественники, следовавшие через Малороссию транзитом — дальше на юг, в Новороссию и Крым или же специально посещавшие бывшую Гетманщину и правобережные земли. Были среди них «командировочные», ехавшие по делам военной или гражданской службы, были и те, кто отправлялся в путь из научного или туристического интереса. Но все они обращали внимание на географическое положение, народный быт, природу тех местностей, где бывали, и записывали свои впечатления. Записки издавали, их читали — так и складывался коллективный образ региона.

Одной из причин роста популярности и самих путешествий, и такого жанра, как литература путешествий, была тогдашняя европейская мода на «открытие» неизведанных земель и описание реальных или вымышленных странствий в экзотические края, причём не обязательно заморские. Скажем, для путешественника из Англии или Центральной Европы такой экзотической страной была Италия, а в начале XIX века к ней прибавилась и Греция. В этих землях (географических наследниках античности) европейцы хотели отыскать колыбель своей цивилизации — так же, как и в случае с «новой» Россией, преимущественно не христианскую, а античную. С той,

правда, разницей, что, в отличие от России, Западная Европа действительно одним из своих корней имела языческую античность.

Больше того. В соответствии с наследием эпохи Возрождения и долгое время господствовавшей в европейской культуре эстетикой классицизма, история тоже ассоциировалась именно с античностью, с греческими и римскими культурными образцами и гражданскими идеалами. По мере того как классицизм отходил в прошлое, менялось и отношение к истории (особенно её возвышенно-героической составляющей), перестававшей считаться лишь уделом древних. Так же, как стали меняться и эстетические нормы и образцы в культуре.

Особую популярность литературе путешествий придали новые европейские интеллектуально-эстетические направления: плавно перетекавшие друг в друга сентиментализм, предромантизм и романтизм с их интересом ко всему необычному, нетривиальному, отсылающему не к знанию, а к личному опыту и чувству, с их поиском идеала вне современного цивилизованного общества. Романтизм, зародыши которого имелись уже в некоторых идеях эпохи Просвещения (в частности, у Ш. Монтескье), стал реакцией на ужасы Французской революции и войн конца XVIII — начала XIX века, порождённых рационалистическими теориями предыдущей эпохи, реакцией оттеснённого на второй план чувства на культ разума, реакцией традиции на элитаризм, «восстанием» духа свободы против утилитаризма.

Одним из проявлений этих течений и особенно романтизма стал интерес к народу. Но «народу» не как важнейшему элементу социально-политических доктрин эпохи Просвещения, носителю суверенитета и власти. А народу, взятому, прежде всего, как этнографический коллектив: с «народной культурой», песнями, обычаями, одеждой, характером и душой, народу как первооснове культуры, детству человечества. Естественно, что такой «народ» было проще отыскать там, где было меньше цивилизации

с её передовым социальным опытом, суетой и конфликтами, в неспешно живущих, как бы застывших в прошлом окраинах — тех же Италии и Греции. Чуть позже «народ» и его культуру стали «замечать» не только в прошлом, но и в настоящем, и не только в чужих, но и в своих краях, где для этнографов и фольклористов открылись богатства не меньшие. И в том числе в России. «Предания русские ничуть не уступают в фантастической поэзии преданиям ирландским и германским» (служившим тогда эталоном народности и народного искусства), — замечал по этому поводу Александр Пушкин⁶⁴.

Увлечение «народом» привело даже к изменениям в европейской социальной психологии: в XIX веке чем дальше, тем больше под ним стали понимать только простонародье, тогда как раньше народом или нацией, напротив, считались лишь привилегированные и образованные слои. На последние же теперь начинали смотреть как на социальные группы, утратившие в ходе общеевропейской космополитической нивелировки связь с народной культурой и растерявшие народные черты.

Россия не осталась в стороне от веяния времени и тоже «отдала дань» и античности, и романтическому восприятию Италии как «земле поэзии» и «отчизне вдохновенья». О ней писали стихи многие, в том числе В. А. Жуковский, А. С. Пушкин, Д. В. Веневитинов и даже, как полагают, сам Гоголь (причём сделал он это задолго до того, как впервые увидел Италию):

Италия — роскошная страна!
По ней душа и стонет, и тоскует...
Земля любви и море чарований!
Блистательный мирской пустыни сад!
Тот сад, где в облаке мечтаний
Ещё живут Рафаэль и Торкват!⁶⁵

⁶⁴ Цит. по: Манн Ю. В. Гоголь. Труды и дни: 1809–1845. С. 223.

⁶⁵ Анонимное стихотворение «Италия» было опубликовано в 1829 году в журнале «Сын Отечества и Северный архив» (Т. 2, № 12). Как по-

Следуя интеллектуальной моде, в поисках такого же уголка российская образованная публика обратила взоры к Малороссии. В ней она увидела свою «экзотическую страну», подобие «музыкальной и красочной Италии» с чудесной природой, «пастушками», открытыми людьми и простыми нравами. Конечно, все путешествующие обращали внимание на её географические особенности как южного края, страны необозримых лугов, плодоносной природы, изобилующих хлебом пространных нив. «Цветущие сады плодоносной Украины, живописные берега Днепра, Псла и других рек Малороссии», — так буквально двумя штрихами набросал облик этой земли писатель и журналист начала XIX века О. М. Сомов⁶⁶. Был он не путешественником, а уроженцем Украины, но для иллюстрации того коллективного образа Малороссии, который выработывало русское общество, его слова подходят как нельзя кстати.

Однако особое место при создании образа этой земли отводилось всё же не природе. Она была не столь уж экзотической, чтобы расставлять акценты именно на ней, даже при желании авторов дорожных записок изобразить её таковой. Исключение составляют разве что курганы — как величавые свидетели истории этих краёв, хотя характерны они не столько для Малороссии, сколько для Новороссии. Собственно, курганы встречались не только там, но и гораздо севернее: под Смоленском, Псковом, на Оке. Но именно в Приазовье и Причерноморье они были представлены в таком множестве и так бросались в глаза, что становились «визитной карточкой» региона. Не случайно, что описания курганов или упоминания о них присутствуют во всех путевых заметках современников и во многих литературных произведени-

---

лагают авторитетные исследователи-гоголеведы, это мог быть фрагмент из его раннего стихотворного произведения «Ганц Кюхельгартен». См.: Манн Ю. В. Указ. соч. С. 154, 356.

⁶⁶ Сомов О. О романтической поэзии. Статья III. С. 135.

ях, скажем, у того же Пушкина, тоже путешествовавшего по этим местам. Тем более, что в начале XIX века происхождение и назначение курганов ещё не было твёрдо установлено⁶⁷.

Но курганы курганами, а центральное место в образе Малороссии занимали её жители. Во всех описаниях путешествий в Малороссию или через неё отмечается, что в крае живёт особый, малопохожий на великороссов «казачий народ» (или, по ёмкому выражению И. Долгорукого, народ, «состоящий из малороссов, казаков и вообще, что мы называем, из хохлов»⁶⁸) со своим обликом, «народной культурой» и речью. Такое восприятие местного населения было обусловлено пятью моментами.

Во-первых, в поле зрения действительно оказывались этнографические и языковые отличия малороссов от великороссов, порой весьма заметные. «Здесь обитают козаки... Началась Малороссия: другое наречие, другие обычаи», — проехав Глухов, отметил Долгорукий. Попутно он обратил внимание и на то, что, в отличие от Великороссии, тут идёт «вольная продажа вина»⁶⁹, результаты которой стали вид-

⁶⁷ *Формозов А. А.* Пушкин и древности. Наблюдения археолога. М., 2000. С. 34–37.

⁶⁸ *Долгорукий И. М.* Путешествие. С. 89.

⁶⁹ К примеру, автор обстоятельных путевых заметок, врач О. фон Гун указывал, что в год в Малороссии производилось 6 млн вёдер «вина» (водки), при том, что её население составляло немногим более 2 млн человек. Исторически сложившаяся специфика организации винного дела и продажи алкогольных напитков на Украине (а этим занималось казачество, помещики, мещане и еврей-шинкари) делала проблему пьянства среди местного населения, в том числе в Киеве, весьма острой.

«...Шинки их вконец разорили», — так прокомментировал ситуацию русский путешественник, протопоп И. Лукьянов, посетивший Украину в самом начале XVIII века. Спустя сто с небольшим лет, в 1816 году, другой очевидец, император Александр I с сожалением отмечал: «Винокурение привело Малороссию в совершенное изнеможение». Такое положение российские власти считали ненормальным и были вынуждены принимать меры по борьбе с распростра-

ны тотчас же: «Мы видели её следствия: вино дешёво, день праздничный, все пьяны»⁷⁰.

Во-вторых, это был взгляд на простолюдинов со стороны людей, стоящих на более высокой ступени социальной лестницы. Ведь именно на облике простого народа взгляд фокусировался прежде всего. Некоторые путешественники упоминали о других сословиях малороссийского общества (дворянах, духовенстве, мещанах), но скорее вскользь: в социальном, языковом и бытовом плане представители этих сословий были близки к наблюдателю или вообще мало отличимы от него. Иное дело — экзотика, та самая заострённость романтизма на уникальности.

Третья причина крылась в самой наблюдающей стороне. Ментальное состояние российского светского общества вследствие его изначально насильственной, а затем и добровольной вестернизации было таково, что в массе своей оно не знало, и даже не столько *не знало*, сколько *не понимало* России, в чём крылись все беды и его самого, и страны. «Россия слишком мало известна русским», — сокрушался по этому поводу Пушкин⁷¹. Незнание России рождало у самых вдумчивых и совестливых её представителей желание его преодолеть. Показательно отношение к этой проблеме Гоголя. Постигание, узнавание России он считал чуть ли не главным делом русского человека вообще и «образованного» в особенности. Этой же цели, по его убеждению, должна была служить вся система образования. «Незнание» — явление досадное, но, к сожалению, весьма распространённое в российском обществе. «Я вижу только то, что и все другие так же, как и я,

---

нением среди народа Украины пагубной привычки пьянства. См.: Гун О., фон. Поверхностные замечания по дороге от Москвы в Малороссию. М., 1806. Ч. 2. С. 13; Путешествие в Святую землю священника Лукьянова // Русский архив. 1863. № 1. С. 40; Киркевич В. Время Романовых. Киев в империи. Киев, 2004. С. 49, 52–53.

⁷⁰ Долгорукий И. М. Путешествие. С. 20.

⁷¹ Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. Т. 6. С. 32.

не знают России», — сетовал он⁷². Весьма красноречивы письма Николая Васильевича к сестре Анне и товарищу, литературному критику и историку литературы С. П. Шевырёву, в которых он просит привить своему племяннику «желанье любить и знать Россию» (курсив Гоголя). Если желание *узнавать* свою собственную землю, писал Гоголь, воспитается у него, «то это всё, что я желаю; это, по-моему, лучше, чем если бы он знал языки и всякие науки», ибо тогда он «сам пойдёт своей дорогой»⁷³.

Тем неожиданнее порой становилось для русских по рождению людей «открытие» России. Для образованного общества (особенно такой «народности», как «петербуржцы») мир русского крестьянина или казака был не менее экзотичен, чем крестьянина и казака малороссийского, и если бы каноны жанра позволяли, то ещё неизвестно, насколько загадочными были бы изображены жители русской деревни. Ведь такой взгляд на малороссов, и это четвёртый момент, сформировался ещё и под влиянием интеллектуальной моды конца XVIII — начала XIX века, в духе которой «надлежало» описывать увиденное: как экзотику (эдакий край живописной природы, «молочных рек и кисельных берегов» и весёлого, простодушного населения), непохожую на привычный «свой» мир.

При этом друг на друга накладывались две интеллектуальные тенденции. Первая — философская. Сельская жизнь, в духе руссоистских идей, изображалась воплощением внутренней свободы и гармонии для противопоставления «городу» с его внешней привлекательностью, но внутренней несвободой, пороками и нищетой, и преподносилась как образец «естественной» и «правильной» жизни. Другой стала эстетика сентиментализма, в духе которого и было написано большинство путевых записок (П. И. Шаликова, А. И. Лёв-

⁷² Гоголь Н. В. ПСС. Т. 13. Письма 1846–1847. М., 1952. С. 278–279, 375; Вересаев В. В. Гоголь в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников. М., 1990. С. 476, 481.

⁷³ Гоголь Н. В. ПСС. Т. 13. С. 408–409, 414.

шина, В. В. Измайлова, обрусевшего франко-швейцарца И. Ф. Вернета и других). Исходя из собственных посылок чувственного восприятия мира, она рисовала идиллию «мирных сёл, убежища простоты, умеренности и счастья» и столь же идеализированных её обитателей⁷⁴.

Именно специфика жанра предписывала упоминать о «непонятном» языке, на котором изъяснялись «туземцы», о чём писали некоторые путешественники, например Иван Долгорукий (хотя этот случай практически единственный даже среди образованных путешественников)⁷⁵. «Детская простота аборигенов, их “немота” при встрече (с чужеземцем. — А. М.), разговор жестами и пантомимой, их пугливость, наивность поведения — всё это топоры из описания “островных” туземцев, которых “открывают” европейские путешественники», — замечает уже цитировавшийся украинский исследователь⁷⁶. Как только мода на жанр сойдёт, а образ Малороссии и её народа закрепится в сознании как «свой», русские бары будут «без труда» спрашивать дорогу и прочую полезную информацию у малороссийских мужиков, как это делали те же паломники, не испытывавшие языковых барьеров.

И, наконец, и это пятый момент, на образ «непохожего» народа, особенно на отношение к нему как к «казачьему», повлияла память о не столь уж давних временах Хмельницкого, казацких восстаниях и войнах, из которых этот «народ» (разумеется, казаки, ставшие олицетворением края) и вышел. Вся его историческая память: и народная, выраженная в песнях и думах, и особенно высшего сословия, отразившаяся в казацких летописях (XVIII в.) и «Истории Русов» (начало XIX в.), — касается именно этого периода и в более глубокие времена почти не заходит.

⁷⁴ Лосиевский И. Русская лира Украины. Русские писатели Украины первой четверти XIX века. Харьков, 1993. С. 78, 110–111.

⁷⁵ Долгорукий И. М. Славны бубны за горами, или Путешествие моё кое-куда 1810 года. М., 1870. С. 64.

⁷⁶ Верстюк В. Ф., Горбеев В. М., Толочко О. П. Указ. соч. С. 295–296.

Нелишне отметить, что во второй половине XIX века именно эта сословно-казачья версия исторического прошлого легла в основу «национально-украинской концепции истории». Тем самым были заложены принципы восприятия Украиной (как особым национально-государственным организмом) древнерусского периода — как «не своего». И даже целенаправленная и настойчивая работа ряда представителей украинского движения по привязке «казачьего» периода к «доказачьему» и выстраивание непрерывной цепи *украинской* истории как начинающейся от древних времён поставленных целей достичь так, по сути, и не смогла. Соединение оказалось скорее механическим: слишком разными по духу, социальному опыту, языку, целеполагающей идее остались эти периоды.

Сословно-казачья трактовка прошлого (а вслед за ней во многом и национально-украинская концепция истории) и явно, и даже подсознательно не ощущает духовной близости того «казачьего народа», от лица которого выступает, не только с эпохой Древней Руси, но даже с прошлым южнорусских земель литовско-польского периода, если только оно не связано напрямую с казачеством. Причина проста. Чтобы консолидироваться в особую социальную группу и добиться признания российским государством своего статуса, претендующей на всю полноту власти в малороссийском крае казачьей старшине просто необходимо было искать «подтверждения» своей социальной, а то и этнической особенности в прошлом. Или же сконструировать их сознательно. По понятным причинам времена древнерусского единства для этого совсем не подходили. Так же, как затруднительно было их отыскать (или создать) и в рамках концепции общерусскости, которую западнорусские церковные и светские деятели конца XVI — первой половины XVII века использовали для достижения целей, прямо противоположных: для утверждения своей русскости и обоснования желательности единства с Россией. Зато это вполне

можно было сделать в рамках идеи особого «казачьего народа»⁷⁷.

Тем самым её адепты сами «разводили» «казачью» и русскую истории во времени. И литераторы-малороссы конца XVIII — начала XIX века (скажем, И. Ф. Богданович, К. М. Парпура, В. Г. Маслович) разрабатывали древнерусскую историческую тематику именно как историю русскую-российскую. Которую, впрочем, они считали своей (как и историю России вообще), но не по причине собственного малороссийского происхождения, а исходя из своей принадлежности к общерусскому культурному пространству, как русские люди. Однако «казачья» и русская история были «разведены» лишь во времени, но не в пространстве.

Именно наличие этнографически-специфического «казачьего народа» и приводило оба присутствовавших в русском сознании ментальных пласта-восприятия этой земли в известное противоречие. Посещая Чернигов, Переяславль или тот же Киев, известные им по летописям, современным историческим сочинениям и недавно открытому «Слову о полку Игореве» (оно было опубликовано в 1800 году и произвело глубокое впечатление на современников), путешественники ожидали и хотели увидеть что-то, что напомнило бы им о той поре. Или, лучше сказать, что укладывалось бы в имевшийся у них образ региона как древней Русской земли и «колыбели отечества».

«Нет ничего замечательного» — вот лейтмотив при взгляде на города Украины как на современные населённые пункты. Даже Киев оказывался в том же ряду, если человек смотрел на него не как на святой град, а как на «мать городов русских». «Станный этот город Киев, здесь только крепости и предместье, и мне наскучило отыскивать город, который по всем признакам, в старину был так же велик,

⁷⁷ См.: Толочко А. «Русь» глазами «Украины»: в поиске самоидентификации и континуитета // <http://zarusskiy.org/russ/2008/07/22/ukraina/>. Оригинал статьи: II Міжнародний конгрес українців. Ч. 1. Львів, 1994. С. 68–75.

как Москва». «Я всё ищу: где город; но до сих пор ничего не обрела», — такое впечатление произвёл Киев на государыню Екатерину II, посетившую город в 1787 году. Впрочем, она отметила его «прелестное местоположение»⁷⁸.

То, что это впечатление не было её субъективным взглядом, а отражало реальное положение дел, подтверждают и комментарии других современников. Например, писатель В. В. Измайлов в своём «Путешествии в полуденную Россию» отмечал: «Сообщение между тремя частями города чрезвычайно затруднительно, ибо горы отделяют их одну от другой. Кажется, что вы видите три разные селения. Я говорю — селения, ибо сей город едва ли заслуживает имя города»⁷⁹. А вот какое впечатление произвёл Киев на «командировочного» И. М. Сбитнева, оказавшегося там несколькими десятилетиями спустя. Ощущая трепет и благоговение при посещении киевских святынь, любясь «очаровательными окрестностями», он одновременно не мог отделаться от чувства разочарования при знакомстве с Киевом сегодняшним. «Множество изб ветхих, полуразваленных, на Печерском, Крещатике и Старом Киеве и толпы жидов слишком безобразят город», который «так мало двинулся во внутреннем благоустройстве», — отмечал он⁸⁰.

Действительно, облик Киева ещё в первой трети XIX века был не слишком притязательным. Расти, благоустраиваться, превращаться не только в духовный, но и культурно-образовательный центр страны (чего стоит хотя бы открытие там в 1834 году университета) он начал при Николае I и во многом благодаря его личным стараниям и заботе о «древней столице Российской». Именно тогда главные исторические районы Киева были соединены между собой

⁷⁸ Русская старина. Т. 8. 1873, ноябрь. С. 671–672, 684; Верстюк В. Ф., Горобець В. М., Толочко О. П. Указ. соч. С. 322.

⁷⁹ Измайлов В. Путешествие в полуденную Россию. М., 1805. С. 87.

⁸⁰ Записки Ивана Матвеевича Сбитнева // Киевская старина. 1887. № 2. С. 305–306.

в единый городской организм и приобрели, наконец, вид цельного градостроительного ансамбля⁸¹.

Впрочем, было у Киева нечто, что позволяло «прощать» ему многие недостатки: это его природные красоты, зелень и уют, о которых с восторгом отзывались все посещавшие город (и даже, как мы помним, сама царица). Они стали такой же неотъемлемой чертой образа города, что и его святыни или воспоминания о седой древности, придав Киеву эмоциональную теплоту, мягкость и какую-то «нестоличность», определив его развитие ещё и как своеобразного города-курорта. «Природа великолепная; с нагорного берега Днепра на каждом шагу виды изменяются... зелень, тополи и виноградники, чего нет у нас!» — с восторгом отзывался о городе Александр Грибоедов. При этом, однако, радуясь, что попал туда в лучшую пору, в начале лета, а не зимой, когда Киев, по словам людей знающих, «немного лучше северной России»⁸².

Кстати, нечто подобное в XIX веке могли испытывать коренные петербуржцы, привыкшие к сухой «столичности» и чёткой линейности «города», при встрече с диковинной для их взора Москвой, где ничего подобного не было. Зато, как писал проницательный современник, связавший свою жизнь именно с северной столицей, «взамен этого есть такие живописные ландшафты», зелень и размеренная уютная «семейственность»⁸³.

Часами мог смотреть с Андреевской горки на днепровские дуга, на Подол и лежащие левее от него Кожемяцкое удолье и Кудрявец и Николай Гоголь. Вид днепровских круч с золотыми куполами церквей или, наоборот, открывающиеся с них бескрайние просторы не могли не пробудить в человеке чувства прекрасного. Друг Гоголя,

⁸¹ История Киева. Т. 2. Киев периода позднего феодализма и капитализма. С. 175.

⁸² Грибоедов А. С. Сочинения. С. 586.

⁸³ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений в 13 т. Т. 8. М., 1955. С. 391.

М. А. Максимович позднее рассказывал запомнившийся ему эпизод. В июле 1835 года Гоголь, проездом из родной Васильевки в Петербург, заехал к нему в Киев. Гуляя по городу и «любясь ненаглядною красотой киевских видов», Гоголь и Максимович увидели такую картину. «Стояла неподвижно малороссийская молодлица, в белой свите и намитке, опершись на балкон и глаза на Днепр и Заднепровье. — “Чего ты глядишь там, голубко?” — мы спросили. “Бо гарно дивиться!” — отвечала она, не переменяя своего положения». И Гоголь, как вспоминал Максимович, «был очень доволен этим выражением эстетического чувства» в своей землячке⁸⁴.

Но сколь бы ни была красива киевская природа, она могла служить лишь обрамлением — и к увиденному, и к тому, чего желали видеть в Киеве. И дело было не столько в банальной неустроенности этого, как и ещё целого ряда других древних по возрасту, но не по облику, городов Малороссии, сколько в том, что посещавшие их почти не встречали того самого ожидаемого. Красноречиво передаёт эти чувства в своих изданных в Харькове «Письмах из Малороссии» А. И. Лёвшин, тогда ещё молодой человек, а в будущем видный государственный деятель. Вот перед ним Киев — город «воинственных предков наших, которые на борзых конях, с булатными мечами, в блестящих панцирях и шлемах являлись сюда на защиту отечества» (заметна переключка с былинными образами и «Словом о полку Игореве», строки из которого Лёвшин приводит далее); город, в котором «предки наши получили первое понятие о всемогущем Творце». Но там, где гарцевали витязи и гремели княжеские пиры, теперь красовалась «кривая, довольно грязная улица, унизанная по обеим сторонам вывесками различных ремесленников», и кричали торговцы-евреи⁸⁵.

⁸⁴ Максимович М. А. Письма о Киеве и воспоминание о Тавриде. СПб., 1871. С. 56–57.

⁸⁵ Левшин А. Письма из Малороссии. Харьков, 1816. С. 85, 86–87, 91.

Города перестраивались сообразно новым вкусам и веяниям: и в польские времена (в основном в начале XVII в.), и при гетманах, и позже, поэтому мало что сохранили в первоизданном виде и уже не напоминали древнерусские. Великорусские города в большей степени сохранили архитектурные черты и дух Руси. И это бросалось в глаза. «Киев стар, но древность его не так видна, не так осязательна, как Новгородская», — сравнивал между собой два древнейших русских города князь Долгорукий⁸⁶. Или же эти, когда-то сверкавшие золотом и славой княжеские центры превратились в провинциальные городки, наподобие того, где поссорились гоголевские Иван Иванович с Иваном Никифоровичем и где главной достопримечательностью была городская лужа. Отсюда — мотив разочарования от встречи с «исторической Русью», нередко присутствующий в путевых заметках. И русское общество старалось понять, куда и почему исчезла «Русь».

Как всё изменчиво, непрочно!
Когда-то роскошью восточной
В стране богатой он сиял;
Смотрелся в Днепр с берегов высоких,
И красотой из стран далёких
Пришельцев чуждых привлекал.

Народам диво и краса:
Воздвигнуты рукою дерзкой,
Легко взносились в небеса
Главы обители Печерской,
Как души иноков святых
В своих молитвах неземных.

Так описывал былое величие Киева в своей неоконченной поэме «Наливайко» поэт-декабрист К. Ф. Рылеев. Время, непростая история и иноземные враги сделали своё дело:

⁸⁶ Долгорукий И. М. Славны бубны за горами, или Путешествие моё кое-куда 1810 года. С. 262.

Но Киев на степи глухой,
Дивить уж боле неспособный,
Под властью ляха роковой,
Стоит, как памятник надгробный
Над угнетённую страной.⁸⁷

И города, и сама эта земля были словно бы воспоминанием о самих себе.

Впрочем, разница между «сущим» и «должным» — это вообще одна из главных философских и нравственных дилемм. А между ожидаемым и реальным применительно к исторической топографии встречается очень часто. Время стирает всё, в том числе память и живость чувств. Показательно то разочарование, которое испытал Пушкин, когда только попал в Крым и увидел Керчь (1820 г.). От встречи с живой историей молодой поэт ожидал большего. Как-никак Керчь — греческий Пантикапей — принадлежала к античной колыбели европейской цивилизации, не даром, переплыв на корабле Керченский пролив, он отмечает: «Из Азии переехали мы в Европу»⁸⁸.

То, что Пушкин отнёс Тамань к Азии, вполне логично для того времени. Этот край, где ещё вчера кочевали степняки и стояли турецкие укрепления, лишь недавно был присоединён к России и только начал заселяться русскими. К тому же он оставался опасным пограничьем: на другом берегу Кубани жили «дикие черкесы». Античные следы были пока неизвестны, а древнерусская история — ещё довольно смутна. Хотя о том, что именно на Тамани располагалось древнее Тьмутараканское княжество, русская публика уже знала: в 1792 году здесь был найден «тьмутараканский камень» — мраморная плита с русской надписью середины XI века. О таманском расположении княжества писали Н. М. Карамзин и А. Н. Оленин (искатель

⁸⁷ Рылеев К. Ф. Собрание сочинений. М., 1906. С. 142.

⁸⁸ Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в 16 т. Т. 13. Переписка. 1815–1827. М., 1937. С. 250, 251.

древностей и президент Академии художеств), об этом же упоминает и сам Пушкин⁸⁹. Однако совсем иное дело — наследница античности Таврида-Крым.

«Здесь увижу я развалины Митридатова гроба, здесь увижу я следы Пантикапеи, думал я», — писал он брату Льву. Пушкин знал историю, читал греческие трагедии, а также «Митридата» Ж. Расина, в котором как раз и рассказывалось о жизни царя Понта Митридата VI Евпатора (132–63 гг. до н. э.), соперничавшего с Римом и погибшего в этом античном городе. Но разочаровала Александра Сергеевича не только унылая природа восточного Крыма, что уже не вязалось с канонами путешествий в экзотические страны, но и отсутствие духа старины. Всё, что открылось его взору, — это «груда камней» и «несколько ступеней». «Развалины Пантикапеи не сильнее подействовали на моё воображение, — признавался он позже А. А. Дельвигу. — Я видел следы улиц, полузаросший ров, старые кирпичи — и только». «Хоть бы одно чувство, нет!» — досадовал и удивлялся поэт, хотя и не сомневался, «что много драгоценного скрывается под землёю, насыпанной веками»⁹⁰. Здесь он почти дословно повторял то, что говорили путешественники о древнерусских городах, по их справедливому убеждению, скрывавших под толщей земли свидетельства своего яркого прошлого. Начавшиеся вскоре археологические раскопки античных и древнерусских памятников подтвердили правоту и этих людей, и Пушкина.

Говоря о восприятии городов Малороссии, нельзя не упомянуть и о том, что эта «неуверенность в историчности» относилась не только к ним, но и к великорусским городам, хоть и в меньшей степени. Последние тоже нередко разочаровывали наблюдателя отсутствием ожидаемых древностей (или неумением их разглядеть). Здесь точно

⁸⁹ *Формозов А. А.* Пушкин и древности. Наблюдения археолога. С. 37–38.

⁹⁰ *Пушкин А. С.* ПСС в 16 т. Т. 13. С. 18, 250–251; *Барская Т.* Очарование пушкинской Тавриды. Симферополь, 2007. С. 16.

так же приходилось прикладывать усилия, чтобы пробиться к прошлому. И в том, и в другом случае «новое» заслоняло собой «старое». Только тут вместо «казачьей» Малороссии путь к нему закрывала собой «новая» вестернизированная Россия. А то, что было на виду, либо не замечалось, либо не воспринималось как уникальное, достойное просвещённого взора.

На рубеже XVIII–XIX веков российское общество знало о русской старине довольно мало, её научное изучение и художественное освоение лишь только начинались. Да и как могло быть иначе? Чуть ли не весь XVIII век русское общество было ориентировано на европейские культурно-эстетические нормы и образцы (в Европе, кстати, время увлечения собственным средневековьем тоже ещё не наступило), а Русь рисовалась воплощением бородатого невежества. Чего стоит хотя бы судьба Московского Кремля! Разве могла её культура быть равноценной и равноинтересной?

Русская история «делается интересною только со времени Петра Великого, — писал в 1810 году Н. И. Гнедичу поэт К. Н. Батюшков. — Читай Римскую, читай греческую историю, и сердце чувствует, и разум находит пищу». А всё, что до Петра, всё средневековье — одна скука, «басни, ложь, невежество наших праотцев»⁹¹. Несомненно, в числе причин, влиявших на такое отношение, было упоение Империей, пребывавшей в зените своего могущества; восторг от её блеска и величия, захватывавший многих современников; сознание грандиозности свершаемых дел, когда, по словам Гоголя (тоже испытывавшего подобные чувства), «на всех поприщах стали выказываться русские таланты» — полководцы, государственные деятели, учёные⁹². И доимперское прошлое как бы уходило в тень, по всем статьям «проигры-

⁹¹ Батюшков К. Н. Сочинения в 2 т. Т. 2. М., 1989. С. 110.

⁹² Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий. Изд. подг. И. А. Виноградов. М., 2009. С. 447.

вая» европейски просвещённой и воспитанной на античной героике современности.

«Правду тебе сказать, я за все русские древности не дам ни гроша. То ли дело Греция? То ли дело Италия?» — так ёмко выразил Батюшков широко представленное в те времена в российском обществе убеждение. И при этом он вовсе не являлся каким-то русофобом. Константин Николаевич любил Россию, гордился, что он русский: «любить отечество должно. Кто не любит его, тот изверг» — писал он. Но вот «можно ли любить невежество? Можно ли любить нравы, обычаи, от которых мы отдалены веками и, что ещё более, целым веком просвещения?»⁹³. Вот здесь и кроется ответ. И дело даже не во всех «веках» (что может быть дальше Греции и Рима?), а именно в одном из них: в том самом «веке просвещения», разделившем Россию на «древнюю» и «новую».

Понадобилась упорная работа энтузиастов — историков и литераторов, открывавших обществу красоту и уникальность русского прошлого и русской культуры. А то и прямо убеждавших соотечественников менять устоявшиеся стереотипы, как это делал тот же Николай Карамзин в своём «Илье Муромце»:

Мы не греки и не римляне;
Мы не верим их преданиям...
Нам другие сказки надобны;
Мы другие сказки слышали
От своих покойных мамушек.⁹⁴

Потребовалось прямое военное столкновение с той самой обожаемой Европой, которое для русского общества, и в том числе его высших кругов, приняло характер войны Отечественной. А также изменение культурных приорите-

---

⁹³ Батюшков К. Н. Сочинения. Т. 2. С. 109–111, 130–131.

⁹⁴ Карамзин Н. Сочинения. Т. 1. Стихотворения. Пг., 1917. С. 113–114.

тов в самой Европе, повернувшейся лицом к собственной народной традиции.

1820–1830-е годы стали периодом, когда в России пробудился интерес к разысканию и изучению старины, начались археологические раскопки античных поселений, степных курганов, славянских городищ, Куликова Поля, древнерусских городов — от Старой Рязани до тех, что располагались в Малороссии, в том числе и Киева. Но понимание возраста, архитектурного стиля и культурного значения многих памятников приходило далеко не сразу. Тот же Карамзин, составляя в 1817 году «Записку о московских достопамятностях», коротко отозвался о Покровском соборе на рву (храме Василия Блаженного) как о «готической церкви»⁹⁵.

К тому же нынешнее понимание «исторического» гораздо шире, чем оно было в начале XIX столетия. Теперь ценной представляется застройка даже конца того века, не говоря уже о его первой половине или памятниках века XVIII. А для времён Пушкина и Гоголя это была отнюдь не история, а современность, повседневность, и притом — далеко не всегда эстетически безупречная, особенно когда речь шла о типичной городской застройке. От неумолимого бега времени и дыхания современности не была застрахована даже Москва. Московские древности «представляют странное зрелище смеси с новым, — замечал по этому поводу в своей статье «Петербург и Москва» литературный критик В. Г. Белинский. — Дух нового веет и на Москву и стирает мало-помалу её древний отпечаток»⁹⁶.

Тем более не всегда и не всем удавалось увидеть «Русь» в современном им провинциальном городе, среди «грязных улиц» и рекламных «вывесок ремесленников», даже если старинные соборы и кремли и не перестраивались согласно более поздним вкусам, как те же киевские или черниговские храмы. «Напрасно в Пскове... искал я глазами

⁹⁵ Карамзин Н. М. О древней и новой России. Избранная проза и публицистика. М., 2002. С. 365.

⁹⁶ Белинский В. Г. ПСС. Т. 8. С. 393.

каких-нибудь следов его достопамятного по летописям прошедшего, — записал своё впечатление от посещения в 1826 году этого одного из древнейших русских городов дипломат Д. Н. Свербеев, — в нём решительно не на чем было остановить внимание проезжего»⁹⁷. А вот ощущение В. Белинского от знакомства с другим старинным русским городом: «хотя Новгород и древний город, — замечает он, — но от древнего в нём остался только его кремль, весьма невзрачного вида, с Софийским собором, примечательным своею древностию, но ни огромностию, ни изяществом»⁹⁸.

Слова Белинского — яркий пример не только того, как могла выглядеть или восприниматься древность, но и как поменялись приоритеты и сам взгляд на мир у носителя светской вестернизированной культуры по сравнению с человеком культуры православной. Белинский видит в Софийском соборе лишь внешние формы: древность, размер, изящество (собственно, теми же глазами многие современники смотрели и на церкви Киева и Чернигова), тогда как люди православной культуры обращали внимание на внутреннюю сущность храма (этого и любого другого) как дома Божьего. (Кстати, для новгородцев София всегда была не просто собором, а символом и зримым воплощением Новгорода, его хранительницей.⁹⁹) А ведь Белинский был вдумчивым и проницательным человеком, стремившимся проникнуть в суть вещей! И потому его слова ещё более показательны.

В киевских и черниговских соборах паломники искали не внешнюю древность, а внутреннюю сущность. И «Святая Русь» для них заключалась именно в этом. Светское сознание искало «Русь» ещё и во внешних формах. Да, и в великорусском городе тоже надо было приложить усилия, чтобы представить на его улицах образы великих предков.

⁹⁷ Цит. по: *Формозов А. А.* Указ. соч. С. 107, а также С. 109–110.

⁹⁸ *Белинский В. Г.* ПСС. Т. 8. С. 390.

⁹⁹ *Мяло К., Севастьянов С.* Крест над Россией. Очерки паломничества по Святой Руси в образе и слове // Москва. 1995. № 10. С. 131.

И там так же, как и на античных руинах, можно было почувствовать разочарование от несоответствия чаемого и действительного. Но при всей своей обыденности великорусский город имел хоть малую толику того, что напоминало Русь сильнее, чем города малороссийские. Тем более, что находились последние в особой этнографической среде.

Но если античная Керчь, несмотря на моду и стереотипы, была для русского человека всё же чужой, то Киев, Переяславль, Чернигов были своими! Отсюда возникал вопрос, а почему северные города похожи на Русь, а южные — нет, и какая связь между «новой», казачьей, Малороссией и той древней Южной Русью, образ которой за века стал неотъемлемой частью русского сознания и мироощущения? Осмысление этой дилеммы по мере «открытия» Малороссии шло по нарастающей — и по научной, и по художественной линии. Но пока что эти «миры» существовали параллельно, а их образы почти не пересекались.

Глава IV

Малороссия в русской литературе и общественной мысли до Гоголя

Как бы то ни было, но первые десятилетия XIX века были временем невероятного увлечения российского общества Малороссией. «Здесь так занимает всех всё малороссийское», — с удивлением писал Гоголь матери вскоре по приезде в Петербург¹⁰⁰. По словам дореволюционного историка литературы А. Н. Пыпина, в то время «малорусское чувствовалось как что-то родственное, а вместе и чужое, но любопытное по своей близкой оригинальности», что и поддерживало «бессознательный интерес к тому, что отличало жизнь малорусскую»¹⁰¹.

Симптоматично, например, как высказывался поэт и литературный критик П. А. Вяземский о романе своего современника, известного писателя, малоросса по происхождению В. Т. Нарезного «Два Ивана, или Страсть к тяжбам» (1825 г.). Роман он оценивал высоко (не скрывая имевшихся в нём художественных изъянов) и особо подчёркивал новаторство автора. «Мне казалось, — писал Вяземский, — что *наши* нравы, что вообще *наш* народный быт не имеет или имеет мало окончностей живописных, кои мог бы охватить наблюдатель для составления *русского* романа». Но, к счастью, Нарезный развеял эти опасения¹⁰². «Подлинно *народными русскими*» называл романы Нарезного (часть из которых основывалась на общероссийском,

---

¹⁰⁰ Гоголь Н. В. ПСС. Т. 10. С. 142.

¹⁰¹ Пыпин А. Н. История русской литературы. Т. 4. СПб., 1908. С. 483–484.

¹⁰² Московский телеграф. 1825. Ч. 6. № 22. С. 181–183.

а часть — на местном малороссийском материале) и другой именитый журнальный критик Н. И. Надеждин (в обоих случаях выделено мной. — А. М.)¹⁰³. И в то же время Вяземский говорит: «...правда, автор наш наблюдатель не совершенно русский, а малороссийский»¹⁰⁴. Речь шла не об этническом происхождении Василия Трофимовича, а о материале романа, действие которого происходит в Малороссии. Вот так, и быт *наш*, и нравы *наши*, и романы *народные русские*, но всё же не совсем. По мере накопления знаний, разработки малороссийской темы этот образ становился всё менее «чужим» и всё более «родственным» и даже «своим».

Впрочем, при всей своей ясно различимой специфике малороссийское уже тогда понималось как часть русского. Ещё со второй половины XVIII века в репертуар придворных и аристократических хоровых капелл и хоров входят украинские песни. Этому во многом способствовали и вкусы их устроителей, среди которых было немало вельмож — малороссов, и приток в эти музыкальные коллективы малорусских кадров. Включается украинский песенный материал и в сборники русских песен (там были представлены как песни, имевшие литературное происхождение, так и народные, бытовавшие в городской и сельской среде). Таковы «Собрание русских простых песен с нотами (1776–1795 гг.)» Н. Ф. Трутовского, «Полное новое собрание российских песен» (1780 г.), составленное Н. И. Новиковым, «Собрание наилучших российских песен» Ф. Майера (1781 г.), песенники Н. А. Львова и И. Прача (1790, 1793 гг.), И. Д. Герстенберга и Ф. А. Дитмара. Присутствовали малороссийские песни в сборниках «Вечера» (1774 г.), «Живописец» (1795 г.). Например, в нотный журнал «Музыкальные увеселения» (1774 г.) были включены танец «Дергунец»,

¹⁰³ Цит. по: *Манн Ю.* У истоков русского романа // *Нарежный В. Т.* Сочинения в 2 т. Т. 1. М., 1983. С. 6.

¹⁰⁴ Московский телеграф. 1825. Ч. 6. № 22. С. 181–183.

песни «Як сказала матуся», «Ой, пид вишнею» (первая публикация данной песни)¹⁰⁵.

Причём украинские песни помещались либо в отдельном разделе, как, скажем, у Львова и Прача, либо просто вперемежку с великорусскими — как у Трутовского (кстати, малоросса) или Герстенберга и Дитмара. Последние, например, поясняли этот принцип тем, что малороссийские песни бытовали в русской городской среде. Биография того же Гоголя полна свидетельств, что малорусские песни с удовольствием слушали и исполняли многие его друзья и знакомые-великороссы. Симптоматично, что никакие другие народные песни (скажем, татарские, польские или грузинские) в «русские» не зачислялись.

Очень точно выразил тогдашнее отношение русско-го общества к малороссам и малороссийскому составитель первой малороссийской грамматики великоросс А. Павловский. Создание «Граматики малороссийского наречия» (1818 г.) он объяснял желанием «положить на бумагу одну слабую тень исчезающего наречия сего близкого по соседству со мною народа, сих любезных моих соотчичей, сих от единыя со мною отрасли происходящих моих собратьев»¹⁰⁶. Ближайшие соседи великороссов, соотечественники, единокровные братья — вот три ипостаси этого образа, которые воспринимались либо вот так, слитно, через запятую, либо в зависимости от обстоятельств, времени, личных мотивов говорящего и ещё целого ряда причин выступали вперёд какой-то одной своей стороной.

¹⁰⁵ Русские песни XVIII века. М., 1958. С. 4–6, 12–13, 18; *Зубков С. Д.* Русская проза Г. Ф. Квитки и Е. П. Гребёнки в контексте русско-украинских литературных связей. Киев, 1979. С. 6.

¹⁰⁶ *Павловский А.* Грамматика малороссийского наречия, или Грамматическое показание существеннейших отличий, отдаливших малороссийское наречие от чистого Российского языка, сопровождаемое разными по сему предмету замечаниями и сочинениями. СПб., 1818. С. II.

Малороссийская тематика активно разрабатывалась в русской художественной литературе и фольклористике, обсуждалась на страницах журналов ещё до появления украинских повестей Гоголя. В первые десятилетия XIX века «малоруссистика» была представлена несколькими течениями: собственно малорусским, великорусским, а также польским, и каждое из них искало в этой тематике что-то своё. Если малорусское и великорусское направления можно рассматривать как подвиды одного общего интеллектуально-эстетического течения, то польское увлечение Украиной стояло несколько особняком. И в территориальном плане, но главное, по своим побудительным мотивам и целям.

В отличие от малорусского и великорусского направлений, представленных в столицах, Слободской Украине и, в меньшей степени, в Малороссии, польское было локализовано в основном на Правобережье и Волыни, ещё не так давно бывших «Польшей», и где польский элемент почти безраздельно господствовал в сфере культуры и образования. Присоединяя этот край, российские власти понимали, что возвращают древние русские земли, и даже публично подчёркивали это. Так, на медали, отчеканенной после разделов Речи Посполитой, были выбиты слова «Отторженная возвратих».

Однако всё это нисколько не поколебало польское доминирование в крае: ни социально-экономическое, ни культурное. Наоборот, оно только усилилось, особенно в правление Александра I. В учреждениях и присутственных местах звучала польская речь, русский язык поляки изучать не спешили, и в душе вообще не признавали российскую власть «своей». И всё это происходило на фоне откровенно полонофильской политики властей, выразившейся в том числе и в том, что побеждённая Польша, ещё вчера сражавшаяся против России под знамёнами Наполеона, получила от российского монарха права и свободы куда большие, чем имелись в самой России. Многим русским

современникам — от Карамзина на консервативно-традиционалистском фланге общественного спектра и до декабристов на анτισамодержавно-демократическом и националистическом¹⁰⁷ — такая ситуация казалась странной и унижительной. Они были удивлены столь благодушной и милостивой политикой по отношению к давнему и кровному врагу, считая, что надо заставлять поляков плясать «по дудке русской», а не самим подлаживаться под них¹⁰⁸.

На деле же подлаживаться чаще приходилось как раз русской стороне. И не только в землях, возвращённых по разделам. Начали поляки активно проникать и на Левобережье, где их до того не было уже почти полтора столетия. В частности, попечителем Харьковского учебного округа (в ведении которого находился и Харьковский университет) был назначен С. Потоцкий. Оказались поляки и в числе преподавателей этого университета. Польское присутствие стало сильно ощущаться и в Киеве. Так, дворянские сословные организации города практически полностью оказались в их руках, росло представительство и влияние поляков в образовательных учреждениях. Это польское «культурное наступление» на Киев даже заставило Гоголя резко воскликнуть: «Он наш (то есть малорусско-русский. — А. М.),

---

¹⁰⁷ Феномен декабризма, по понятным причинам, не входит в круг рассматриваемых здесь вопросов (хотя о некоторых моментах, с ним связанных, речь ещё зайдёт). Стоит лишь заметить, что это определение вполне к нему применимо. Если отбросить ту политизацию и идеологизированность, которой часто сопровождаются рассуждения о национализме, и взглянуть на проблему с научной точки зрения, то станет понятным, что национализм — это одна из форм понимания и интерпретирования окружающей действительности и производные от этого понимания социальные и политические практики. В основе такого способа видения и интерпретирования мира лежит идея нации и национального как краеугольных (или просто важных) моментов человеческого «вчера», «сегодня», «завтра», и в том числе понимание нации как основы политической системы. Всё это у декабристов имелось.

¹⁰⁸ Долгорукий И. М. Путешествие. С. 150–151 и др.

он не их»¹⁰⁹. На Правобережье же поляки чувствовали себя полновластными хозяевами: в их руках находился Виленский учебный округ, охватывавший восемь губерний, присоединённых к России в 1772–1795 годах. Подчинённые ему гимназии, Кременецкий лицей и Уманское базилианское (униатское) училище являлись проводниками польского культурного и политического влияния¹¹⁰.

С конца XVIII века в польских дворянских кругах и интеллигенции господствовала идея-мечта о восстановлении независимой Речи Посполитой и реванша против тех, кому принадлежали её территории. По решению международного Венского конгресса (1814–1815 гг.) воссозданная Наполеоном польская государственность была вновь ликвидирована. Большая часть собственно польских земель с Варшавой отошла России. Впрочем, они существовали в виде Царства Польского, имевшего свою конституцию и широкую автономию. А вот на тех польских территориях, что пребывали в составе Австрии и Пруссии, ничего подобного не было. Однако своим главным врагом польские патриоты-националисты считали не Пруссию и Австрию, и не Великобританию, дирижировавшую Конгрессом, а именно Россию. Более того, восстановления Речи Посполитой они желали в границах 1772 года, рассматривая белорусские и малороссийские земли как свою историческую собственность.

Для иллюстрации подобной установки, на десятилетия, если не больше, ставшей важнейшей составляющей поль-

---

¹⁰⁹ Гоголь Н. В. ПСС. Т. 10. С. 288. О том, что Гоголь имел в виду противостояние «наших» именно с поляками, см.: Воронаев В. А. Гоголь и «русско-украинский вопрос» // Московский журнал. 2002. № 1. С. 12; Звиняцковский В. Я. Историческое ядро «Миргорода» в свете художественно-мифологических установок XVIII — первой трети XIX вв. и документированной истории Украины. «Тарас Бульба» и «История Русов» // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. Вып. 2. М., 2009. С. 293–294; Киркевич В. Время Романовых. Киев в империи. С. 88.

¹¹⁰ Щёголев С. Н. История «украинского» сепаратизма. С. 47–48.

ского сознания, очень характерен один эпизод, связанный с осмыслением поляками творчества Гоголя. Давая крайне негативную оценку гоголевскому «Тарасу Бульбе», польская журналистка А. Лисицкая смогла уместить эту установку буквально в одно слово (к тому же выделенное курсивом). «Описание *нашей* Украины художественным пером русского (то есть Гоголя. — А. М.) вызывает в польском сердце чувства мучительной боли и возмущения», — утверждала она (попутно отказывая «русскому перу» и русскому народу в способности создавать высоко нравственных героев, подобных тем, что создавал польский «художественный гений»)¹¹¹.

Восстановлению Речи Посполитой и идее реванша в белорусских и малорусских землях и была подчинена вся деятельность польского движения: как политическая (в том числе осуществлявшаяся через масонские и прочие тайные общества), так и идеологическая. К числу последней относилось также и создание «исторических» и расовых теорий, согласно которым Россия изображалась азиатской деспотией, варварской страной, а русские — народом неарийского и неславянского происхождения, чуждым не то что Европе, но даже не имеющим ничего общего с малоруссами и белоруссами. Автором одной из таких псевдонаучных и чисто политических теорий был выпускник уманского училища Ф. Духинский¹¹².

Этим же целям во многом была посвящена и работа поляков на культурно-исторической ниве, в том числе касающаяся украинской тематики. И далеко не все из тех, кто был ею занят, делали это без задней политической мысли. Конечно, были среди поляков и такие, кто, как, например, В. Залесский или З. Я. Доленга-Ходаковский (А. Чарноцкий),

¹¹¹ Цит. по: Гоголь Н. В. Тарас Бульба. Автографы, прижизненные издания. Историко-литературный и текстологический комментарий. С. 572. Оригинал напечатан в журнале «Польское обозрение». 1886. № 7.

¹¹² Щёголев С. Н. Указ. соч. С. 47–48.

искренне увлекались малороссийским фольклором, этнографией, историей. Вацлав Залесский собрал обширный фольклорно-песенный материал, и его «Песни польские и русского люда галицкого» пользовались большой популярностью, в том числе в России (работал с ними и Гоголь). Доленга-Ходаковский интересовался восточным славянством, записал в Галиции огромное количество народных песен и вообще считал, что народная культура лучше сохранилась в более толерантной православной среде, нежели в западославянской католической. А затем он занялся раскопками славянских городищ под Новгородом и Тверью (да так и остался в России) и своими трудами немало способствовал не только пробуждению интереса к народной культуре и археологии, но и утверждению в российском обществе представления о Правобережье и Галиции как о русской этнической и культурной территории¹¹³.

Но больше среди польских «украинофилов» было тех, кто обращал взоры к малороссийской истории и культуре в поисках ушедшего «золотого века» Речи Посполитой. Идеализируя польско-малорусские отношения как эпоху братства и сотрудничества, они намеревались использовать эту идеализированную картину для политических нужд дня сегодняшнего. Так, выходец из шляхетской семьи Т. Падура и волынский помещик В. Ржевусский решили добиваться независимости Польши путём формирования в малороссийском обществе пропольских ориентаций и пропаганды идей антироссийского сепаратизма. А чтобы те легче усваивались, предлагали облечь их в казачьи одежды. Фактически эти люди (как и их единомышленники) приступили к созданию «казачьего мифа», стремясь привить памяти о казачестве и Гетманщине отчётливую антироссийскую и пропольскую направленность. И тем самым превращая эти уже давно ушедшие в небытие исторические феномены в идеологическую реальность современности.

---

¹¹³ Верстюк В. Ф., Горобець В. М., Толочко О. П. Указ. соч. С. 308.

Для этого Падура и Ржевуский собирали фольклор, а чаще самостоятельно сочиняли песни и «думы», в которых прошлое Малороссии толковалось в политически нужном для польского движения духе. Ими даже была создана специальная школа лирников, выпускники которой и должны были, посещая корчмы и народные гуляния, распространять среди крестьян Волыни и Правобережья эти думы и песни, тем самым исподволь формируя их мировоззрение¹¹⁴. Ещё одним видным украинофилом, писавшим «думы» и поэмы об Украине, Запорожье и казачестве, был Ю. (Богдан) Залесский. Впрочем, воспевал он лишь те эпизоды, которые касались совместной жизни поляков и украинцев и их борьбы с татарами и турками, и старательно умалчивал обо всём, что не вписывалось в эту схему «польско-украинского братства».

Впрочем, влияние подобных «дум» и их сочинителей в крестьянской среде оказалось вовсе не таким значительным, как на то рассчитывали польские украинофилы. А вот в магнатских поместьях Правобережья и Волыни деятельность Падуры, Ржевусского и их лирников нашла широкий отклик. И многие поляки отдавались украинофильству с настоящим увлечением, иногда даже меняя свою идентичность на «украинскую», хотя мировоззренческая ориентация таких людей всё равно оставалась изначально пропольской.

В отличие от малорусского и великорусского, польское течение практически сразу приобрело политические черты: украинофильскую окраску и антироссийскую направленность в духе идей Духинского, Падуры, Ржевусского, Б. Залесского. Ведь это должно было послужить делу восстановления Польши в границах 1772 года (не случайно, что основатели и приверженцы польского украинофильства прошли через восстание 1830–1831 годов). Это польское интеллектуально-идеологическое течение оказало

---

¹¹⁴ Щёголев С. Н. Указ. соч. С. 43.

влияние на культурную и политическую жизнь малороссийского общества — в основном на появившееся чуть позже, в 1840-е годы, украинофильское (украинское) движение, которое своим мировоззрением и самим возникновением в большой степени было обязано как раз ему. Однако именно по причине такого своего характера и целей это направление в «малоруссистике» стояло особняком от двух других — великорусского и малорусского.

Каждое из этих последних имело некоторую специфику, например побудительные мотивы. Так, малороссы (к примеру, П. П. Гулак-Артемовский, Г. Ф. Квитка (Основьяненко), И. П. Котляревский, В. Г. Маслович, М. А. Максимович, Н. А. Маркевич, В. Н. Забела) с увлечением отдавались изучению своей этнической природы или же, как В. Т. Нарезный, А. А. Перовский или О. М. Сомов, в своей литературной работе использовали тот материал, который им был хорошо знаком. Великороссы же (А. Павловский, И. Е. и И. И. Срезневские, К. Ф. Рылеев, Ф. Н. Глинка, А. А. Шаховской, А. С. Пушкин, А. Н. Нахимов и другие) или обрусевшие россияне (Н. А. Цертелев) именно что открывали для себя Малороссию. Однако и те, и другие ставили перед собой цели исключительно познавательные и художественные.

Впрочем, чёткой грани между этими течениями не было, они перетекали друг в друга — и географически, и сюжетно, и на личном уровне. Малороссийская тематика, по понятным причинам, активно разрабатывалась в Харькове — в открытом там в 1804 году университете и группировавшихся вокруг него литературных кружках и журналах: «Харьковском демокрите», «Украинском вестнике», «Украинском журнале» (издатели Р. Т. Гонорский и Е. М. Филомафитский). Слово «украинский» в их названии объяснялось географической локализацией: Харьков был центром Слободской Украины, да и Харьковская губерния до 1835 года именовалась Слободско-Украинской. Можно отметить и ещё один литературно-философский

кружок, находившийся на Слобожанщине, — «Поповскую академию» А. А. Палицына, получившую название по селу Поповка Сумского уезда, где и располагалась «академия».

Однако не меньшим, а то и большим центром «малорусистики» были столицы, и особенно Петербург. Там печатались художественные произведения, так или иначе затрагивавшие бытовые стороны и историческое прошлое Малороссии, там выходили первые литературные опыты на малороссийском наречии, там издавались фольклорные и краеведческие труды и сборники. Именно там проживала и основная масса читателей — потребителей этого культурного продукта. В Петербурге на литературном и журналистском поприще работало немало малороссов, в том числе занимавшихся украинской тематикой. А в харьковских журналах и кружках над художественным и научным познанием Малороссии бок о бок с малороссиянами трудились и великороссы: как уроженцы Слобожанщины, так и выходцы из других губерний.

Да и на личном уровне порой непросто было разобрать, кого к какому направлению относить, как тех же Алексея Перовского, Ореста Сомова, Василия Нарезного и ещё целого ряда других. К примеру, останься малоросс Сомов работать в Харькове (даже пиши он целиком на русском языке), его можно было бы отнести к малорусскому направлению. Но поскольку он переехал в столицу, то, несмотря на своё этническое происхождение, имеет больше оснований быть отнесённым к направлению великорусскому.

Не может до конца «развести» эти направления даже субъективный фактор, то есть индивидуальные предпочтения человека, то, какую культуру — русскую или малорусскую — он считал более близкой себе и отдавал ей больше предпочтения (речь в данном случае о малороссах). Это будет характеристикой скорее количественной, нежели качественной: свою деятельность литераторы-малороссы рассматривали как часть общероссийского литературного процесса и активно участвовали в русской культурной

жизни. И это будет справедливым даже для тех из них, кто, как Григорий Квитка, Пётр Гулак-Артемовский или некоторые другие, часть своих произведений писали по-малороссийски¹¹⁵.

Что уже говорить о людях вроде Сомова, которые не видели необходимости параллельно общерусской развивать ещё и особую малороссийскую словесность, пусть даже как её локальный вариант. Так, в отзыве на «Полярную звезду на 1825 год» он подчёркивал, что было бы желательно, чтобы «Полярная звезда» и дальше продолжала бы рассказывать «нам о нашей отчизне» и «приобрела славу ещё прочнейшую и блистательнейшую — заставила бы русских читателей... полюбить всё русское: и великие наши воспоминания, и коренные обычаи, и язык звучный и благородный»¹¹⁶. Ведь действовали оба направления в рамках русской культуры, в едином интеллектуальном, эстетическом и языковом поле, на котором трудились и великороссы, и малороссы, своей аудиторией считая всю русскую публику.

Кроме того, малороссов-литераторов или собирателей фольклора интересовала далеко не только украинская тематика, но и сюжеты, не связанные с местной этнической спецификой. Большим вниманием пользовались, скажем, исторические события, причём не из казачьей, а именно русской истории. «Слово похвальное царю Иоанну Васильевичу IV» пишет Иван Ф. Богданович, «Слово похвальное Александру Ярославичу Невскому» — К. Парпура, переводами на современный русский язык «Слова о полку Игореве» занимаются харьковские поэты. Более того, литераторы-малороссы (Василий Капнист, Иван Богданович, Орест Сомов, А. В. Склабовский, Ю. И. Райдаровский) занимаются изучением великорусского фольклора и бы-

¹¹⁵ Лосиевский И. Русская лира Украины. Русские писатели Украины первой четверти XIX века. С. 17–18, 67–68.

¹¹⁶ Северная Пчела. 1825. № 41. 4 апреля. С. 2–3.

линных образов, стилизацией русских народных песен, плачей, сказочных сюжетов¹¹⁷.

Что касается представителей малороссийского направления, работавших на Украине, то надо отметить, что даже те из них, кто писал по-малороссийски, значительную, если не большую часть своих произведений создавали на русском языке. Тот же Маслович является автором не только поэмы «Основание Харькова» (1815–1816 гг.), в которой речь идёт, понятно, об украинских сюжетах и в некоторых диалогах употребляется «хохлацка» речь, но и автором русских стихов и басен. Квитка писал романы, Забела был автором ряда песен, музыку к которым написал знаменитый М. И. Глинка. А Гребёнка вошёл в историю благодаря своему знаменитому стихотворению «Чёрные очи», ставшему, после того, как оно было положено на музыку, знаменитым романсом «Очи чёрные» — своего рода визитной карточкой России и русской культуры в мире.

Кстати, пример Евгения Павловича Гребёнки (1812–1848 гг.) весьма показателен. Для своего времени (первой половины XIX века) он был, пожалуй, одним из самых последовательных сторонников развития малороссийской речи как языка литературы. Он расстраивался, видя, что его земляки смотрят на малороссийское наречие лишь как на просторечный народный говор или способ «похохмить». Гребёнке же принадлежит перевод на него пушкинской «Полтавы». Но вместе с тем основную часть своих прозаических и поэтических произведений (особенно поздних) он написал по-русски, вовсе не считая, что занятия малороссийской словесностью должны подразумевать неприятие литературы русской. И, горячо любя Украину и являясь её патриотом, свою малорусскую идентичность Гребёнка не противопоставлял общерусской.

В этом можно убедиться не только, скажем, читая его поэму «Богдан Хмельницкий» (1839–1843 гг.), в которой

---

¹¹⁷ Лосиевский И. Указ. соч. С. 73, 143–144.

политические события середины XVII века подаются как долгожданное воссоединение родных по крови и духу Малой и Великой Руси. Что, кстати, было прямой противоположностью той их трактовке, которую старались привить малороссам поляки. Не менее красноречиво и восторженное описание Киева, которое Гребёнка поместил в одном из своих рассказов (1838 г.). «Как ты красив, мой родной Киев! добрый город, святой город! Как ты красив, как ты светел, мой родной старик! Что солнце между планетами, что царь между народом, то Киев между городами. На высокой горе стоит он, опоясан зелёными садами, увенчан золотыми маковками и крестами церквей, словно золотой короною; под горою широко разбежались живые волны Днепра-кормильца. И Киев, и Днепр вместе... Боже мой, что за роскошь! Слышите ли, добрые люди, я вам говорю про Киев, и вы не плачете от радости? Верно, вы не русские»¹¹⁸.

Эти проникновенные слова, поданные как авторский текст, лучше всего отражают мировоззрение и культурно-национальные ориентации участников того самого малорусского направления первых десятилетий XIX века (и даже таких местных патриотов, как Гребёнка), видевших Малороссию и самих себя частью Русского мира.

Тематика литературных сочинений о Малороссии была обусловлена духом времени: сентименталистско-чувствительным отношением к миру и романтическим вниманием к народной культуре, быту и нравам народа, ко всему загадочному и необычному и таким же ярким и экзотическим проявлениям истории края. Об интересах пишущей и читающей публики (а общество того времени было литературоцентричным, и писали тогда очень многие, вот почему писатели и читатели были в немалой степени одной средой), равно как и об интересах литературы

¹¹⁸ Гребінка Є. П. Твори в 5 томах. Т. 1. Київ, 1957. С. 343. (Рассказ «Мачеха и панночка. Малороссийское предание». Написан, что символично, на русском.)

романтизма вообще и его малороссийского направления в частности, могут дать представление названия повестей и рассказов Сомова. Это малороссийские были и небылицы «Кикимора», «Русалка», «Оборотень», «Сказка о кладах», «Киевские ведьмы», «Приказ с того света», «Юродивый» (1827–1833 гг.) и другие.

Орест Михайлович Сомов (1793–1833 гг.) (псевдоним Порфирий Байский) являлся одним из создателей жанра русской повести, разрабатывал он, в том числе, и украинскую тематику. «...Народу Русскому, — писал он в своём трактате «О романтической поэзии» (1823 г.; далее курсив автора), — ...необходимо иметь свою народную поэзию, неподражательную и независимую от преданий чуждых» (имелась в виду распространённая в те годы ориентация на «западные, чужеземные туманы и мраки» — немецкие поэтические и эстетические образцы). А для этого есть верный путь — обращение к богатейшему внутреннему миру России, к собственным источникам русской народной жизни и поэзии¹¹⁹. Следуя в русле своей эстетической программы, большое внимание Сомов уделял фольклорным сюжетам (малорусским и великорусским). Целенаправленно собирая этнографический материал и широко используя описательность, он много сделал для формирования творческого образа народной Украины, передачи её духа, в том числе выраженного через поверья, фантастику и юмор¹²⁰.

Десятилетием позже точку зрения Сомова на народную поэзию в своей статье «Петербургская сцена в 1835–36 г.» почти дословно повторит Гоголь. Рассматривая обращение к народной культуре (сказке, песне — великорусской и малорусской) не только как дань времени, но и как естественное стремление к корням, к национальному самопо-

¹¹⁹ Сомов О. Указ. соч. С. 147; Он же. Ответ на (так названный) ответ господина Ф. Б... жителю Галерной Гавани // Невский зритель. 1821. Ч. 5. Кн. 2. С. 278–279.

¹²⁰ Петрунина Н. Орест Сомов и его проза // Сомов О. М. Были и небылицы. М., 1984. С. 15, 16.

знанию, он напишет: «...стремление это — возврат к нашей старине после путешествия по чужой земле европейского просвещения». Причём возврат торжественно-ликующий, «на русской тройке, с заливающимся колокольчиком, с которой мы привстаём на бегу» (как видим, уже тогда появляется у него мотив летящей тройки как образа Руси и русской жизни). И точно так же, как и Сомов, Гоголь понимает обращение к малороссийскому народному материалу как часть русского самопознания вообще¹²¹.

Одним из первых беллетристов, пробудивших интерес к краю, был Алексей Перовский, в своём «Двойнике, или Моих вечерах в Малороссии» (сборник рассказов и повестей, 1828 г.) и романе «Монастырка» (1830 г.) давший довольно точную картину нравов и быта малороссиян¹²². Также надо отметить повесть «Змей» А. Подолинского. Заметный вклад в разработку темы внесли сочинения Василия Нарезного, которого Белинский не без основания называл родоначальником русских романов и романистов. Его прозаические, драматические и стихотворные произведения были посвящены отнюдь не только украинским сюжетам. Но в романах «Аристион, или Перевоспитание» (1822 г.), «Два Ивана» (1825 г.), «Бурсак», повести «Запорожец» (оба сочинения — 1824 г.) дано историческое и бытовое описание Малороссии¹²³.

Нередко для придания достоверности образам и той среде, в которой они действовали, в произведения на малороссийскую тематику вставлялась народная речь (да и в «Сорочинской ярмарке» Гоголя каждая часть предваряется эпиграфом из украинских песен или сочинений,

¹²¹ Гоголь Н. В. ПСС. Т. 8. С. 557.

¹²² Погорельский А. Двойник, или Мои вечера в Малороссии. М., 1960; Кирпичников А. Очерки по истории новой русской литературы. СПб., 1896. С. 120.

¹²³ Энгельгардт Н. А. Гоголь и романы двадцатых годов // Исторический вестник. 1902. № 2. С. 561–580; Заславский И. Я. Пушкин и Украина: украинские связи поэта, украинские мотивы в его творчестве. С. 38.

а к обеим частям «Вечеров на хуторе близ Диканьки» прилагаются словарики малопонятных малороссийских слов). Литературные опыты на малороссийском наречии вполне благожелательно встречались русской публикой, не видевшей тогда в этом культурного и, тем более, политического сепаратизма. Тем более, что в первой трети XIX века его там действительно не было. Наоборот, языковые нюансы придавали произведениям этнический колорит. «Малороссийские анекдоты» Квитки и его же «Ещё малороссийские анекдоты» были напечатаны в «Вестнике Европы» с благожелательным отзывом редакции. Отрывки из выполненного Гребёнкой «вольного перевода» «Полтавы» привели «Московский телеграф» и «Утренняя звезда», а в 1836 году он вышел отдельным изданием¹²⁴.

К этим же языковым опытам можно отнести шуточный перевод на народный язык (причём подчёркнуто простонародный) «Энеиды» Виргилия, сделанный Иваном Котляревским, тогда военным, а в дальнейшем главным директором Полтавского театра. Кстати, опубликованный (в 1798 г.) не где-нибудь, а в Петербурге. Сюда же надо добавить его пьесы «Наталка-Полтавка» и «Солдат-чародей» («Москаль-чаривных»), игравшиеся на императорской сцене с 1819 года, а также поэзию и прозу харьковских литераторов. В этом же ряду находятся и литературные занятия отца Гоголя, Василия Афанасьевича, который, по воспоминаниям его жены Марии Ивановны, «писал много стихов и комедий на русском и малороссийском языках» (среди последних — пьесы «Собака-овца» и «Простак, или Хитрости жены, перехитрённой солдатом»)¹²⁵.

Качество этой речи (особенно в передаче великороссов) нередко вызывало среди литераторов споры. Скажем, Н. Маркевич, писавший стихи по материалам фольклора («Сон-трава», «Удавленник») и издавший в 1831 году фоль-

¹²⁴ Московский телеграф 1831. Ч. 41. № 17. С. 128–129; Утренняя звезда. 1833. Кн. 2. С. 82–87.

¹²⁵ Цит. по: Золотуский И. П. Гоголь. М., 2007. С. 12.

клорный сборник «Украинские мелодии», а вслед за ним и ещё ряд литераторов критиковали водевиль видного драматурга, князя А. Шаховского «Казак-стихотворец» и его же «Актёра на родине» за неправильную, по их мнению, имитацию народной речи¹²⁶. Вообще же, о возможности и целесообразности использования народной речи (неважно какой, но малорусской, пожалуй, в наибольшей степени) в высокой литературе задумывались многие литераторы. Она должна была быть естественной и не навредить художественной цельности и ценности произведения, не понизить его уровень до «низкого жанра» и «балаганности».

А проблема такая была. Ведь при помощи той же украинской речи далеко не всегда удавалось передать высокие чувства и серьёзные мысли. Поскольку на малороссийском наречии говорили в основном крестьяне, люди простые и необразованные, то и самой этой речи была свойственна «простоватость», поневоле ограничивающая литературу на нём «мужицкой жизнью», пояснял ситуацию один из ведущих литературных критиков того времени Виссарион Белинский. «Поэтому наши малороссийские литераторы и поэты пишут повести всегда из простого быта и знакомят нас только с *Марусями, Одарками, Прокипами, Кондзюбами, Стеньками* и тому подобными особами», — писал он в рецензии на сборник «Ластовка» (1841 г.; курсив автора). «Содержание таких повестей, — продолжал Белинский, — всегда однообразно, всегда одно и то же, а главный интерес их — мужицкая наивность и наивная прелесть мужицкого разговора»¹²⁷. Что, естественно, не могло не сказаться на качестве этой литературы и её способности охватить жизнь во всей её сложности и многообразии. И такая ситуация продолжала оставаться актуальной отнюдь не только

¹²⁶ Зубков С. Д. Русская проза Г. Ф. Квитки и Е. П. Гребёнки в контексте русско-украинских литературных связей. С. 9; Заславский И. Я. Указ. соч. С. 33, 34.

¹²⁷ Белинский В. Г. ПСС. Т. 5. С. 177–178.

для первой половины XIX века, но и для значительно более поздних периодов.

Различались произведения, помимо уровня этнографической или языковой достоверности, ещё и по степени беллетризации и романтизации образа Малороссии в духе эстетических норм времени. По мере ухода эпохи сентиментализма в прошлое, а также накопления этнографических знаний и ментального освоения малороссийского ареала, образ этот всё больше приобретал реальные черты. Отказ от эстетизированного восприятия края в духе литературы путешествий пошёл с поэта-декабриста, участника Отечественной войны Ф. Глинки, писавшего стихи, очерки, сочинения на исторические сюжеты, в том числе о Малороссии¹²⁸.

Грань между литературными произведениями на фольклорно-сказочную тематику и научными этнографическими работами была нечёткой: особое внимание авторы и тех, и других уделяли сбору и использованию фольклорного материала, прежде всего песенного. Это «собирачество», которым занимались многие писатели, не говоря уже о фольклористах, один из них, Орест Сомов, объяснял так. «Цель сей повести, — писал он в своих «Сказках о кладах», — собрать сколько можно более народных преданий и поверий, распространённых в Малороссии и Украине между простым народом, дабы оные вовсе не были потеряны для будущих археологов и поэтов»¹²⁹. В первые десятилетия XIX века в свет выходят сборники малороссийских песен Н. А. Цертелева (1819 г.), М. А. Максимовича (1827, 1834 гг.), Н. А. Маркевича (1831 г.), П. А. Лукашевича (1836 г.) собирали песни Д. П. Ознобишин и сам Гоголь. Появляется ряд работ этнографического характера, в числе которых и сочинение «Малороссийская деревня» (1827 г.) малоросса И. Г. Кул-

¹²⁸ Заславский И. Я. Указ. соч. С. 12.

¹²⁹ Цит. по: Манн Ю. В. Указ. соч. С. 200.

жинского — одного из преподавателей Гоголя в нежинской гимназии (за своё сочинение он был принят в Общество любителей российской словесности).

Работу Ивана Григорьевича Кулжинского (1803–1884 гг.) критиковали, в том числе один из самых известных малороссийских краеведов и фольклористов Михаил Максимович. А юный Гоголь в письме своему товарищу Г. И. Высоцкому с юношеским максимализмом назвал её «литературным уродом» и «печатным бредом»¹³⁰ (хотя, как установлено, эта книга оказала влияние на его дальнейшее творчество). Впрочем, относилось всё это не к содержанию работы, где было немало этнографических наблюдений, собран богатый фольклорный материал, в том числе несколько народных песен, и уделялось внимание также историческим сюжетам. Как и многие другие, Иван Кулжинский (а было ему в ту пору всего двадцать четыре года), движимый любовью к родному краю, хотел показать красоту и поэтичность Украины, дать портрет малороссийского крестьянина и собрать «разбросанные черты национальности и из многих отдельных частей составить одно целое, полную картину нравов»¹³¹.

Неудовольствие вызвал именно эстетический стиль сочинения, к тому времени уже практически изжитый литературой. Это был «классический» сентиментализм со всеми присущими ему атрибутами, в том числе доходящей до крайности чувствительностью. «Пойдёмте же в хлев и послушаем, кто это так нежно рыдает и плачет? Ах, это юный телёнок, происшедший на свет прошлую ночь! Рогатая мать с нежностью смотрит на него и облизывает языком его мягкую шерсть, целует и в очи и в слабый хребет, и в курчавый лоб, на коем выступают некогда юные рога... Сколько радости для невинного сердца, привыкшего делиться с природою своими чувствами!».

¹³⁰ Гоголь Н. В. ПСС. Т.10. С. 88.

¹³¹ Кулжинский И. Г. Малороссийская деревня. М., 1827. С. IX; Супрунюк О. К. Указ. соч. С. 41–43.

Этот стиль долгое время определял взгляд российской публики на Украину, соответственно, формируя её образ. В качестве примера можно привести и такой отрывок из книги Кулжинского: «Много есть деревень на свете, но под кротким небом Малороссии всякая деревня есть сокращённый эдем, где иногда недостаёт только добродетели и чувствительного сердца, чтобы людям быть совершенно блаженными»¹³².

Но, как показывает сочинение того же Кулжинского, такой взгляд на Украину был характерен и для самих малороссов. Любопытной представляется точка зрения, согласно которой не последнюю роль в формировании образа Малороссии как изобильного и благодатного края красочных пейзажей, добрых нравов и простых людей, эдакого рая на земле, сыграли представители малороссийского землячества. Для того, чтобы упрочить своё положение в российском обществе и сделать собственное происхождение своего рода козырем, они использовали этот образ (вначале его создав) и преподносили родной край как жемчужину в российской короне¹³³. «Цветущей частью России» называл Малороссию и Гоголь¹³⁴. Эта тенденция прослеживается ещё с последней четверти XVIII века, с описаний края в традициях литературы путешествий, принадлежавших перу самих малороссов (например, Г. Калиновскому, Я. М. Марковичу) или изданных при их непосредственном участии (Н. Н. Мотоноса и Г. В. Козицко). А эстетические нормы сентиментализма и романтизма лишь облегчали задачу. А затем, дошедшие до русского адресата, эти идеи возвращались обратно, и многие малороссы, причём как столичные жители, так и проживавшие в самой Малороссии, начинали смотреть на этот край глазами русских путешественников и литераторов.

¹³² Московский телеграф. 1827. Ч. 13. № 3. С. 234, 235.

¹³³ Верстюк В. Ф., Горобець В. М., Толочко О. П. Указ. соч. С. 303, 304.

¹³⁴ Гоголь Н. В. ПСС. Т. 8. М., 1952. С. 91. (Статья «О малороссийских песнях».)

Другим сюжетом, привлекавшим внимание пишущей и читающей публики, помимо живописания красочной Малороссии и её народа, было историческое прошлое этой земли, причём прошлое недавнее, казачье, которое русское общество (да и малорусское в том числе) хотело осмыслить. Широко использовались такие методы, как создание общего исторического фона произведения, когда действие помещалось в некий исторический контекст (даже если сюжет вовсе не касался истории, как в тех же «Киевских ведьмах» Сомова). Популярны были стилизации на тему малороссийской и казачьей истории.

В 1825 году появляются «Гайдамак» Сомова, а также «Гаркуша, малороссийский разбойник» Нарезного (издан значительно позже), в центре которых — реальная историческая фигура разбойника Горкуши. Хотя авторы ставили перед собой разные цели и по-разному подходили к фигуре главного героя (роман Нарезного — больше авантюрно-назидательно-психологического плана, а Гаркуша Сомова — скорее малороссийский Робин Гуд, помещённый в этнографическо-бытовую среду народных сказаний¹³⁵), в обоих случаях перед читателем открывалось историческое прошлое Малороссии.

«Разбойничья» тема с её мятежным стремлением к свободе была не только данью общеевропейской и русской литературной моде, заложенной ещё «Разбойниками» И. Шиллера (1781 г.), но имела выходы на собственно казачье-украинскую тематику — протестно-освободительное движение народа против польско-панского угнетения. Надо упомянуть также «Гайдамаков» А. Подолинского, «Чигиринского казака» А. Яковлева, написанные в жанре романтизма сочинения, контекстом которых является казачья эпоха¹³⁶.

Помимо этого в центре внимания оказывалась историческая реальность: ключевые периоды казацкого прошло-

¹³⁵ Петрунина Н. Орест Сомов и его проза. С. 14–15; Манн Ю. У истоков русского романа. С. 39–42.

¹³⁶ Заславский И. Я. Указ. соч. С. 12, 14, 41, 43.

го и его знаковые фигуры: Богдан Хмельницкий и Иван Мазепа. И если интерес к первому вполне понятен и логичен (Хмельницкий освободил Украину от польского гнёта и сделал стратегический выбор в пользу Москвы), то второй пользовался вниманием не только как его политический антипод, но ещё и потому, что «принадлежал» к истории «новой» России. Ведь рождалась она не только на далёких балтийских берегах, но и здесь, на Украине, в порохе и дыму Полтавской победы. Недаром, кстати, из всех географических пунктов Малороссии русская поэзия XVIII века чаще всего упоминает, помимо Киева (как символа тысячелетней истории России), Полтаву — тоже как символ, но только уже не старины, а громкой славы русского оружия и торжества «России молодой» (сходная роль и у Бендер-града, Очакова и Буга)¹³⁷.

Так, в 1817–1819 годах печатает свой роман (незавершённый) «Зиновий Богдан Хмельницкий, или Освобождённая Малороссия» Фёдор Глинка. Кстати, творчество Глинки было хорошо знакомо молодому Пушкину и его товарищам по царскосельскому Лицею и оказало влияние на формирование их литературных интересов, в том числе касающихся украинской тематики. В начале 1820-х свою «Песнь о Богдане Хмельницком — освободителе Малороссии (подражание польской, сочинённой Леоном Рогальским)» публикует Сомов. Тогда же появляются и украинские произведения Кондратия Фёдоровича Рылеева (1795–1826 гг.), и первое из них — дума «Богдан Хмельницкий».

В 1820-х годах в России наблюдался всплеск интереса к истории. Начало ему положил патриотический подъём 1812 года, всколыхнувший всё русское общество и резко вознёсший чувство национальной гордости и гражданского самосознания. Он попал на подготовленную почву — на тот процесс осмысления обществом своего давнего и недавнего минувшего, что продолжался всю вторую половину

¹³⁷ Лавренова О. Я. Указ. соч. С. 32.

XVIII столетия. Результатом стало появление такого монументального исторического исследования (настоящей вехи в российской общественной жизни), как «История государства Российского» Н. М. Карамзина, первые части которой вышли в свет в 1818 году.

Николай Михайлович Карамзин (1766–1826 гг.) не был первым, кто писал труды по русской истории. До него это делали В. Н. Татищев, М. М. Щербатов, И. Н. Болтин. Но именно Карамзин сумел впервые представить цельную, неразрывную во времени картину русской истории и постарался объяснить её суть. Лёгкий язык, которым была написана «История» (ведь Карамзин был поэт и глава целого литературного направления), заметно облегчал её распространение в обществе. «Карамзин — наш Кутузов 12-го года; он спас Россию от нашествия забвения, воззвал её к жизни, показал нам, что у нас есть Отечество», — так отзывался о значении «Истории государства Российского» и том громадном впечатлении, которое она произвела на современников, Пётр Вяземский¹³⁸. «Все, даже светские женщины, бросились читать историю своего отечества, дотоле им неизвестную. Она была для них новым открытием», — подтверждал его слова Пушкин¹³⁹. Труд Карамзина также подтолкнул многих (особенно тех, кто не был согласен с её главной посылкой) к дальнейшему осмыслению русской истории. Прошлое Малороссии тоже становится объектом научного интереса: в 1822 году появляется «История Малой России» Д. Н. Бантыш-Каменского (в 1830-е годы дважды переиздававшаяся).

История даёт творческий импульс литературе. Думы Рылеева, «Песнь о вещем Олеге», «Полтава» и «Борис Годунов» Пушкина, «Аскольдова могила», «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» отца русского исторического романа М. Н. Загоскина, исторические драмы и трагедии,

¹³⁸ Цит. по: *Боханов А. Н.* Самодержавие. Идея царской власти. М., 2002. С. 31.

¹³⁹ *Пушкин А. С.* Собр. соч. в 10 т. Т. 9. С. 48.

в том числе «Рука Всевышнего Отечество спасла» Н. В. Кукольника, «Стрельцы» К. П. Масальского, «Димитрий Самозванец» Ф. В. Булгарина и многое другое (даже гимназические опыты самого Гоголя — поэма «Россия под игом татар» и повесть «Братья Твердиславичи») — всё это закономерный итог увлечения русского общества родной историей.

Герои дум Рылеева — это Вадим Новгородский и княгиня Ольга, Дмитрий Донской и Марфа-посадница, Владимир Святой и Борис Годунов, князя Святослав и Олег (первым о «вещем Олеге», как и о Годунове, написал именно Рылеев), и многие другие лица русской истории. Наиболее совершенные и талантливые из его дум — это «Смерть Ермака», ушедшая в народ, и «Иван Сусанин», послужившая толчком к созданию Михаилом Глинкой оперы «Жизнь за царя».

После дум Рылеев обращается к украинским сюжетам: пишет поэму «Войнаровский» (1823–1825 гг.) о временах Мазепы и незаконченную поэму «Наливайко». Готовил он «Богдана Хмельницкого», «Палея», а также «Нравы Малороссии» и «Картину Украины». «Я русский, — пояснял Рылеев причины своего интереса к малороссийской истории, — но три года жил на Украине: мало для себя, но довольно для того, чтобы полюбить эту страну и добрых её жителей». Если быть более точным, то в конце 1815 — январе 1819 годов он жил в Острогжском уезде Воронежской губернии, относившемся к Слободской Украине (население губернии было смешанным). А кроме того, бывал Рылеев в Харькове и Киеве, где у него был дом, доставшийся от отца¹⁴⁰.

Но история привлекала к себе внимание современников не только своей познавательной стороной и была не только увлекательным чтением о славных делах прошлого. Многие, и Рылеев один из них, в русской и малороссийской

¹⁴⁰ Литературное наследство. 1954. Т. 59. С. 153; Заславский И. Я. Указ. соч. С. 27; История Киева. Т. 2. С. 163.

истории начинают искать ответы на злободневные вопросы дня сегодняшнего. Скажем, Рылеев в «Войнаровском» (в обращении к А. А. Бестужеву) предупреждает его (и читателя) о содержании своих стихотворных строк:

Как Аполлонов строгий сын,
Ты не увидишь в них искусства:
Зато найдёшь живые чувства —
Я не поэт, а гражданин¹⁴¹.

Интерес к украинской тематике у Рылеева или, к примеру, у Глинки или Сомова объяснялся не только любовью к Малороссии, но и соображениями общественными. Интерес к сильной личности, борющейся с невзгодами и преодолевающей трудности, был не только чертой романтизма, хотя и Хмельницкий, и Наливайко, и Войнаровский, как и многие другие персонажи в литературе тех лет на историческую тематику, были именно такими героико-романтическими личностями, подчас лишь отдалённо напоминающими своих прототипов, да и сами сюжеты во многом были вымышленными. Главным в героико-романтических произведениях был гражданский, воспитательный, патриотический пафос¹⁴². Герои, князья и цари прошлого должны были своим примером учить современников (а то и монархов) добродетелям и идеалам защиты Родины и служения Отечеству.

На восприятие прошлого также оказывала влияние пришедшая из Европы интеллектуальная мода и социально-политические стереотипы той поры, что особенно было характерно для декабриста Рылеева и людей, близких ему по взглядам. Идеи свободы и борьбы с несправедливостью (берущейся в обществе во многом из-за отсутствия этой самой свободы), неприятие деспотизма (под которым

---

¹⁴¹ Рылеев К. Ф. Собрание сочинений. С. 121.

¹⁴² Заславский И. Я. Указ. соч. С. 12, 13, 26, 41–42.

понималось самодержавие) и мотивы тираноборчества, идущие в русской общественной мысли ещё от А. Н. Радищева, в начале XIX века были широко распространены в российском дворянстве, особенно среди молодёжи. Отдал им дань даже сторонник самодержавного устройства Карамзин, проецируя эти идеи на эпоху и личность Ивана Грозного, который, согласно данным интеллектуальным установкам, как раз и стал олицетворением деспотизма и тирании.

Поэтому в прошлых веках эти люди в первую очередь искали подтверждения своим гражданским и даже республиканским идеалам и примеры жертвенной борьбы за них, а задачу истории видели в том, чтобы мобилизовать общество и «гражданина» на борьбу с социальным злом¹⁴³. Отсюда внимание не только к гражданским образцам античных Греции и Рима, но и к реальным или полуполюгандарным героям отечественной истории, которые подходили бы под эту, с одной стороны, идеологию, с другой — интеллектуальную моду.

Отсюда неслучаен интерес к такому сюжету, как восстание легендарного Вадима Новгородского, у истоков которого стояли ещё Екатерина II (написавшая драматическую хронику «Из жизни Рюрика», 1786 г.) и её оппонент, поэт Я. Б. Княжнин (автор трагедии «Вадим Новгородский», 1789 г.), и к которому обращались и Пушкин, и декабристы¹⁴⁴. Этот легендарный сюжет рассматривался в контексте противостояния двух непримиримых, как полагали, начал отечественной истории: самодержавного, олицетворяемого Рюриком, и «гражданско-вольнлюбивого», воплощением которого предстал восставший против него Вадим Храбрый.

Этой же конъюнктурно-политической причиной во многом объяснялось повышенное внимание к древнему

¹⁴³ Стенник Ю. В. Указ. соч. С. 248–249, 251–261.

¹⁴⁴ Там же. С. 142–143, 234–235.

Новгороду вообще. В его вечевом устройстве хотели видеть воплощение древних «свобод» и республиканских устоев, павших жертвой «тирании» — московского самодержавия. И хотя средневековая новгородская реальность была далека от революционных идеалов конца XVIII века («свободы, равенства и братства»), а лежащий в основе новгородской системы власти олигархический принцип вряд ли был чем-то лучше самодержавного московского, «новгородский миф» надолго войдёт в сознание оппозиционно настроенных кругов российского общества. Новгород становился своеобразным символом проблем дня сегодняшнего. И никто всерьёз не задавался вопросом, а какой бы оказалась судьба России и даже самого Новгорода, не окажись он в Российском государстве, и остался бы он тогда русским по культуре и «национальности» вообще.

Имел этот миф и ещё одну черту, поначалу практически неприметную, но со временем становившуюся всё более отчётливой на общем фоне российской политической действительности. Идея политической «свободы» была настолько сладкозвучна, а неприятие «тирании» — так велико, что в историческом противоборстве Москвы и Новгорода люди либеральных и левореволюционных взглядов симпатизировали именно Новгороду. Но если для декабристов, как ярких патриотов-государственников и даже русских националистов, это означало лишь преимущество новгородского строя перед московским и особенно современным им петербургским, то для последующих поколений участников российского «освободительного движения» социально-политические идеалы нередко оказывались важнее всего прочего, в том числе идеи государственного объединения русских земель.

Фактически, оппозиционно настроенные представители российского общества (конечно, далеко не все, но всё же многие) во имя своих политических идей были готовы пожертвовать единством страны. Пускай пока

не напрямую, а лишь виртуально, применительно к историческому прошлому. Но один раз заявив о себе, эта тенденция никуда не исчезала и со временем из зыбкой области истории переместилась в современность, проецируясь уже не на древний Новгород, а на вполне реальные регионы, «страдающие от тирании». И прежде всего на Малороссию-Украину.

Вслед за вечевым Новгородом, примерно с 1840-х годов аналогичный образ — воплощения духа свободы и украинской независимости, поглощённых «московской деспотией», — начнёт применяться в отношении казачьей эпохи и Запорожской Сечи. И опять-таки, вопреки тому, что такой их образ был весьма далёк от реальности казачины и нравов Запорожья. Творился новый миф не без участия всё той же оппозиционной российской общественности, но главным образом усилиями адептов украинского движения. И, конечно же, при идейном воздействии польских идеологов украинофильства.

Такой идеализированный, героизированный и романтизированный образ казачьих времён сложился и в малороссийском, и в русском обществе во многом благодаря одному анонимному сочинению — «Истории Русов, или Малой России». По своим целям и содержанию эту «Историю» справедливо назвать политическим памфлетом. Она преследовала вполне конкретные местнические цели: подтвердить права малороссийского дворянства на политическое и экономическое господство в крае и обосновать саму законность своих притязаний на власть. Для этого казачество (то есть та социальная среда, из которой эта правящая группа и вышла) преподносилось как изначально благородное сословие, издавле правившее Южной Русью. Исходя из этой посылки, анонимные авторы и заказчики памфлета трактовали взаимоотношения «казачьего сословия» и российских властей, действия которых изображались в чёрном цвете, если только хоть в чём-то ставили под сомнение право казачьей верхушки распоряжаться

краем¹⁴⁵. Нельзя исключать и того, что появление «Истории Русов» было вызвано также причинами, имевшими общую с декабризмом основу. Но в любом случае, для того чтобы изложенные в ней идеи легче усваивались и не вызвали подозрений в политической пропаганде, они были облечены в форму исторического сочинения.

Написанная в начале XIX века и впервые изданная лишь в 1846 году «История Русов» несколько десятилетий распространялась в списках и оказала сильное влияние на российскую читающую публику. К ней долгое время относились как к серьёзному сочинению по истории Малороссии и принимали на веру всё, что там говорилось. Лишь позднее, по мере накопления фактических знаний, была доказана историческая несостоятельность «Истории Русов» и установлено, что она полна искажений, фальшивых свидетельств и легенд (при помощи которых и обосновались те цели, ради которых этот памфлет и был написан). Однако за прошедшее время созданный ею образ «казачьей Украины» как царства свободы и казачества как соли этой земли и борца за её права, равно как и оценки исторического прошлого Малороссии и её взаимоотношений с Россией, уже были усвоены. В дальнейшем этот образ использовался разными национальными и политическими течениями, действовавшими в Малороссии. Но благодаря своему изначальному мировоззрению, в наибольшей степени он был востребован украинским движением и использован при формировании именно украинской идентичности (в середине — второй половине XIX и даже в начале XX века).

Оказала «История Русов» влияние и на умонастроения людей декабристского круга (а по одной из версий, она сама происходила из этой среды), и в первую очередь на творчество его ярчайшего представителя К. Рыльева. На примере его трактовки взаимоотношений «казачьей Украины»

¹⁴⁵ Ульянов Н. И. Указ. соч. С. 104–139; Марчуков А. В. Переяславская Рада в идеологической системе украинства // Вестник Юго-Западной Руси. 2006. № 1. С. 42 — 43.

и «Москвы» становилось хорошо видно, как эта неоказачья идеология начала смыкаться с российским оппозиционным движением и как в русском обществе (его части) стал складываться тот самый взгляд на Украину как на «угнетённую царизмом». А взгляд представителей этой части русского общества на малороссийские земли отличала некая двойственность, и проявлялось это отчасти в отношении Малороссии, но в основном применительно к территориям, лежащим на правом берегу Днепра.

Декабризм был явлением неоднородным, его представители придерживались разных, порой заметно отличающихся взглядов на будущее России, и в том числе на её территориальное устройство и национальный вопрос. Так, по «Русской Правде» П. И. Пестеля, России надлежало быть унитарным и строго централизованным государством, в котором все народности и племена «к общей пользе» должны быть слиты в один народ («чтобы все были Русские») с единым для всех русским языком, законами и «образом мыслей». То есть в национальном вопросе предполагалось пойти по французскому пути. «Конституция» Н. М. Муравьёва больше ориентировалась на американский путь и предполагала создание в России федерации — но не национальной, а чисто территориальной, к тому же достаточно прочной¹⁴⁶. Но главное, что декабристы стремились создать из русских *подданных* русскую гражданскую *нацию*, а под «русскими» понимали не одних великороссов.

«Коренной народ Русский есть племя славянское», говорящее на одном русском языке, значилось в «Русской Правде». Состоял он из нескольких «разрядов» со своими местными наречиями. В их числе «россияне» («руссы»), иными словами, великороссы; «малороссияне» (жители двух губерний левобережной Малороссии); «украинцы» (то есть население Слободской Украины — Харьковской и части Курской гу-

¹⁴⁶ Пестель П. Русская Правда. М., 1993. С. 93–95, 119–123, 180–183; Нечкина М. В. Декабристы. М., 1982. С. 84–85, 87, 93–97.

берний); «руснаки» (жители трёх правобережных южнорусских губерний); и «белорусцы» (Витебская и Могилёвская губернии). В число русских племён входили также казаки, причём особо подчёркивалось, что они «от прочих россиян» отличаются «не столько происхождением своим», сколько особым образом жизни. На некоторые различия между «разрядами, Коренной Русский народ составляющими», декабристы смотрели как на естественную черту любого большого народа («нет того большого Народа, которого бы язык не имел различных наречий»), считали их несущественными и исходили из того, что они должны исчезнуть («быть слиты в одну общую форму»). Слияние должно было осуществляться в том числе на терминологическом уровне: всех их «истинными Россиянами (то есть русскими; тогда эти слова являлись синонимами, даже и теперь при переводе на иностранные языки эти «внутренние» нюансы попросту исчезают. — А. М.) почитать и от сих последних никакими особыми названиями не отделять»¹⁴⁷.

А в государственно-политическом отношении декабристы были патриотами, превыше всего ставя единство России. Исключение делалось для Польши, которой предполагалось предоставить самостоятельность (но при этом она должна была оставаться в тесном военно-политическом союзе с Россией). Однако ради решения «польского вопроса» и объединения усилий с польскими тайными обществами против общего врага — самодержавной системы, и частично испытывая идейное воздействие с их стороны, некоторые представители декабристских организаций были готовы пойти возродённой Польше на уступки и передать ей часть тех земель, что Россия приобрела у неё по разделам. Так, М. П. Бестужев-Рюмин на допросе показывал, что некоторые члены Южного общества были согласны «области недовольно обрусевшая» и потому «душевно» слабо привязанные к России «возвратить Польше», и в их числе «губернию Гродненскую, часть Вилен-

¹⁴⁷ *Пестель П.* Русская Правда. С. 148–169.

ской, Минской и Волынской». Об этом же прямо указывалось и в «Русской Правде». О том, что в декабристских кругах рассматривали возможность передачи полякам Литвы, Подолья и Волыни, упоминал и Рылеев (подчёркивая при этом своё категорическое несогласие с подобными планами)¹⁴⁸.

Очевидно, что планы эти были продиктованы прежде всего политическими расчётами. Приди декабристы к власти — и ещё неизвестно, получили ли бы поляки что-нибудь из обещанных им территорий. Кстати, переговоры с польскими обществами закончились ничем — по большей части по вине поляков, но в немалой степени ещё и потому, что планы передачи полякам российских земель встретили сопротивление в самой декабристской среде. Но в то же время не стоит сбрасывать со счетов и тот момент, что эмоциональная привязка к этим «недовольно обрусевшим» землям как к «своим» и «русским» не всегда и не у всех была уж очень прочной.

Собственно, подобное восприятие этих земель и даже планы территориального укрупнения за их счёт Царства Польского имелись не только среди части оппозиционеров. В 1818 году сам император Александр I дал понять, что не исключает возможности передачи Польше (во имя завоевания доверия и преданности польской аристократии и шляхты) некоторых западных территорий, присоединённых к России при Екатерине II¹⁴⁹. Декабрист Иван Якушкин указывал, что его товарищи встретили это известие с возмущением. Кондратий Рылеев пенял российским властям, что за тридцать лет (это говорилось во время следствия, в 1826 году) они не сделали ничего, чтобы «нравственно присоединить» эти земли к России, и называл «великой погрешностью» наименование их в официальных актах «польскими или вновь присоединёнными от Польши»¹⁵⁰.

¹⁴⁸ Восстание декабристов. Материалы. Т. 1. М., 1925. С. 180; Т. 5. М., 1950. С. 62, 63; *Пестель П.* Указ. соч. С. 117–119.

¹⁴⁹ Западные окраины Российской империи. С. 90.

¹⁵⁰ Восстание декабристов. Т. 1. С. 180.

Как легко убедиться из свидетельств Якушкина и Рылеева, наряду с «космополитическо-полонофильским» и «неповоротливо-бюрократическим» отношением к западным землям, распространённым, главным образом, в российской властной среде, в русском обществе всё крепче начинала проявляться и другая тенденция. Эти территории рассматривались как древние русские земли, невзирая даже на их польский облик и потому пока довольно слабую эмоциональную привязанность к ним. Иван Долгорукий, очень живо демонстрируя следы польского присутствия на Правобережье, тем не менее нисколько не колеблясь, называет Киевскую губернию «самой древней российской провинцией»¹⁵¹.

На планы Александра I откликнулся и политический антагонист декабристов Н. Карамзин. В своём «Мнении русского гражданина» (1819 г.) он от лица русских (естественно, прежде всего дворянства) убеждал царя не потакать полякам и не совершать этого шага, объясняя, что «никогда поляки... не будут нам ни искренними братьями, ни верными союзниками». Карамзин прямым текстом говорил Александру, что пойдя на «разделы самой России», он может потерять доверие современников и потомков. «Вас бы мы, русские, не извинили», — пишет он. И слова эти, сказанные, без сомнения, со всем почтением верного подданного к своему государю, тем не менее могли помочь Александру «вспомнить» события не столь уж давние. А именно «внезапную» кончину его отца, императора Павла I, также «утратившего любовь» (хоть и по другим причинам) своих привилегированных подданных.

«Белоруссия, Волыния, Подолия, вместе с Галицией, были некогда коренным достоянием России», — доказывал свою точку зрения Карамзин, прибегая к аргументам исторического и династического характера. «Если Вы отдадите их, то у Вас потребуют и Киева, и Чернигова, и Смоленска, ибо

---

¹⁵¹ Долгорукий И. М. Путешествие. С. 150.

они также долго принадлежали враждебной Литве». Это великодушнее вредно для России — убеждал он царя¹⁵².

Сходным образом мыслили и декабристы. Например, Рылеев был уверен, что «границы Польши собственно начинаются там, где кончатся наречия малороссийское и русское (то есть область проживания галицких русинов. — А. М.) или по-польски хлопское; где же большая часть народа говорит упомянутыми наречиями и исповедуют греко-российскую или униатскую религии, там Русь, древнее достояние наше»¹⁵³. Тем самым к исторической аргументации, изложенной Карамзиным, он добавлял ещё этническую и религиозную.

Образ Правобережных земель как отторгнутых от Руси-России иноземным врагом, как политического и национального пограничья на десятки лет стал центральным в русском сознании.

Куда отвиним строй твердынь?
За Буг, до Ворсклы, до Лимана?
За кем останется Волянь?
За кем наследие Богдана? —

чуть позже, в 1832 году, в своём стихотворении «Бородинская годовщина» напишет по поводу этого давнего польско-русского геополитического спора Пушкин¹⁵⁴.

Впрочем, в отношении земель, лежащих на запад от Днепра, русскому обществу определиться было даже в чём-то проще: они могли быть или польскими, или русскими. Надо было лишь осознать, что такая дилемма существует, и отнестись к ним как к изначально русским, не обращая внимания на их сегодняшний облик. С Малороссией дело обстояло несколько сложнее. Там, как уже

¹⁵² Карамзин Н. М. О древней и новой России. С. 437, 438.

¹⁵³ Восстание декабристов. Т. 1. С. 180.

¹⁵⁴ Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. Т. 2. С. 207.

говорилось, имелась ещё и казачья историческая составляющая, в отношении которой тоже приходилось определяться.

Эмоциональная связь с Малороссией в русском обществе была, несомненно, крепче. И в том числе в его оппозиционных группах, хотя создание на малороссийских землях двух федеративных единиц, как это предусматривал проект Н. Муравьёва, могло бы притормозить давно идущие интеграционные процессы (кстати, такая перспектива тоже была приемлема для польских реваншистов)¹⁵⁵. Но идеи борьбы за «свободу» против «тирании» не всегда укладывались в рамки политических проектов и конституций, приобретая порой неожиданное звучание. И именно Малороссии довелось испытать на себе действие этих доведённых до крайности «гражданских» политических установок. Пример тому — поэтическое творчество Кондратия Рылеева.

Вообще-то взгляды Рылеева на Малороссию в основе своей вполне привычны и традиционны для русского общества. Это становится видно сразу же, как только его политические пристрастия отступают на второй план. Круг исторических врагов Малой Руси он обрисовывает недвусмысленно.

Грехи татар, грехи жидов,
Отступничество униатов,
Все преступления сарматов¹⁵⁶
Я на душу принять готов. —

---

¹⁵⁵ Щёголев С. Н. Указ. соч. С. 43; Ульянов Н. И. Указ. соч. С. 151.

¹⁵⁶ Под «сарматами» в данном случае имеются в виду поляки. Название происходит от *сарматизма* – социально-культурной идеологии, распространённой среди польской шляхты (конец XV — XIX в.). Суть идеологии сарматизма состояла в том, что шляхта выводила своё происхождение от древнего народа сарматов. И тем самым подчёркивала свой особый статус, социально и культурно отделяя себя от простого народа.

говорит Наливайко, герой его одноимённой поэмы. И готов он это сделать ради того,

Чтоб Малороссии родной,
Чтоб только русскому народу
Вновь возвратить его свободу.¹⁵⁷

И здесь не важно, что рылеевский Наливайко (как и большинство героев гражданской лирики той эпохи) не слишком напоминает своего реального прототипа, руководствовавшегося куда менее возвышенными целями. Важно то, что Рылеев (как и многие декабристы) малороссов понимает как «русский народ». Совершенно так же смотрел поэт-гражданин и на вопросы культуры. Так, в задуманном им «Историческом словаре русских писателей» (к сожалению, этот замысел, как и многие другие, Кондратий Фёдорович так и не успел осуществить) должны были присутствовать все писатели-малороссы современности и прошлого (например, известный малороссийский философ Г. С. Сковорода)¹⁵⁸.

Стоит отметить и ещё одно важное обстоятельство: при всём своеобразии собственного взгляда на историю и люди декабристского круга, и просто писавшие в духе героического и гражданского романтизма, незаметно стали включать в отечественную историю не только сюжеты древней или великорусской её части, но и не столь давние события казачьего прошлого Малой Руси.

Но если с Северином Наливайкой и Семёном Палеем (не говоря уже о Богдане Хмельницком) всё было более-менее ясно и их деятельность вызывала сочувствие и поддержку, то, скажем, с Иваном Мазепой или его племянником Андреем Войнаровским дело обстояло гораздо сложнее. Однако же неприятие современных социально-

¹⁵⁷ Рылеев К. Ф. Указ. соч. С. 145.

¹⁵⁸ Заславский И. Я. Указ. соч. С. 27.

политических реалий проецировалось на прошлое, благодаря чему в романтично-гражданственные одежды облекались фигуры, чьи поступки и порывы от гражданско-патриотических были весьма далеки. Вот и рылеевский Войнаровский во имя пропаганды идей свободы показан не заговорщиком, посвящённым в планы Мазепы, а отважным гражданином, патриотом и тираноборцем, поднявшимся против самодержавия.

Ах, может, был я в заблуждени,
Кипящей ревностью горя;
Но я в слепом ожесточени,
Тираном почитал царя. —

размышляет герой в конце жизни, начиная уже сомневаться в правоте своих оценок и дел¹⁵⁹.

Таков и гетман Иван Мазепа, волею случая (а вернее, благодаря европейской внешнеполитической игре и внутренним особенностям развития Малороссии конца XVIII — XIX века) из не самого заметного персонажа превратившийся чуть ли не в одну из известнейших и тиражируемых фигур мировой истории. Не случайно, что миф о Мазепе как одиноком романтическом герое и борце за свободу заложил в своей «Истории Карла XII» (1731 г.) не кто иной, как Вольтер (настоящее имя — М. Ф. Аруэ), тогда ещё молодой человек, а позже властитель дум и законодатель интеллектуальных мод. Сочинение пользовалось невероятной популярностью: только в XVIII веке оно переиздавалось (на различных языках) 114 раз. Во многом благодаря именно Вольтеру в европейском сознании формируется образ «страны казаков», которую «москвиты», по его словам, «старались по мере сил обратить в рабское состояние», «тогда как Украина всегда хотела быть свободной». Характерно и то, что Вольтер не пояснял, когда она

---

¹⁵⁹ Рылеев К. Ф. Указ. соч. С. 134.

хотела быть свободной и от кого. Затем романтический облик гетмана укрепился благодаря поэме Дж. Байрона «Мазепа» (1818 г.) и одноимённому стихотворению В. Гюго (1829 г.), а затем ещё целому ряду иностранных и русских произведений литературы, музыки и живописи¹⁶⁰.

Нельзя в этом контексте обойти вниманием и «Историю Русов». Она вобрала в себя этот миф, дополнив его собственными наработками. Мазепа преподносится в ней в самом выгодном свете как мудрый правитель и патриот, поглощённый исключительно заботой об Украине. Тогда как Пётр I и его соратник А. Д. Меншиков изображены исчадиями ада и врагами малороссийского народа, ну а Карл XII и шведы — друзьями Украины.

И этот двойной миф оказался весьма живуч. Тот же Рылеев не заблуждался насчёт коварства и честолюбия гетмана, характеризуя его как «великого лицемера, скрывающего свои злые намерения под желанием блага родине»:

Не знаю я, хотел ли он
Спасти от бед народ Украйны,
Иль в ней себе воздвигнуть трон —
Мне гетман не открыл сей тайны... —

говорит Войнаровский и продолжает:

И, странник, повторю: не знаю,
Что в глубине души своей
Готовил он родному краю¹⁶¹.

Исторически верно изображает Рылеев и отношение народа к старому гетману и его поступку:

¹⁶⁰ Курукин И. В. Образы и трагедия гетмана Мазепы // Артамонов В. А., Кочегаров К. А., Курукин И. В. Вторжение шведской армии на Гетманщину в 1708 г. СПб., 2008. С. 182–183; Звиняцковский В. Я. Историческое ядро «Миргорода» в свете художественно-мифологических установок XVIII — первой трети XIX вв. и документированной истории Украины. «Тарас Бульба» и «История Русов». С. 291.

¹⁶¹ Рылеев К. Ф. Указ. соч. С. 136–137.

Народ Петра благословлял...
Тебя ж, Мазепа, как Иуду,
Клянут украинцы повсюду.¹⁶²

Однако под влиянием «мазепинского мифа» и антисамодержавных идей (вот так внутривосточный контекст может повлиять на формирование образа той или иной территории, в данном случае исторического) поэт создавал вокруг него налёт таинственности и романтичности. И в ещё большей степени гражданственность и «души прекрасные порывы» присущи главному герою поэмы — самому Войнаровскому, как «непричастному» к «непонятному» Мазепе (хоть, как уже было сказано, и начавшему раскаиваться в делах своей юности).

И российское общество, все его общественно-политические и художественно-эстетические круги, не могло остаться в стороне от осмысления проблемы. Решая, кто же такой Мазепа, герой он или нет, гражданско-патриотическими или корыстными мотивами он руководствовался, российское общество не только эмоционально оценивало ту эпоху или дело Петра I. Оно параллельно принимало или отвергало западный миф о Мазепе (и Украине) и идеологию казачьего (а после — украинского) самостийничества и определялось в отношении Малороссии по принципу «своё — не своё, вместе — врозь». Журнальная дискуссия, развернувшаяся, скажем, вокруг пушкинской «Полтавы», главный герой которой всё тот же Мазепа, только способствовала этому поиску.

«Полтава», вышедшая в 1828–1829 годах, стала одним из самых значительных произведений русской литературы того времени (да и вообще) об Украине. Как и ко всякому литературному произведению, к поэме нельзя подходить как к документальному историческому исследованию. Центральное место в ней занимает любовный

---

¹⁶² Там же. С. 136.

(хоть и реальный) сюжет. Да и Мазепа изображён чуть ли не главным противником Петра и участником Полтавского сражения, хотя на самом деле ни сам он, ни та горстка казаков, что осталась с ним (примерно в тысячу человек), в битве не участвовали: шведы им просто не доверяли, и притом не без оснований. Тут уж в дело вступали законы жанра: как главный герой, Мазепа просто не может «вести себя» по-другому. Не избежал Пушкин и дани тому самому мифу, изобразив ситуацию так, будто на Украине действительно имелась благоприятная среда для планов гетмана:

Украина глухо волновалась.
Давно в ней искра разгоралась.
Друзья кровавой старины
Народной чаяли войны,
Роптали, требуя кичливо,
Чтоб гетман узы их расторг,
И Карла ждал нетерпеливо
Их легкомысленный восторг.

И «юность удалая», не желая погибать за Петра «в снегах чужбины дальней», мечтала:

Теперь бы грянуть нам войною
На ненавистную Москву!¹⁶³

Подобные мечтания (разумеется, без того, чтобы «грянуть» на кого-то войною) были свойственны скорее поклонникам казачьего мифа из числа современников Пушкина, нежели реальному казачеству времён Мазепы, Кочубея, Искры и Скоропадского. И хотя поэт не был знаком с «Историей Русов», когда работал над поэмой (об этом свидетельствует Максимович, лично подаривший Пушкину список

¹⁶³ Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. Т. 3. С. 176.

текста), это не исключает того, что ему могло быть известно о наличии в обществе такого рода настроений¹⁶⁴.

Но в целом поэма была верна в историческом отношении и расстановке смысловых акцентов и знаменовала отход от идейных клише предыдущего периода. В предисловии к первому изданию «Полтавы» Пушкин подчёркивал: «Некоторые писатели хотели бы сделать из него (Мазепы. — А. М.) героя свободы, нового Богдана Хмельницкого. История представляет его честолюбцем, закоренелым в коварстве и злодеяниях, клеветником Самойловича, своего благодетеля, губителем отца несчастной своей любовницы, изменником Петра перед его победою, предателем Карла после его поражения»¹⁶⁵. И эта оценка впоследствии была многократно подтверждена историческими фактами. Даже описывая тот самый «ропот юности», Пушкин совершенно по-иному оценивает её желания, причём делает это не с позиций России и Петра, а с точки зрения самой Украины. «Друзья кровавой старины» роптали,

Опасных алча перемен,
Забыв отчизны давний плен,
Богдана счастливые споры,
Святые брани, договоры
И славу дедовских времён.¹⁶⁶

Да и в целом сложившийся в те годы отечественный образ Мазепы в корне отличался от того, что бытовал на Западе (герой-бунтарь, борец за свободу в «стране казаков»), и у всех общественных течений был примерно схожим. Мазепа осуждался за предательство, но не столько русского царя, сколько своего народа, интересами которого пренебрёг во имя личных выгод¹⁶⁷. И такое отношение к нему

¹⁶⁴ Максимович М. А. Собр. соч. Т. 3. Киев, 1880. С. 491.

¹⁶⁵ Цит. по: Заславский И. Я. Указ. соч. С. 92.

¹⁶⁶ Пушкин А. С. Собр. соч. Т. 3. С. 177.

¹⁶⁷ Курукин И. В. Образы и трагедия гетмана Мазепы. С. 186–187.

оставалось неизменным и в последующем. Цельность пушкинского взгляда оказалась сильнее европейских клише Вольтера и двойственности Рылеева.

Сыграла при этом свою роль и личность Петра. Одни считали его величайшей фигурой российской истории, и его слово и дело было для этих людей непререкаемо. Другие, даже относясь к царю менее восторженно, всё равно видели в нём образец служения Отечеству и триумф российской мощи. И потому и те, и другие никак не могли относиться к Мазепе как к герою и считать правым его, а не Петра. Мазепа оказывался неподходящей фигурой даже для большинства представителей либерально-западнических кругов: ведь для них Пётр был символом приобщения России к западной цивилизации, и потому его авторитет тоже был непререкаем. Окажись на его месте другой, менее великий и менее «знаковый» царь, может, у мазепинского мифа в России было бы и больше шансов закрепиться. Но главная причина провала этого мифа в русском обществе кроется всё же не в личности Петра, а в том, как оно понимало и понимает суть взаимоотношений русской и малорусской национальных «природ».

А образ «проклятой Мазепы», которой матери пугали непослушных детей, не был «спущен сверху» из русских столиц, но имел местное, малороссийское происхождение. И не только церковное (хотя анафему ему объявляли иерархи-малороссияне), но и народное¹⁶⁸, что отразилось

---

¹⁶⁸ И воспринимался как тяжкое оскорбление. В этом отношении очень показателен один эпизод из повести А. П. Чехова «Степь», действие которой происходит в родных автору донецких степях. В повести есть персонаж — обозник Дымов, человек шальной и «озорной» (в том старом понимании этого слова), как бы балансирующий на грани добра и зла, человек, внутренне готовый преступить черту и пойти в том числе и на убийство, причём сделать это не от злобы, а от нечего делать. Сам Чехов говорил, что такие натуры создаются жизнью или «прямёхонько для революции», или для острога.

Тем показательней реакция даже такого человека на слово, которое по нынешним временам многим не кажется чем-то оскорбитель-

в народном песенном творчестве. Так, собиратель украинского фольклора, историк Михаил Александрович Максимович (1804–1873 гг.), чуть позже ставший первым ректором Киевского университета имени Святого Владимира, сначала в альманахе «Эхо» (1830 г.), а затем в своём сборнике украинских песен (1834 г.) опубликовал малороссийскую песню о Мазепе, сложенную вскоре после описываемых в ней событий, где есть такие строки:

У Киеве на Подоле
Порубаны груши;
Погубив же пес Мазепа
Невинныя души!
Ой, выгорев весь Батурин,
Зосталася хата;
Да вже-ж твоя, псе Мазепо,
И душа проклята.¹⁶⁹

Примечательно, что дискуссия о пушкинской «Полтаве», Мазепе и его роли в малороссийской истории велась одновременно и великоруссами, и малоруссами. Причём именно последние решительно выступали против идеализации Мазепы как патриота. «Все его действия, — писал о Мазепе активный участник журнальной дискуссии Максимович, — нисколько не показывают в нём самоотвержительной любви к Малороссии; История представляет в нём хитрого, пред-

---

ным. Между Дымовым и другим обозником, Емельяном, случилась ссора:

— Да что ты ко мне пристал, мазепа? — вспыхнул Емельян. — Я тебя трогаю?

— Как ты меня обозвал? — спросил Дымов, выпрямляясь, и глаза его налились кровью. — Как? Я мазепа? Да? (Чехов А. П. Избранные сочинения. М., 1988. С. 139, 613). Теперь же некоторыми это слово расценивается даже как комплимент.

¹⁶⁹ Записана на хуторе Самусевка Хорольского уезда. Максимович М. А. Украинские народные песни, изданные М. Максимовичем. М., 1834. С. 110–111.

приимчивого честолюбца и корыстника... обличает в нём характер, несовместимый с высокою любовью к отечеству». Украину он хотел сделать «независимою для себя, свою независимость хотел утвердить он, завладев Малороссией». И потому народ и казаки за ним не пошли¹⁷⁰.

Причём такое отношение к Мазепе вовсе не было продиктовано какими-то политическими или национальными пристрастиями. Оно возникало независимо от них, при знакомстве с историческими фактами. «Воплощённой ложью» назвал гетмана современник Максимовича, историк Н. И. Костомаров, сам в молодости бывший восторженным и очень деятельным украинофилом. «Гетман Мазепа как историческая личность не был представителем никакой национальной идеи. Это был эгоист в полном смысле этого слова», искавший лишь свою выгоду и думавший «отдать Украину под власть Польши», — написал он после того, как основательно изучил ту эпоху и личность героя своего исследования, ещё раз подтвердив то, что уже было сказано задолго до него¹⁷¹.

Однако, будучи созданным, мазепинский миф уже больше не исчезал, со временем превратившись в одно из краеугольных положений идеологии украинства. Для его адептов Мазепа — герой и борец за Украину. В российской среде его апологетами являются считанные единицы, в целом тоже разделяющие эту идеологию. Но на личности самого Ивана Мазепы проблема не заканчивалась. Тенденция, которая впервые наметилась в декабризме, — смотреть на Украину сквозь призму социально-идеологических теорий борьбы «свободы» с «тиранией», стала неизменной составляющей российского левого и либерального «освободительного движения» XIX — начала XX века. Мировоззрение декабристов было цельным и успешно сочетало в себе требования со-

¹⁷⁰ Максимович М. О поэме Пушкина «Полтава» в историческом отношении // Атеней. 1829. Ч. 2. № 41. С. 502–503, 515.

¹⁷¹ Костомаров Н. И. Мазепа. М., 1992. С. 320.

циальных и политических перемен с государственным патриотизмом и приверженностью русским национальным интересам. Но после них социально-политический и национально-государственный факторы стали «разводиться» общественными течениями по разным политическим лагерям и даже противопоставляться друг другу по принципу «либо — либо». Поэтому последующие поколения борцов против самодержавия (из либерально-западнического и левого лагеря) чем дальше, тем всё больше были готовы во имя этой борьбы пожертвовать политическим единством и национальной однородностью страны.

Так получилось, что для широких кругов российской общественности очень долгое время оставалось неизвестным негативное отношение Рылеева (как и многих его единомышленников) к «торговле» российскими территориями или его же глубокое убеждение, что исторические русские земли должны быть русскими не только по происхождению, но и по национальному и культурному облику. Зато они знали его гражданскую лирику... и «Войнаровского». Скажем, поэма «Войнаровский» (заметим, не «Наливайко»!) в течение десятилетий распространялась в списках и оставалась очень популярной не только среди адептов украинофильского движения, но и среди российских общественных кругов, настроенных оппозиционно к власти¹⁷². И секрет её популярности заключался не только и не столько в личности её автора (революционера, к тому же казнённого), сколько в мировоззренческой и тактической близости этих кругов и украинофильства. Близости, условия для которой были заложены и этой поэмой тоже. Судьба «Войнаровского» — один из ярких примеров политической силы литературы и её способности формировать общественное сознание.

---

¹⁷² История Киева. Т. 2. С. 163.

Таким образом, первая треть XIX века стала периодом, в который были заложены основы для ещё одного нюанса восприятия российским обществом Украины: как жертвы российской агрессии (а со временем — и «великодержавного шовинизма»). Впрочем, свойственен этот взгляд был не всему русскому обществу, а главным образом его наиболее последовательным, порой граничащим с маргинальностью, либерально-западническим и левым кругам. Восприятие Украины как оплота свободы и российской жертвы прочно засело в их сознании. Соответственно, все, кто боролся против «тирании» и «великодержавности», какие бы цели, вплоть до сепаратистских, они перед собой ни ставили, в глазах этих людей представляли борцами за свободу и гонимыми героями. Ну а те, кто не считал казачьих мятежников или украинофилов таковыми, не поддерживал их целей и выступал за целостность страны и единение Великороссии и Малороссии, удостаивались ярлыка «клеветов самодержавия», «держиморд» и т. д., причём независимо от того, были они великороссами или малороссами.

Или же, в лучшем случае, эти люди сразу чувствовали на себе действие внешне мягкой, но неумолимой общественной «цензуры», которая в наши дни получила бы название «политкорректности». Примеров тому в истории российского «освободительного движения» можно насчитать множество, а потому имеет смысл ограничиться лишь одним, зато очень показательным, тем более что он касается непосредственно литературы.

В 1888 году в журнале «Северный вестник» был напечатан рассказ А. П. Чехова «Именины». Этому рассказу Чехов придавал большое значение, поскольку, по собственным словам, постарался дать в нём читателю представление о своей позиции (жизненной, творческой и даже, как получилось, политической). И потому категорически просил редакторов «не вычёркивать в... рас-

сказе ни одной строки»¹⁷³. Рассказ получился о лжи, которой наполнена жизнь, начиная с личных отношений, и заканчивая сферой общественной. Перепало в рассказе всем: консерваторам, земцам, либералам. Но главный удар пришёлся именно по последним, людям «шестидесятых годов», которых Чехов выставил в крайне уничижительном свете (чего стоит хотя бы наименование либералов «полиявшими субъектами», от которых веет «старым, заброшенным погребом», или сравнение с «поганым сухим грибом»)¹⁷⁴.

А кроме того, прошёлся Чехов и по украинофилам. В рассказе имеется негативно-ироничное описание одного из таких «будущих гетманов». «Вот другой гребец, бородастый, серьёзный, всегда нахмуренный; он мало говорит, никогда не улыбается, а всё думает, думает, думает... Он одет в рубаху с шитьём, какое носил гетман Полуботок, и мечтает об освобождении Малороссии из-под русского ига; кто равнодушен к его шитью и мечтам, того он третирует как рутинёра и пошляка»¹⁷⁵.

Такое «направление» молодого писателя пришлось явно не по вкусу либеральномыслящей журналистско-литературной общественности. Рассказ вызвал серьёзные замечания, в основном сводившиеся к «пожеланиям» убрать всё, где в негативном свете выставлены либералы и украинофилы. «Украинофила в особенности я бы выбросил», — советовал Чехову А. Н. Плещеев (редактор и писатель, а в прошлом петрашевец). Но Чехов, вообще испытывавший сильную антипатию к русской либеральной интеллигенции (вялой, ленивой, антипатриотичной, как отзывался о ней он сам), долгое время отказывался это делать. «Нет, не вычеркну я ни украинофила, ни этого гуся, который мне надоел» (то есть либерала), — отвечал

¹⁷³ Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Т. 7. М., 1977. С. 653.

¹⁷⁴ Там же. С. 169–170, 542–544, 547–548.

¹⁷⁵ Там же. С. 547–548.

он Плещееву (которого, кстати, лично уважал). И тут же дал ещё более резкую характеристику адептов украинской идеи¹⁷⁶. Говоря, что под украинофилом не подразумевают

¹⁷⁶ Здесь нельзя не коснуться и вопроса, который время от времени поднимался адептами украинства и который можно назвать так: «Чехов — украинский писатель». Тем более, что тут прослеживается прямая параллель и с весьма популярными в последнее время аналогичными рассуждениями о Гоголе.

В последний раз внимание к этой теме привлёк, сам того не желая, не кто иной, как В. Ф. Янукович. Ещё в бытность свою кандидатом в президенты Украины, во время одного из телемостов он назвал Чехова «великим украинским поэтом» (так!).

Понятно, что, назвав Антона Павловича «поэтом», Янукович оговорился, как это с ним уже случалось и раньше. Например, Анну Ахматову он как-то назвал Анной Ахметовой (что поделать, если фамилия *Ахметов* и самому Януковичу, и многим современным украинцам говорит больше, чем фамилия «какой-то» русской поэтессы). Понятно и то, что, называя писателя «великим украинским», Виктор Фёдорович хотел лишь подчеркнуть, что Чехов — не чужой для Украины, а свой и родной. И это совершенно справедливо.

Но вокруг слова «украинский» тут же поднялась политическая шумиха, сродни той, что ведётся вокруг Гоголя: его попытались представить писателем украинским, причём именно в национально-политическом смысле. При этом «забывалось», что сам Чехов, вовсе не отказываясь от малорусской части своего «я», отвергал попытки представить себя украинцем, а не русским, украинским, а не русским писателем. И даже, как уже можно было убедиться, к самому украинскому движению относился негативно-презрительно.

«Мне противны: игривый еврей, радикальный хохол и пьяный немец», — отмечал он в своих «Записных книжках» (*Чехов А. П. ПСС* в 30 т. Т. 17. М., 1980. С. 68). «Радикальные хохлы» — это не малороссы-украинцы как люди, как народ, а именно те самые представители украинского движения, во имя «своих хохлацких великих истин» (ещё одно чеховское выражение) жертвующие самим «здравым смыслом».

Так как же ответить на вопрос: «украинский» ли Чехов писатель? Если мы хотим получить правдивый ответ, то вопрос надо ставить так: принадлежит ли Чехов Украине и украинскому народу? И ответ очевиден: конечно принадлежит! Потому что русская культура для украинцев — такая же *родная*, как и украинско-малорусская. Но это возможно при одном условии. Чехов принадлежит Украине не лишь в том случае, если она сама считает русскую культуру та-

никого конкретно, он пояснял: «Я же имел в виду тех глубокомысленных идиотов, которые бранят Гоголя за то, что он писал не по-хохлацки, которые, будучи деревянными, бездарными и бледными бездельниками, ничего не имея ни в голове, ни в сердце, тем не менее стараются казаться выше среднего уровня и играть роль, для чего и нацепляют на свои лбы ярлыки»¹⁷⁷.

Но в конце концов, почувствовав давление среды, поняв, что, выбрав писательскую стезю, он поневоле будет вынужден постоянно находиться в этой атмосфере, и не чувствуя в себе и государстве сил и возможностей этот устоявшийся порядок перевернуть, Чехов уступает¹⁷⁸. И в последующих изданиях «Именин» убирает и украинофила, и все места, где «неправильно» изображены либералы. Недаром народная поговорка гласит: «С волками жить — по-волчьи выть».

Самодержавия давно нет, но образ Украины как жертвы России, где первая всегда права и потому её «освобождению» от «российских пут» следует помогать, а вторая — заведомо виновата и потому её надо «держат в узде» и заставлять каяться, сохраняется и по сей день, влияя на внутреннюю и внешнеполитическую жизнь России (а тем самым и Украины). Стало быть, он вошёл в коллективное сознание известной части российского общества. Впрочем, Украина здесь не самоценна: не будь её, это место заняла бы любая другая территория (хоть тот же исторический Новгород), на которую были бы возложены аналогичные функции. Ведь этот взгляд —

ковой. Потому что писателем *украинским* (в том самом, истинном, национально-политическом смысле этого слова, который вкладывают в него адепты украинской идеи) Чехов никогда не был. Как, впрочем, и Гоголь, с которым ситуация обстоит похожим образом.

¹⁷⁷ Чехов А. П. ПСС в 30 т. Т. 7. С. 655, 656.

¹⁷⁸ Об отношении Чехова к интеллигенции см., например: *Парамонов Б.* Чехов: Мелихово и Сахалин // <http://archive.svoboda.org/programs/rq/2004/rq.070904.asp>.

лишь географическая проекция того самого *раскола*, *расщепления* русского сознания, длящегося уже несколько столетий...

Говоря о восприятии «казачьей Малороссии» русским (и малороссийским) обществом, надо упомянуть ещё один аспект этого образа, а именно дилемму «раньше — теперь». Ещё путешественники, описывая дворцы и резиденции времён Гетманщины, подмечая их красоту и богатство, замечали как бы лежащую на них тень небытия — небытия той самой Гетманщины. Но в основном это соотнесение прежнего и нынешнего имело книжную природу. Те же казачьи летописи, лукавая «История Русов» и даже научная «История Малороссии» Бантыш-Каменского, в которых подробно описывались подлинные или легендарные казачьи походы, битвы, сам дух эпохи, создавали такое романтизированное восприятие того времени, что при всяком сравнении с ним современности (вовсе не *плохой*, но *другой*) поневоле могли возникнуть ностальгические чувства по тем великим и славным, но давно ушедшим летам. Такова уж природа человека, что настоящее кажется ему не таким светлым и прекрасным, как прошедшее, сколь бы горьким и тяжёлым это прошлое ни было.

Очень точно эти чувства выразил Алексей Толстой. Его стихотворение «Ты знаешь край» (1840-е гг.) явилось своеобразным синтезом реальности, личных воспоминаний и тех самых идеализированных книжных образов:

Ты знаешь край, где с Русью бились ляхи,
Где столько тел лежало средь полей?
Ты знаешь край, где некогда у плахи
Мазепу клял упрямый Кочубей
И много где пролито крови славной
В честь древних прав и веры православной?

А теперь там, где некогда «через туман прозрачный» неслись в ночи «Палей и Сагайдачный», лишь

...Сейм печально воды
Меж берегов осиротелых льёт,
Над ним дворца разрушенные своды
Густой травой давно заросший вход,
Над дверью щит с гетманской булавою...¹⁷⁹

Всё когда-нибудь кончается, и гетманский период тоже ушёл в историю. Так же, как вельможная Гетманщина XVIII столетия пришла на смену казачьему XVII веку, времени смут и гражданских войн, а тот в свою очередь вытеснил львовско-киевский период православных братств и борьбы за русское естество. И современники это хорошо понимали. Вопрос заключался в другом: насколько эти ностальгические чувства народны и естественны; чего ждут от них те, кто был особенно к ним склонен; и в конечном счёте, во что они выльются. Толстой (как и многие малороссы) не политизировал их, сущностью казачьего периода видел борьбу «Руси» с «ляхами» и в конфликте национально-политических ориентаций, олицетворённых Кочубеем и Мазепой, был однозначно на стороне первого. Но те же ностальгические чувства усердно эксплуатировала и создавала сама и «История Русов», расставляя акценты уже по-другому. А потом представленную в ней тенденцию в своём литературном творчестве, начавшемся примерно в тот же период, в 1840-е годы, подхватил и ещё больше развил Тарас Шевченко.

Шедшие в первые десятилетия XIX века выбор национально-культурной идентичности и определение границ русскости, отчётливо различимые именно на примере литературной разработки исторических сюжетов из малороссийского прошлого, были процессом обоюдным и взаимообусловленным: они велись малороссиянами не меньше, чем русскими. И общая тенденция была такова, что политическое, историческое, культурное пространство Рос-

---

¹⁷⁹ Толстой А. К. Указ. соч. Т. 1. С. 61.

сии обеими сторонами культурного диалога всё больше и больше виделось единым. Так, уроженец Украины, малоросс родом, выпускник Харьковского университета Орест Сомов оценивает пространственное измерение личности Пушкина следующим образом: «Поэт обнял всё пространство родного края, и в своенравных играх своей Музы, показывает его нам то с той, то с другой стороны: является нам на хладных берегах Балтийских — и вдруг потом раскидывает шатёр под палящим небом Кавказа, или резвится на цветущих долинах Киевских»¹⁸⁰. Показательно «право» Пушкина (а вместе с ним и Сомова) считать весь тот край от Балтики до «киевских долин» своим, родным.

Итак, в русском обществе действительно был живейший интерес к Малороссии: её природным, этнографическим и историческим сторонам. Выработка её образа была во многом совместным делом и великороссов, и малороссов. И всё же, несмотря на интерес публики и культурный заказ времени, несмотря на значительное количество литературных сочинений и публицистических работ, посвящённых Украине, казалось, она ещё ждала своего звёздного часа, ждала того, кто, сведя все нюансы её образа воедино, поднимет её на невиданную доселе высоту. Таким человеком и стал Николай Гоголь.

---

¹⁸⁰ Сомов О. Указ. соч. С. 142.

Глава V

Гоголь: триединство образа

Именно российская среда, её вкусы и запросы определили выбор творчества раннего Гоголя и способствовали тому, что талант его вначале проявился в украинских произведениях. Он оказался востребован именно как *человек из Малороссии*. Попытка Гоголя начать литературный путь как поэта-сентименталиста оказалась неудачной. Его первое «взрослое» сочинение — идиллия в картинах «Ганц Кюхельгартен» (из немецкой жизни) — не произвела впечатления на публику и критику. А вот первые же повести «Вечеров на хуторе близ Диканьки», вышедшие в 1831 году (вторая часть появилась годом позже), принесли ему успех и славу.

В своих первых работах, опубликованных в петербургских журналах, а затем в «Вечерах» и следующем цикле — «Миргороде» (вышел в свет в 1835 году), Гоголь, по сути, продолжает разрабатывать те же направления, что и его предшественники: народно-фольклорную, поданную как романтическая, весёлая или страшная сказка, казачье-историческую, а также бытовую.

Казалось бы, и картины природы, и народного быта, и песенно-сказочный фольклор уже не раз освещались авторами путевых заметок и литераторами и были известны читающей публике (понятно, что хотелось ещё и ещё). Но колоритные образы представителей народа, этнографические черты, сказочность и фантастика, живые чувства на фоне яркой украинской природы, вместе создающие особый, лирический и поэтический мир, — всё это было подано Гоголем с высочайшим мастерством и теплотой. Романтичность — но без чувствительных крайностей, бытовая достовер-

ность — но без излишних этнографических подробностей, описание «племени поющего и пляшущего» (выражение Пушкина) — но без сентиментальной пасторальности.

Уже в гимназии Гоголь стал интересоваться народными нравами и обычаями, этнографическим укладом, записывая особо понравившееся в самодельную энциклопедию — «Книгу всякой всячины» (хотя тогда он вовсе не предполагал, что именно этот материал потребуется ему в писательской деятельности). И это вполне соответствовало веяниям времени. Но познания молодого человека в народном быте были далеко не достаточны для того, чтобы создать на их основе свой литературный мир. Это и заставляло его постоянно обращаться к матери и другим людям с просьбами присылать всё, что может рассказать про «обычаи и нравы малороссиян наших», описывать разную утварь и вещи и объяснять, «как это всё называлось у самых закоренелых, самых древних, самых наименее переменившихся малороссиян»¹⁸¹.

Первое время такие сведения он собирает для «Отечественных записок». Их издатель П. П. Свиньин на страницах своего журнала публиковал разнообразные материалы по отечественной истории, географии и культуре, ставя своей целью распространение в обществе интереса к прошлому России и к ней самой. Большое внимание он уделял изучению российских регионов, в том числе Украины. Например, о его очерке «Полтава» Гоголь написал домой следующее: «Рекомендую вам прочесть описание Полтавы господина Свиньи́на, в котором я, хотя и природный жилец Полтавы (он жил там в 1818–1820 годах, когда учился в Полтавском уездном училище, а потом частным образом. — А. М.), много однако ж нашёл для меня нового и доселе неизвестного»¹⁸². А затем Гоголь использует собранные им материалы при написании «Вечеров» и «Миргорода».

¹⁸¹ Гоголь Н. В. ПСС. Т. 10. С. 141.

¹⁸² Там же. С. 181.

Впрочем, этнографизм в произведениях Гоголя играл фоновую роль, притом подчас ради литературного удобства или по незнанию он подавал этнографический материал по-своему, «неправильно» с точки зрения строгой достоверности (и это ему некоторые критики ставили в вину). Но не этот этнографизм и даже не малороссийская тематика как таковая, а литературный талант способствовал успеху и «Вечеров», и «Миргорода».

Сила таланта писателя, впервые открывшаяся в «Вечерах», не только принесла Гоголю широкую известность, но и закрепила за ним образ весельчака и юмориста (а некоторые из его повестей даже несли в себе водевильные черты). Впоследствии об этом своём образе Николай Васильевич вспоминал с досадой, как об увлечении молодости, которое оставил в прошлом, но которое публика продолжает от него ждать и дальше и потому не всегда способна верно оценить его новые вещи, более глубокие и серьёзные по замыслу и поднимаемым в них проблемам. В том же 1835 году, что и «Миргород», выходят его «Арабески», которыми Гоголь хочет изменить сложившуюся о себе репутацию как о весельчаке — рассказчике украинских анекдотов и предстать настоящим писателем — художником и мыслителем¹⁸³. Именно в «Арабесках» он помещает свои статьи по искусству и истории, печатает повести «Портрет», «Невский проспект» и др. Но далеко не все были готовы увидеть в Гоголе не пасечника Рудого Панька — рассказчика «Вечеров», а серьёзного писателя.

Его украинские произведения были чудесные, яркие, неповторимые по художественной силе, но всё же — произведения эпохи романтизма. И образы, и сюжеты, и фантастические элементы (в огромной степени способствовавшие их успеху) наравне с этнографизмом создавали не реальный мир, не существующую жизнь во всех её сторонах и проявлениях, а окутанную малороссийской

---

¹⁸³ Гоголь Н. В. Тарас Бульба... С. 398.

прелестью весёлую, игровую, порой героическую, порой смешную, порой страшную — но сказку. Впрочем, сказки тоже нужны людям, иногда даже больше, чем самая откровенная правда жизни. А кроме того, эти «сказки» вполне укладывались в тот образ Украины, который уже складывался в российском сознании, и немало способствовали его укреплению.

По мере взросления Гоголя как человека и писателя, под влиянием новых мыслей и впечатлений, будет меняться и его образ Малороссии, который станет более реалистическим. Это проявится уже в «Миргороде», где в «Вию» очень живо передан быт учащихя Киево-Могилянской академии и семинарии — в не столь уж отдалённом прошлом являвшихся особой социальной и культурной группой малороссийского общества, а в «Тарасе Бульбе» — казачьи нравы и бытовые стороны той поры. В «Старосветских помещиках», одном из самых любимых произведений самого Гоголя, вырисован особый мир провинциальной малороссийской усадьбы тех самых «наименее переменявшихся» под воздействием нового светного века малороссиян, сам образ тихой и патриархальной Малороссии.

В «Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем» возникает образ уездного украинского городка и столь же уездных его обитателей. Конечно, провинциальная жизнь далеко не исчерпывалась этими типажам, так же, как и помещики вовсе не сплошь состояли из Коробочек, Маниловых и Собакевичей. Это была не сама жизнь, а «всего лишь» литература¹⁸⁴, тем более литература, всё больше приобретающая черты «душеведческой», в которой герои — и не образы даже, а олицетворения неустройств человеческой души — человеческой вообще и автора в частности.

¹⁸⁴ См., например: Головина Т. Живые души (быт и бытие помещиков 1830-х годов по материалам одного усадебного архива) // Гоголь как явление мировой литературы. М., 2003. С. 251–257.

Именно так — как наглядное воплощение какого-либо порока, и в том числе своего собственного, объяснял Гоголь сущность многих своих персонажей. По этому поводу он говорил: «Я не любил никогда моих дурных качеств (которыми, как считал, был наделён во множестве — к себе Гоголь относился предельно строго. — А. М.). По мере того, как они стали открываться, усиливалось во мне желание избавляться от них, необыкновенным душевным событием я был наведён на то, чтобы передавать их моим героям... С тех пор я стал наделять своих героев, сверх их собственных гадостей, моею собственной дрянью... взявши дурное свойство моё, я преследовал его в другом звании и на другом поприще». И потому-то «никто из читателей моих не знал того, что, смеясь над моими героями, он смеялся надо мною»¹⁸⁵.

Но всё равно — и этот уездный городок, и патриархальность старосветской усадьбы с её небольшими двориками, частоколом, обвешанным связками сушёных груш и яблок, за который «не перелетает ни одно желание», лежащим возле амбара ленивым волом, сливались в общий образ Малороссии, а пусть и созданные фантазией писателя, но такие возможные Пульхерия Ивановна и Афанасий Иванович или судья Демьян Демьянович — в настоящие, живые типы её обитателей.

А потом, перед глобальными загадками и вопросами, которые Гоголь поставит перед собой, когда предметом его внимания как мыслителя и художника станет человек и его душа, Малороссия уйдёт на задний план, хотя любовь к ней он пронесёт через всю жизнь. Но вот как раз тогда, изучая историю России и постигая её сущность, он серьёзно задумается о судьбах и своего Отечества, и своей малой родины, об их будущем, которое он хотел видеть единым — политически, культурно, национально. А пока стремитель-

---

¹⁸⁵ Цит. по: *Вересаев В. В.* Гоголь в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников. С. 179–180.

но ворвавшийся в литературу молодой человек и писатель Гоголь черпает вдохновение в близком ему по рождению украинском материале.

Гоголевский образ Малороссии складывается из нескольких составляющих. Помимо фольклорно-этнографического образа «народа», это история края, а также тот географический ареал, где этот народ живёт и где совершается его история. Ареал этот формируется, во-первых, ментальными границами региона, а во-вторых, его природными условиями.

При формировании образа той или иной территории климат, природные объекты и т. п. играют не меньшую роль, чем её население и историческое прошлое. Если последние закладывают отношение к этой земле, то природа создаёт её зримый образ. Вообще географические объекты фиксируются сознанием тогда, когда заметно отличаются от привычных или сами по себе являются чем-то необычным. Именно диковинная природа (дремучие леса, высокие горы, знойные пустыни, могучие реки) обращают на себя первое внимание. И уже потом взгляд фиксирует социальное пространство — города, деревни, облик и привычки народа. Когда природа более-менее одинакова, природные объекты не замечаются, если только не несут на себе особой смысловой нагрузки (как, скажем, Волга в русском сознании). Так, близкая к России, почти одинаковая с ней в природном, а после и в культурном отношении Западная Европа рассматривается в русской литературе как, прежде всего, не географическое, а социальное пространство¹⁸⁶.

При взгляде на Малороссию основное внимание тоже уделялось не природным объектам. До Карпат было далеко, воображение поражали разве что курганы, и в целом отмечался южный климат. Последнее, правда, было достоинством не одной Украины, но южной местности вообще.

---

¹⁸⁶ Лавренова О. Я. Указ. соч. С. 42, 44.

И всё равно роль природы в создании Гоголем образа Украины трудно переоценить.

Показательно, как вспоминала Малороссию А. О. Смирнова (урождённая Россет), фрейлина, светская львица и одна из самых доверительных корреспонденток Гоголя: «И я родилась в Малороссии, воспиталась на голушках и варениках, и как мне ни мила Россия, а всё же я не могу забыть ни степей, ни тех звёздных ночей, ни крика перепелов, ни журавлей на крышах, ни песен малороссийских бурлаков. Всё там лучше, чем на севере». Дальше Александра Осиповна заостряла внимание Гоголя (а это писалось именно ему) на геополитическом значении этого пространства: именно «через Малороссию пройдем мы в Константинополь, чтобы одружиться и слиться с западными братьями славянами»¹⁸⁷.

«И я хохличка», кокетливо говорила иногда о себе эта утончённая аристократка французских кровей. В детстве Александра Россет жила в имении своих родственников под Николаевом, отсюда и степной пейзаж как воспоминание детства. Как видим, именно природа сформировала её восприятие Малороссии. А может, не только детские воспоминания послужили тому причиной, но и творчество самого Гоголя, его описания степи и украинских ночей?

А Гоголь был высочайшим мастером эмоционально насыщенного пейзажа, передающего дух и смысл места. Были, конечно, и те, кому не нравилась длинная «описательная проза». Так, известный журналист и литератор Фаддей Булгарин жаловался, что, пролистывая «Вечера», утомился: «Не терплю многословия и длинного описания бугров и рощей»¹⁸⁸. Знал бы он, что впереди будут такие «многословцы», как Фёдор Достоевский и Лев Толстой, и такие мастера описания тех самых «бугров и рощей», как Иван Тургенев и Константин Паустовский! Но большинство чи-

¹⁸⁷ А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой (1844–1851 гг.) // Русская старина. 1888. Т. 60. С. 133–134.

¹⁸⁸ Цит. по: Манн Ю. В. Указ. соч. С. 361.

тателей придерживалось другого мнения. Ведь гоголевские описания природы читаются как поэзия.

Его ландшафт слагается из нескольких составляющих: образа украинской ночи и неба, образа степи, образа рек, но в основном Днепра, и образа сада, хотя последний больше тяготеет не к миру природы, а к социальному пространству, к миру людей.

У Гоголя Малороссия предстаёт как тёплый южный край. Не случайно, что действие всех гоголевских произведений на украинскую тематику происходит в тёплое время года — летом или весной. Даже осень в Малороссии, по его словам, «благоухающая и славная», «со своим свежим, неподдельным букетом»¹⁸⁹. Свой отпечаток наложила и реальная география (ведь Украина — это юг), и традиция её восприятия именно как «юга», особенно на контрасте с северной (и не только географически) Россией. Но велико здесь и влияние личности самого писателя, не любившего зиму и холод.

Особняком стоит лишь «Ночь перед Рождеством», да и там выбор сезона продиктован самим сюжетом. Впрочем, зима в этом волшебном краю тоже сказочная: ясная, с яркими звёздами, скрипучим снегом и морозцем, который только бодрит кровь. Даже метель в Диканьке — и та дело рук пакостника-чёрта. Как непохожа эта волшебная и сказочно красивая зима на жёлтую свистящую метель, слепым роком вторгающуюся в людскую жизнь, из одноимённой повести Пушкина, или на его же непроглядный, смертельно опасный степной буран из «Капитанской дочки»! Да и холодная петербургская зима с её колючей вьюгой из «Шинели» Гоголя уже совсем другая. Иные эстетические задачи, иной сюжет, иная роль самой зимы... И иное восприятие пространства.

Поистине, невозможно переоценить роль личности писателя, его психологических и даже физических осо-

---

¹⁸⁹ Гоголь Н. В. ПСС. Т. 10. С. 273.

бенностей, когда речь заходит о формировании массовых образов, и в том числе образов природы той или иной местности. Фиксируют ли они всё бесстрастно, таким, как оно есть? Или подмечают то, что им самим ближе по натуре, а потом на основе реальности и своего ощущения создают новый образ, который и усваивается массовым сознанием? Смог бы, скажем, Пушкин с такой нежностью запечатлеть осенние пейзажи, если бы не любил и не понимал осени с её «красою тихою, блистающей смиренно»? И каким был бы наш образ русской природы, а с ним и самой России, если бы не Пушкин, если бы он смотрел на неё и чувствовал по-другому? Ведь и в России бывает жара, и в России есть буйство красок и пышность цветения. Но русский пейзаж, русская природа (и это идёт во многом от Пушкина) неразрывно связываются с красотой тихой, простой, неброской, но притом удивительно чистой, нежной и какой-то прозрачной. Без экспрессии и насыщенных мазков. Такова поэзия Пушкина. И такова сама Россия.

А гоголевская Малороссия — это знойный полдень. «Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии! Как томительно-жарки те часы, когда полдень блещет в тишине и зное, и голубой, неизмеримый океан, сладострастным куполом нагнувшийся над землёю, кажется, заснул, весь потонувши в неге, обнимая и сжимая прекрасную в воздушных объятиях своих! На нём ни облака. В поле ни речи. Всё как будто умерло; вверху только, в небесной глубине дрожит жаворонок, и серебряные песни летят по воздушным ступеням на влюбленную землю, да изредка крик чайки или звонкий голос перепела отдаётся в степи. Лениво и бездумно, будто гуляющие без цели, стоят подоблачные дубы, и ослепительные удары солнечных лучей зажигают целые живописные массы листьев, накидывая на другие тёмную, как ночь, тень, по которой только при сильном ветре прыщит золото. Изумруды, топазы, яхонты эфирных насекомых сыплются над пёстрыми огородами, осеняемыми статными подсолнечниками. Серые

стога сена и золотые снопы хлеба станом располагаются в поле и кочуют по его неизмеримости. Нагнувшиеся от тяжести плодов широкие ветви черешен, слив, яблонь, груш; небо, его чистое зеркало — река в зелёных, гордо поднятых рамах... как полно сладострастия и неги малороссийское лето!»¹⁹⁰.

В промозглом петербургском климате этот летний день вспоминался ещё ярче, ещё обольстительнее. Упоминание о Петербурге тут не случайно. Созданию поэтического образа Малороссии помогали не только имевшаяся литературная традиция и эстетические вкусы эпохи, не только талант писателя, но и личные ощущения, а также те идеальные образы и воспоминания, которые стали Гоголю особенно близки в далёкой северной столице.

Сам Гоголь позже писал об этой своей творческой особенности так: «Уже в самой природе моей заключена способность только тогда представлять себе живо мир, когда я удалился от него. Вот почему о России я могу писать только в Риме. Только там она предстоит мне вся, во всей своей громаде»¹⁹¹. Аналогичным образом обстояло дело и с его украинскими произведениями, написанными в Петербурге.

Былое юношеское нетерпение попасть в столицу и жажда государственной службы вскоре по прибытии в Петербург сменились у него другими настроениями. Неясность будущего (на службу Гоголь поступил не сразу — он как бы выбирал стезю, хотел утвердиться в своём решении¹⁹², а потом и чиновное поприще, как позже и преподавание, оказались «не его»), высокие цены, погода, оторванность от дома, и без того способные создать гнетущее настроение у молодого провинциала, дополнялись особенностями его характера и организма.

¹⁹⁰ Гоголь Н. В. ПСС. Т. 1. М., 1940. С.111–112. («Сорочинская ярмарка».)

¹⁹¹ Гоголь Н. В. ПСС. Т. 12. Письма 1842–1845. М., 1952. С. 46.

¹⁹² Вересаев В. В. Указ. соч. С. 95–96; Манн Ю. В. Указ. соч. С. 156, 211–212.

Особенно нагонял на него тоску климат, повлиявший на здоровье и, тем самым, на отношение ко всему окружающему. «Мне надоел Петербург, или, лучше, не он, но проклятый климат его: он меня допекает», — жаловался Гоголь своему земляку М. Максимовичу¹⁹³. Мать он просит присылать шерстяные чулки, поясняя, что «здешний климат — не Малороссия»¹⁹⁴. Жалобы на климат звучат в его письмах очень часто. «Мне надоело серое, почти зелёное северное небо, так же как и те однообразно печальные сосны и ели, которые гнались за мною по пятам от Петербурга до Москвы». «В дороге (из Москвы в родную Васильевку. — А. М.) занимало меня одно только небо, которое по мере приближения к югу, становилось всё синее и синее», — писал он известному поэту и государственному деятелю И. И. Дмитриеву¹⁹⁵. Характерно, что уже в Москве Гоголь, по собственному признанию, чувствовал себя лучше. Не случайно, что ему так понравилась Италия — и очевидно, не в последнюю очередь благодаря своему климату, напоминавшему ему родной малороссийский.

Впрочем, такое отношение к Петербургу, чиновной лямке и климату было именно его личным отношением: сотни других его земляков, в том числе нежинских «однокорытников», с успехом находили себя на гражданской и военной службе и не обращали внимание на погоду. А многим вообще полюбились север и белые ночи, как и сам Петербург.

У Гоголя же личные впечатления дополнялись ещё и его пониманием прекрасного. Лишь на юге можно встретить красоту, лишь там можно творить живописцу, убеждён он: «Художник петербургский! Художник в земле снегов, художник в стране финнов, где всё мокро, гладко, ровно, бледно, серо, туманно»¹⁹⁶. Да возможно ли это? Здесь

---

¹⁹³ Гоголь Н. В. ПСС. Т. 10. С. 288.

¹⁹⁴ Там же. С. 232.

¹⁹⁵ Там же. С. 239.

¹⁹⁶ Гоголь Н. В. Собрание сочинений. Т. 2. М., 1952. С. 10. («Невский проспект».)

его убеждения совпали с распространёнными в то время взглядами на Север вообще и Финляндию как его конкретное (и географически близкое) воплощение в частности, как на эстетический антипод творческого и эмоционально-насыщенного Юга. В описаниях Константина Батюшкова, стихах Евгения Баратынского, в «Руслане и Людмиле» Пушкина Финляндия предстаёт как дикий и мрачный край скал и лесов, царство холода и отсутствия цвета:

Розы, лилеи, ландыш, фиалки
В грустных не смеют долах цвести.

И хотя своеобразная угрюмая красота этой, по-своему романтической земли всё же признавалась, но природа не могла не наложить на неё свой отпечаток. И как результат:

Дикая бедность, грубые нравы!
Вас убегает резвой Эрот;
Юношей здешних скучны забавы,
Скучны и ласки здешних красот.
Громкая слава скальдов забыта;
Чувства завяли; с холодной душой
Финн не пленится гласом пиита,
Финн не прельстится девой молодой!¹⁹⁷

Эти строки, принадлежащие ещё одному русскому поэту — Р. И. Дорохову (офицеру, другу Пушкина и Лермонтова, одному из прототипов Долохова из «Войны и мира»¹⁹⁸), очень хорошо раскрывают и тот образ «страны финнов», который присутствовал в русском сознании, и распространённые в русском обществе того времени эстетические идеалы.

Гоголь же, видевший самый «гладкий» и «мокрый» её кусочек, не оставляет за этой страной даже шанса на худо-

¹⁹⁷ *Дорохов/ Р. Эскиз Финляндии // Украинский журнал. 1825. Ч. 7. № 13. С. 37–38.*

¹⁹⁸ *Лосиевский И. Указ. соч. С. 155.*

жественную привлекательность. На контрасте с блёклым севером с его неяркими видами и сыростью буйная красота малороссийской природы становилась лишь очевиднее и притягательнее. Поэтому неслучайно, что нарисованный Гоголем образ Малороссии, где он провёл детство и юность, строился у него, в том числе, и на противопоставлении Петербургу, возведённому на краю той самой «страны финнов». А облик и характер её обитателей — когда весёлых, когда лиричных, когда широко разгульных, когда простоватых, но всегда овеванных теплотой, — на контрасте с жителями столицы, лишёнными своего колорита северной неяркостью, а также суетой и обыденностью жизни.

Потом Гоголь обратит свой писательский взор к этой будничности жизни, мимо которой проходят, не обращая на неё внимания, хотя там может быть сокрыто что-то очень важное; постарается именно в этой обыденности отыскать человека. Уже «Старосветские помещики» являются шагом вперёд на этом пути. Ведь гораздо труднее увидеть возвышенное в человеке неприметном, чем в прометеевской натуре, труднее отыскать красоту в обыкновенной или даже пошлой жизни, чем в бурные годы войн и народных движений. Тем дороже была увиденная Гоголем и показанная миру необычная для всей этой, в общем-то пустой старосветской атмосферы с её бесконечными обедами и снующими по двору гусятами, любовь Пульхерии Ивановны и Афанасия Ивановича, и потому щемящей грустью проникнут весь рассказ о них. «Чем предмет обыкновеннее, — писал Гоголь, — тем выше нужно быть поэту, чтобы извлечь из него необыкновенное и чтобы это необыкновенное было между прочим совершенная истина»¹⁹⁹.

А северная неяркость и суетность дополнялись «стёртостью» и обезличенностью «народности» петербуржцев. Петербург Гоголь не любил не только из-за климата. Лишь

¹⁹⁹ Гоголь Н. В. ПСС. Т. 8. С. 54. (Статья «Несколько слов о Пушкине».)

только попав туда, он сразу же уловил, что этот город по своему духу был чужд России. «Петербург вовсе не похож на прочие столицы европейские или на Москву, — писал он матери. — Каждая столица вообще характеризуется своим народом, набрасывающим на неё печать национальности, на Петербурге же нет никакого характера: иностранцы, которые поселились сюда, обжились и вовсе непохожи на иностранцев, а русские в свою очередь обиностранились и сделались ни тем, ни другим»²⁰⁰. Интересно, что Гоголь сделал это заключение ещё не видя ни Москвы, ни европейских столиц, однако наблюдение это оказалось весьма точным. Потому и были его казаки и ведьмы, мужики и бабы, семинаристы и дивчата такими притягательными, что сохранили этот отпечаток народности.

Непременным атрибутом цветущего южного края становилась ночь — время суток, вообще весьма почитаемое сентименталистской и романтической литературой, время, когда мир меняется, из понятно-обыденного становясь непознанным и таинственным. Русский читатель был знаком с малороссийской ночью, и не только по впечатлениям путешественников. Одно из самых поэтических её описаний дал Пушкин:

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звёзды блещут.
Своей дремоты превозмочь
Не хочет воздух. Чуть трепещут
Сребристых тополей листы.
Луна спокойно с высоты
Над Белой Церковью сияет
И пышных гетманов сады
И старьёй замок озаряет.
И тихо, тихо всё кругом...²⁰¹

²⁰⁰ Гоголь Н. В. ПСС. Т. 10. С. 139.

²⁰¹ Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. Т. 3. С. 189.

Пушкин бывал в Малороссии и Новороссии (в 1820–1824 гг.), пересекал их в разных направлениях, посетил свыше 120 населённых пунктов²⁰², то есть видел больше, чем молодой Гоголь. Побывал он и на Правобережье, где тот оказался позже. И уж конечно Пушкин на собственном опыте знал, что такое украинская ночь.

Но как тут понять, «украинская» ли она, или же это южная ночь вообще («балканская», «крымская», «итальянская»), увиденная глазами человека «с севера»? Южную ночь ни с чем не сравнить, и всякий, хоть раз окунувшийся в неё, уже никогда её не забудет. Не забудет её тёплого дыхания. И бездонно-чёрной глубины усыпанного звёздами неба, такими ярким и близкими, что, кажется, можно дотронуться до них, стоит лишь протянуть руку. И возникающего под этим, словно бы раскрывшимся, небом чувства сопричастности с вечностью мироздания... Почувствовать разницу мог разве что сам южанин, не просто видевший эту ночь, но пропустивший её через себя.

Гоголь любил эту ночь. В записях Михаила Максимовича сохранился один замечательный эпизод, относящийся к 1850 году. Ему довелось путешествовать по родным для Гоголя местам, а затем они встретились с Николаем Васильевичем и направились к тому в гости. «Мы переехали через Псёл и ехали в Васильевку ночью, при свете полного месяца, — вспоминал Максимович. — Наслаждением для меня было промчаться вместе с Гоголем по степям, лелеявшим его с детства. И никогда я не видал его таким одушевлённым, как в эту *Украинскую ночь*» (выделено самим Максимовичем)²⁰³.

Прочувствовав эту ночь изнутри, Гоголь хотел всему миру показать её прелесть и очарование. И потому не мог согласиться с пушкинским описанием, слишком, как ему казалось, общим, неконкретным, сделанным скользнув-

---

²⁰² Заславский И. Я. Указ. соч. С. 5.

²⁰³ Максимович М. А. Указ. соч. Т. 2. С. 358.

шим по ней мимолётным взглядом. «Только я знаю, какая она!» — как бы хотел воскликнуть он и с молодой горячностью вступил с Пушкиным в замаскированный спор, от лица Рудого Панька спросив русского читателя (а может, и самого поэта): «Знаете ли вы украинскую ночь?» И тут же сам ответил: «О, вы не знаете украинской ночи!» И, заинтриговав, дал своё ощущение этого образа:

«Всмотритесь в неё. С середины неба глядит месяц. Необъятный небесный свод раздался, раздвинулся ещё необъятнее. Горит и дышит он. Земля вся в серебряном свете; и чудный воздух и прохладно-душен, и полон неги, и движет океан благоуханий. Божественная ночь! Очаровательная ночь! Недвижно, вдохновенно стали леса, полные мрака, и кинули огромную тень от себя. Тихи и покойны эти пруды; холод и мрак вод их угрюмо заключён в тёмно-зелёные стены садов. Девственные чащи черёмух и черешен пугливо протянули свои корни в ключевой холод и изредка лепечут листьями, будто сердясь и негодуя, когда прекрасный ветреник — ночной ветер, подкравшись мгновенно, целует их. Весь ландшафт спит. А вверху всё дышит, всё дивно, всё торжественно. А на душе и необъятно, и чудно, и толпы серебряных видений стройно возникают в её глубине. Божественная ночь! Очаровательная ночь! И вдруг всё ожило: и леса, и пруды, и степи. Сыплется величественный гром украинского соловья, и чудится, что и месяц заслушался его посереде неба... Как очарованное, дремлет на возвышении село. Ещё белее, ещё лучше блестят при месяце толпы хат; ещё ослепительнее вырезаются из мрака низкие их стены. Песни умолкли. Всё тихо. Благочестивые люди уже спят. Где-где только светятся узенькие окна. Перед порогами иных только хат запоздалая семья совершает свой поздний ужин»²⁰⁴.

С такой эмоциональностью передать образ ночи и дремлющего украинского села²⁰⁵ мог лишь тот, кто с детства

²⁰⁴ Гоголь Н. В. ПСС. Т. 1. С. 159. («Майская ночь, или Утопленница».)

²⁰⁵ Уже в наши дни в чём-то сходный их образ был дан в мультипликационном фильме «Жил-был пёс» (студия «Союзмультфильм»,

впитал его и хочет, чтобы так же, как он сам, полюбили его другие. И, как и в случае со знойным летним днём, образ «божественной» малороссийской ночи становился ещё более живым и конкретным на контрасте с северными ночами, где соловьи, уж конечно, не могли «греметь», а месяц не мог плыть так же «блистательно и чудно», как там, «в необъятных пустынях роскошного украинского неба»²⁰⁶.

Хотя если вдуматься, то так ли уж сильно отличается это экспрессивное, личностное описание от сдержанно-простых, но ёмких строк Пушкина? Но здесь важно другое. И знойное лето, и божественная ночь, и сады с налитыми тяжёлыми плодами и свисающими до земли ветвями, всё это «яхонтовое море слив» и «багрянец вишень», создавали неповторимый зрительный образ Малороссии. И все эти краски сливались с красками степи — одного из самых ярких образов в гоголевской природно-географической палитре.

Образ поля-пространства в русской культуре занимает одно из важных смысловых мест. Русский мир издревле был тесно связан со степью или, лучше сказать, со Степью, поскольку представляла она для Руси-России скорее не как природный регион, а как особый культурный мир. Мир — пограничье, мир — конкурент, близкий географически и важный политически, но таящий в себе постоянную опасность. И даже как переходное пространство от «этого света», где полной грудью дышит жизнь, на «тот», где очень вероятна смерть (что было отражено уже в «Слове о полку Игореве»). Из Степи приходил враг, начиная ещё с печенежских и половецких нападений на Киев и заканчивая опустошительными набегами крымских татар на малорусские земли и саму Москву; туда угоняли в рабство русских

1982 г., режиссёр и сценарист Э. В. Назаров). Как знать, может, именно этот мультфильм для многих и в России, и на Украине (прежде всего горожан) послужил основой их восприятия малороссийского села и Украины вообще?

²⁰⁶ Гоголь Н. В. ПСС. Т. 1. С. 180.

людей. И одновременно там закалялась в боях Русь, именно там проявлялся человек, именно там жизнь могла одолеть смерть. Русский мир, в конечном счёте, победил — угроза была устранена, степи стали российской землёй и постепенно заселялись великороссами и малороссами. Но эмоциональный контакт с этим миром, недавно ещё чужим и опасным, а теперь враз ставшим своим, устанавливался ещё долго.

На его восприятии сказывались также природные условия и художественные нормы. Выжигаемая зноем и почти умирающая летом, продуваемая всеми ветрами зимой, степь была миром неуютным, неласковым и непоэтичным. Немудрено, что в литературно-эстетической иерархии пейзажей она занимала чуть ли не последнее место, уступая даже угрюмым северным ландшафтам. Не всем и не сразу открывала степь свою душу. И не всякий мог под внешней однообразностью и даже унылостью разглядеть в ней скрытую «страстную жажду жизни». Но если это удавалось, тому степь представляла совсем с другой стороны. И тогда, словно бы настроившись с ней на одну волну, «душа даёт отклик прекрасной, суровой родине, и хочется лететь над степью вместе с ночной птицей», — описывал это чувство А. Чехов, сумевший уловить душу степи и в своей знаменитой одноимённой повести оставивший замечательный образ этого широкого, вольного пространства.

Но даже тогда эта связь оставалась очень тонкой. «И в торжестве красоты, в излишке счастья чувствуешь напряжение и тоску, как будто степь сознаёт, что она одинока, что богатство её и вдохновение гибнут даром для мира, никем не воспетые и никому не нужные, и сквозь радостный гул слышишь её тоскливый, безнадежный призыв: певца! певца!»²⁰⁷. Таким певцом стал сам Антон Павлович. Но ещё полувеком ранее до него это сделал Гоголь, увидевший в степи то самое «торжество красоты, молодость, рас-

²⁰⁷ Чехов А. П. Избранные сочинения. М., 1988. С. 109–110.

цвет сил» и воспевавший их. «Степным царём» нашей литературы называл Гоголя Чехов. И по праву:

«Степь, чем далее, тем становилась прекраснее. Тогда весь юг, всё то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию, до самого Чёрного моря, было зелёною, девственною пустынею. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений; одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, вытаптывали их. Ничего в природе не могло быть лучше: вся поверхность земли представлялась зелёно-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волoshки; жёлтый дрок выскакивал вверх своею пирамидальною верхушкою; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности; занесённый, Бог знает откуда колос пшеницы наливался в гуще. Под тонкими их корнями шныряли куропатки, вытянув свои шеи. Воздух был наполнен тысячью разных птичьих свистов. В небе неподвижно стояли ястребы, распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву. Крик двигавшейся в стороне тучи диких гусей отдавался Бог весть в каком дальнем озере. Из травы подымалась мерными взмахами чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха; вон она пропала в вышине и только мелькает одною чёрною точкою! вон она перевернулась крылами и блеснула перед солнцем!.. Чёрт вас возьми, степи, как вы хороши!..».

«...Вечером вся степь совершенно переменялась: всё пёстрое пространство её охватывалось последним ярким отблеском солнца и постепенно темнело, так что видно было, как тень перебегала по нём, и она становилась тёмно-зелёною; испарения подымались гуще; каждый цветок, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовонием. По небу, изголуба-тёмному, как будто исполинскою кистью наляпаны были широкие полосы из розового золота; изредка белели клоками лёгкие и прозрачные облака, и самый свежий, обольстительный, как морские волны, ветерок едва колы-

хался по верхушкам травы и чуть дотрогивался до щёк. Вся музыка, звучавшая днём, утихала и сменялась другою. Пёстрые суслики выпалзвали из нор своих, становились на задние лапки и оглашали степь свистом. Трещание кузнечиков становилось слышнее. Иногда слышался из какого-нибудь уединённого озера крик лебедя и, как серебро, отдавался в воздухе... Поужинав, казаки ложились спать, пустивши по траве спутанных коней своих. Они раскидывались на свитках. На них прямо глядели ночные звёзды. Они слышали своим ухом весь бесчисленный мир насекомых, наполнявших траву: весь их треск, свист, стрекотанье, — всё это звучно раздавалось среди ночи, очищалось в свежем воздухе и убаюкивало дремлющий слух. Если же кто-нибудь из них подымался и вставал на время, то ему представлялась степь усеянную блестящими искрами светящихся червей. Иногда ночное небо в разных местах освещалось дальним заревом от выжигаемого по лугам и рекам сухого тростника, и тёмная вереница лебедей, летевших на север, вдруг освещалась серебряно-розовым светом, и тогда казалось, что красные платки летали по тёмному небу»²⁰⁸.

Писатель и журналист В. А. Гиляровский, посетивший гоголевские места, восклицал: «Хорошо в Яновщине (другое название Васильевки. — А. М.)! Кругом степь, прорезанная балками, усеянная хуторами, с тенистыми садочками. Прямо, от церкви, начинается степь»²⁰⁹. Описывая её, Гоголь описывал свои родные места. Поэтому и вышла она у него забываемая.

Гоголевская степь — пространство не только природно-географическое. Она несёт на себе привычные функции пограничья — настолько необозримого, что в нём становятся неуловимы сами границы, но где путника, тем не менее, подстерегает опасность (в лице татар). Это также (если брать отвлечённые планы-восприятия) и дорога — переход из одного

²⁰⁸ Гоголь Н. В. ПСС. Т. 2. М., 1937. С. 58–60. («Тарас Бульба».)

²⁰⁹ Гиляровский В. В Гоголевщине // Русская мысль. М., 1902. Кн. 1. С. 77.

бытия-состояния (мира) к другому (войне). Но вместе с тем она сама — особый, наполненный жизнью и смыслом мир.

Это была не та «глухая» степь, куда удалялись герои романтических произведений, степь как отражение их чувств и душевного состояния. И не та степь, о которой писали иностранцы (тот же Вольтер), — край дикий и пустынный, где живут полуварвары и нет истории, «степь» как антипод европейского «цивилизованного» и «культурного» мира. Это европейское клише вполне применимо не только к кочевой «Степи» как таковой, но и к Украине и России вообще, как к такому же полудикому, с их точки зрения, свету, лишь слегка окультуренному цивилизацией (естественно, западной). И здесь неважно, какая это была «пустыня»: жаркая азиатская степь или ледяная страна вечной зимы и непроходимых снегов, какой, согласно европейским стереотипам, была и должна была быть Россия. Это тот антиобраз Европы (как и образ Востока-Ориента), на противопоставлении которому она осмысливала и конструировала себя и своё культурное и политическое пространство.

В «Тарасе Бульбе» Гоголь описал этот стереотип. «Появление иностранных графов и баронов было в Польше довольно обыкновенным: они часто были увлекаемы единственно любопытством посмотреть этот почти полуазиатский угол Европы. Московию и Украину они почитали уже находящимися в Азии»²¹⁰. А «степи-пустыни» как раз и были зрительным воплощением той самой «Азии».

Для Европы и образ «Востока», и образ «азиатской пустыни» — это «иной» мир. Но есть между этими двумя антиобразами и существенная разница. Если «Восток» (мусульманский!) рассматривается пусть как другой, но равный европейскому (и прежде всего культурно) мир, к тому же мир таинственный, овеянный романтикой и очарованием, то «Азия» (а под ней чаще понимались не «дикие монголы», а русская православная ойкумена, куда входит и Украи-

---

²¹⁰ Гоголь Н. В. ПСС. Т. 2. С. 160.

на) — это мир абсолютно чужой и враждебный. Более того, это мир *недо-*: недокультуры, недоцивилизации, недоистории и, как вывод, недолюдей. История и причины возникновения этого очень древнего, идущего ещё с античных времён, образа кроются не столько в восточнохристианском мире и России, сколько в самой европейской цивилизационной и культурной общности, в её мифах и стереотипах, её фобиях, её отношении к себе и другим²¹¹.

За века этот образ превратился в неперемнную часть европейского сознания. Для Запада — от Англии и США как его наиболее последовательных воплощений, и до Польши, считающей себя форпостом западной цивилизации на «схизматическом азиатском востоке» — просто необходим «варварский мир», на фоне которого он представлял бы воплощением культуры и цивилизации, единственным носителем истины, получал историческую и историософскую оправданность.

Постепенно, с вестернизацией этот образ вышел за пределы собственно Западного мира. Вместе с прочими перенятыми у Запада культурными образцами и идейными стереотипами проник он и в Россию. За последние несколько веков этот образ стал неперменным атрибутом сознания известной части её властных и культурных элит (а на рубеже XX–XXI веков — и более широких масс, подпавших под «искушение глобализмом»), формируя сам контекст политической и идейной жизни России. А говоря о дне сегодняшнем — и Украины, поскольку она не только является частью Русского мира, но и воспринимается таковой самим западным сознанием. И если бы не утилитарное отношение к Украине как к «анти-России» (необходимой для недопущения восстановления России как самостоятельной мировой политической и духовной силы), то весь комплекс «недо-» полностью проецировался бы и на неё.

---

²¹¹ См., например: Мяло К. Г. Между Западом и Востоком. Опыт геополитического и историософского анализа. М., 2003. С. 68–72.

Но Гоголь был далёк от того, чтобы жить чужим разумом, и довольно критически оценивал бездумное увлечение всем западным: «...накупили всякой всячины у Европы, а теперь не знаем, куда девать», — замечал он по этому поводу²¹². Поэтому и на мир «степной пустыни» (свой мир!) он смотрел совсем иначе. А потому и пространство это у него — настоящее и живое, «бесконечная, вольная, прекрасная степь».

Запорожье и, как указал сам Гоголь, Новороссия, будучи тогда ещё только осваиваемы, представляли в виде не социального (как Малороссия), а географического, площадного пространства — степи. Этот образ за Приазовьем и Причерноморьем закрепился в русской культуре надолго²¹³, слившись с древним образом вольного поля-пространства, где во всю свою необъятную ширь разворачивается русская натура, где тешит свою силу вольное молодечество, где бьётся русский человек за свою землю и веру с неприятелем, где только и вольно его душе и где широкой рекой разливается бескрайняя, как сама степь, русская песня.

Не случайно, что образ пространства-поля-степи неразрывно связан с ещё одним олицетворением его силы и широты — его главными реками: Волгой, Доном, а также

²¹² *Вересаев В. В.* Указ. соч. С. 484.

²¹³ Впоследствии он проявился, скажем, в художественном и песенном осмыслении Гражданской войны в этом регионе и даже Великой Отечественной войны. Да и образ шахтёрских Донбасса и Кривбасса, как раз и возникших на территории Новороссии и Запорожья, — главный образ этого огромного трудового региона — крепко связан со степью. Стоит вспомнить хотя бы неформальный гимн этого края, знаменитую песню «Спят курганы тёмные» Б. С. Ласкина и Н. В. Богословского, впервые прозвучавшую в кинофильме «Большая жизнь» (1939 г.) и сразу ушедшую в народ:

Через рощи шумные
И поля зелёные
Вышел в степь донецкую
Парень молодой.

И вышел он туда «на работу жаркую, на дела хорошие». (Песенник. М., 1974. С. 182–183.)

Днепром. И утверждается Днепр в русском сознании в качестве не только места действия древней истории или образа Малороссии, но и символа русского поля-пространства во многом благодаря Гоголю.

В русской литературе XVIII–XIX веков Днепр упоминается часто и, наряду с некоторыми другими геообъектами, такими как Москва, Петербург, Волга, Чёрное море, составляет географический каркас пространства России²¹⁴. «Все наши лучшие поэты, — писал в примечаниях к своему сборнику “Украинские мелодии” Н. Маркевич, — отдали поклон Днепру: “Громобой”, “Вадим” Жуковского, “Чернец” Козлова, “Руслан и Людмила”: всё это жило над Днепром»²¹⁵. И список поэтов можно продолжать.

Однако появлялся Днепр (и это видно хотя бы из перечисленных Маркевичем произведений) в историческом или историко-легендарном контексте, принадлежа к первому, древнему пласту русского сознания, который видел в этой земле Русь, свою колыбель и «не замечал» казачьей Малороссии. На Днепре стоит златоглавый Киев, там место действия предков, там их «отеческие гробы».

«Вечный Днепр» и сам служил живым свидетелем прошедших веков, той череды народов, которая сменялась на его берегах (печенегов, половцев, хазар, татар), познал он и пяту иноземных захватчиков. Вот как писал об этом в стихотворении «К Родине» (1829 г.) соученик Гоголя по нежинской гимназии, киевлянин А. Н. Бородин:

И лях на ладях широких
Твою пучину проплывал.
И ты, о Днепр! под ним стонал
В отзывах бурных и далёких.

²¹⁴ Лавренова О. Я. Указ. соч. С. 33.

²¹⁵ Маркевич Н. А. Украинские мелодии. М., 1831. С. 132. И. И. Козлов — поэт и переводчик. В числе прочих перевёл стихотворение английского поэта-романтика Т. Мура «Вечерний звон», ставшее народной песней.

Увидел Днепр и долгожданное освобождение от чужеземного ига:

Как волны протекли века —
Века и бедствий, и печали,
И меч сынов, сынов рука
С тебя оковы рабства сняли.²¹⁶

Спустя сто с небольшим лет этот сюжет и образ Днепра как свидетеля войны, как символа временно захваченной, но непокорённой Родины, почти с точностью повторится в широко известной советской «Песне о Днепре» («Ой, Днипро, Днипро») Е. А. Долматовского и М. Г. Фрадкина. Ведь Днепр — это ещё и символ непокорённого духа и свободы:

А ты, о Днепр, как прежде резвый, дикий
Шумы заветною волной
И омывай Печерский крест золотой!

— писал о нём в своём стихотворении «Киев» Стефан Гютен²¹⁷.

Пожалуй, редким исключением является образ Днепра, поданный Андреем Муравьёвым (1843 г.). Днепр у него соединяет два пласта исторического прошлого: древнерусского и казачьего. Это подлинный «орган Русской славы»: он поёт Киеву «удивительную песнь о славных днях его юности», обитвах, красных девах, иноках. Но в эту могучую песнь вдруг вплетается голос «мирного рыбака», качающегося на волнах в «утлом своём челноке». Поёт рыбак «про буйные дни Гетманщины, как резались ляхи с ватагой казаков, и с крымцами билась Сеча, а там по степям гайдамаки ходили!».

Такой синтетический образ Днепра отражает и русский взгляд на Малороссию в целом. В главных чертах этот об-

²¹⁶ Цит. по: *Супронюк О. К.* Указ. соч. С. 83–84.

²¹⁷ Цит. по: Там же. С. 84.

раз традиционен. Русь здесь — основа, неизменное, и потому неслучайно она сравнивается с «вечной» рекой; а казацкая Украина — это новое напластование и потому менее основательное, менее прочное. Недаром её олицетворяет мирный рыбак на «утлом челноке», плывущий по этой вечной реке — основанию. И её история, её песнь — уже тоже в прошлом.

И столь же традиционно для русского восприятия разнесение этих исторических периодов. «Какие две, *раздвинутые веками эпохи* сливаются здесь в один голос рыбака и реки, какой хаос событий и воспоминаний», — пишет Муравьёв (выделено мной. — А. М.). Но несомненно здесь и новое. То, что эти две эпохи оказались слиты в *одном* голосе, звучащем «под *одним* серебряным покровом лунной ночи, в виду... древних святилиц» Киева²¹⁸. И здесь чувствуется несомненное влияние Гоголя: и в том, что образ Днепра оказался связан с казаками и недавней историей края, и в почти прямых отсылках к гоголевской поэтике днепровских пейзажей.

В описании рек Гоголем (помимо Днепра, это Псёл, Голтва, а также мельком упомянутый, но близкий ему по семейной истории Днестр, по которому быстро несётся «гордый гоголь»²¹⁹) древний пласт истории, а также тандем Днепр — Киев как место действия далёких предков не присутствует. Днепр (или тот же Псёл) для него — это реальная река, но увиденная через призму личности автора и настроения его героев. Вот почему так много в его описании поэтических приёмов: гипербол, аллегорий, делающих образ рек романтическим.

«Любо глянуть с середины Днепра на высокие горы, на широкие луга, на зелёные леса! Горы те — не горы: подошвы у них нет, внизу их, как и вверху, острая вершина, и под ними и над ними высокое небо. Те леса, что стоят

²¹⁸ Муравьёв А. Н. Киев (в 1843 году). Киев, 1846. С. 6–7.

²¹⁹ См.: Звиняцковский В. Я. Указ. соч. С. 298–299.

на холмах, не леса: то волосы, поросшие на косматой голове лесного деда. Под нею в воде моется борода, и под бороною и над волосами высокое небо. Те луга — не луга: то зелёный пояс, перепопаявший посередине круглое небо, и в верхней половине и в нижней половине прогуливается месяц»²²⁰.

А вот уже не такое образное, скорее, чисто географическое описание в духе путевых заметок, но оттого не менее поэтическое. «В воздухе вдруг заохлодело: они почувствовали близость Днепра. Вот он сверкает вдали и тёмною полосой отделился от горизонта. Он веял холодными волнами и расстилался ближе, ближе и, наконец, обхватил половину всей поверхности земли. Это было то место Днепра, где он, дотоле спёртый порогами, брал наконец своё и шумел, как море, разлившись по воле, где брошенные в средину его острова вытесняли его ещё далее из берегов и волны его стлались широко по земле, не встречая ни утесов, ни возвышений»²²¹. Таким открывается Днепр Тарасу Бульбе и его сыновьям, когда они прибывают в Сечь.

И опять же здесь виден сам Гоголь. «По одному тону описания, по благоговению и восторгу, с каким Гоголь любит Днепром, можно угадать, что эта река, которой, по словам его, нет равной в мире, — не чужая ему, но течёт через его родину», — так передавал своё впечатление от гоголевских строк философ и литературный критик XIX века Н. Н. Страхов²²².

Вот они, благоговение и восторг: «Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои. Ни зашелхнет; ни прогремит. Глядишь, и не знаешь, идёт или не идёт его величавая ширина, и чудится, будто весь вылит он из стекла, и будто голубая зеркальная дорога, без меры в ширину, без конца в длину, реет и вьётся по зелёному миру. Любо тогда и жаркому солнцу

²²⁰ Гоголь Н. В. ПСС. Т. 1. С. 246. («Страшная месь».)

²²¹ Гоголь Н. В. ПСС. Т. 2. С. 61.

²²² Страхов Н. Н. Описание Днепра у Гоголя // Исторический вестник. 1902. № 2. С. 581.

оглядеться с вышины и погрузить лучи в холод стеклянных вод, и прибережным лесам ярко отсветиться в водах. Зеленокудрые! они толпятся вместе с полевыми цветами к водам и, наклонившись, глядят в них и не наглядятся, и не налюбуются светлым своим зраком, и усмеваются к нему, и приветствуют его, кивая ветвями. В середину же Днепра они не смеют глянуть: никто, кроме солнца и голубого неба, не глядит в него. Редкая птица долетит до середины Днепра! Пышный! ему нет равной реки в мире. Чуден Днепр и при тёплой летней ночи, когда всё засыпает — и человек, и зверь, и птица; а Бог один величаво озирает небо и землю и величаво сотрясает ризу. От ризы сыплются звёзды. Звёзды горят и светят над миром и все разом отдаются в Днепре. Всех их держит Днепр в тёмном лоне своём. Ни одна не убежит от него; разве погаснет на небе. Чёрный лес, униженный спящими воронами, и древле разломанные горы, свесясь, силятся закрыть его хотя длинною тенью своею — напрасно! Нет ничего в мире, что бы могло прикрыть Днепр. Синий, синий, ходит он плавным разливом и середь ночи, как середь дня, виден за столько вдаль, за сколько видеть может человечье око. Не жась и прижимаясь ближе к берегам от ночного холода, даёт он по себе серебряную струю; и она вспыхивает, будто полоса дамасской сабли; а он, синий, снова заснул. Чуден и тогда Днепр, и нет реки, равной ему в мире! Когда же пойдут горы по небу синие тучи, чёрный лес шатается до корня, дубы трещат и молния, изламываясь между туч, разом осветит целый мир — страшен тогда Днепр! Водяные холмы гремят, ударяясь о горы, и с блеском и стоном отбегают назад, и плачут, и заливаются вдали... Дико чернеют промеж ратующими волнами обгорелые пни и камни на выдавшемся берегу. И бьётся об берег, подымаясь вверх и опускаясь вниз, пристающая лодка»²²³.

Не с природы писал Гоголь эти строки. Не видел, как сыпались в Днепр звёзды и гляделись в его зеркальную гладь

²²³ Гоголь Н. В. ПСС. Т. 1. С. 268–269. («Страшная месть».)

полевые цветы. Но с такой художественной достоверностью описана им эта величественная река, что как будто видится и широкий разлив Днепра, когда вырывается он из каменного плена порогов, и дрожащая в его водах бархатная звёздная ночь, и волны-молоты, тяжело бьющие о берег, когда «рассердится старый Днепр» и «глотает, как мух, людей». И эта достоверность помогает прочувствовать силу и размах этой земли, в которой как бы отложилась её душа, могущая быть и безмятежно-спокойной, и лирической, и грозно-свирепой — как само её прошлое.

Днепр для Гоголя — это и место действия истории, только уже не древней, а казачьей. По нему плывёт на челне Данило Бурульбаш с товарищами из «Страшной мести»; по нему спускаются к Чёрному морю для набегов на турецкий берег запорожцы из «Тараса Бульбы»; там, где несёт он свои воды, бьются казаки с ляхами за православную Русскую землю. «Страшная месь», где и описан Днепр, стоит несколько особняком от остальных сочинений «Вечеров» — и по жанру, и по тематике. Но особенно она интересна тем, что именно в ней чётче всего отразились представления о пространственных очертаниях Малороссии и сопредельных с ней земель (в XX веке составивших Украину) и самого Гоголя, и той среды, из которой он вышел. А через его творчество — в немалой степени и российского общества.

Прежде всего, остановимся на названии. Для обозначения своей малой родины Гоголь в соответствии с общепринятыми в те времена нормами использует термины «Малороссия» и «Украина», причём первый из них количественно преобладает. Там, где речь идёт о современности (скажем, в «Старосветских помещиках», «Сорочинской ярмарке») или говорится об этой земле как о географической области или национальном организме, Гоголь пишет «Малороссия» (особенно это характерно для его писем, в том числе к родным). Там же, где речь идёт о временах казачьих (главным образом, в «Тарасе Бульбе» и особенно в «Страшной мести»), начинает встречаться «Украина», что укладывает-

ся в рамки традиции, идущей от казачьих летописей конца XVII — XVIII века и особенно «Истории Русов».

Вообще, место действия украинских повестей Гоголя — это именно Малороссия в узком смысле этого слова, то есть, территория бывшей Гетманщины. Это, кстати, характерно и для большей части украинских сюжетов других авторов того времени, в том числе малороссиян. Великороссов так же в наибольшей степени привлекает именно эта земля, и в немалой степени потому, что она прочнее других считается своей в историко-политическом отношении. К примеру, говоря о польско-русском противостоянии, Пушкин не исключает, что этот геополитический и культурный «спор» может зайти не только о судьбе Волыни и Литвы, но и о «наследии Богдана», то есть о Левобережье. Но если пространство от Западного Буга до Днепра в стратегическо-историософском плане видится из русских столиц открытым и беззащитным, то положение Малороссии представляется более прочным: её прикрывает собой «Русь» в лице Киева («Наш Киев дряхлый, златоглавый, Сей пращур русских городов») ²²⁴. Она — внутри Русского мира.

Именно Малороссия лучше всего изучена современниками, и в том числе Гоголем. Именно её пространство освоено писателем (реально и ментально) и предложено читателю наиболее полно и детально (здесь рассматривается только художественное творчество Гоголя, без его историко-публицистических работ). Как известно, показателем ментальной освоенности какой-либо территории является преобладание точечных объектов (городов, сёл) над линейными (горами, реками и т. п.) и площадными (такими пространствами-местностями, как, например, «Сибирь», «Кавказ», «Польша» и т. д.). Так вот, на страницах своих книг Гоголь упоминает почти все значимые города бывшей Гетманщины: Киев, Полтаву, Миргород, Нежин, Конотоп, Батулин, Гадяч, Глухов, Хорол, Ромны, Кремен-

²²⁴ Пушкин А. С. Собр. соч. в 10 т. Т. 2. С. 207.

чуг, причём многие неоднократно. А также Сорочинцы, Диканьку, где располагалось имение В. П. Кочубея, одного из высших российских сановников и правнука того самого казнённого Мазепой Кочубея, и массу безвестных «хуторов». В них живут, их посещают, их проезжают персонажи «Вечеров» и «Миргорода».

Удивительно, но соседняя Слободская Украина, уже в начале XIX века составлявшая почти что один мир с бывшей Гетманщиной, и до которой от имени Гоголей — Васильевки — было рукой подать, выпадает из поля зрения писателя. Почему? По-видимому, потому, что, в отличие от таинственной, окутанной казачьей спецификой гетманской Малороссии, Слобожанщина в политическом отношении изначально была «Россией». И пусть там жили те же хохлы (по крайней мере, значительная часть населения), пелись такие же песни, стояли такие же хаты, но разная политическая судьба регионов определяла и разное их восприятие. Весьма любопытную иллюстрацию этого восприятия можно встретить у Гребёнки, в его описании богомолки-паломницы — то есть уже по определению человека нездешнего, стороннего. «Вы, верно, не раз видели летом таких старушек, — обращается он к читателю, — они идут со всех сторон России поклониться святому граду Киеву». Откуда же, из какой «стороны России» шла эта старушка «в синей юбке, в *лаптях*, с посохом в руке, с кузовом и тыквою за плечами» (выделено мной. — А. М.)? Оказывается, аж «из самого Харькова»²²⁵!

Новороссия и Запорожье, представленные у Гоголя лишь самой Сечью и островом Хортица, — это царство неосвоенного пространства (степи), пограничная земля, простирающаяся далеко на юг, до Днепровского лимана, Крыма и Сиваша. Отчасти такой взгляд обуславливается

²²⁵ *Гребінка С. П.* Твори. Т. 1. С. 338. В рассказе облик паломницы приняла злая колдунья, чтобы обмануть главную героиню. Однако в данном случае это обстоятельство несущественно, поскольку на сам образ странницы-богомолки никак не влияет.

сюжетом и временем действия гоголевских произведений: во времена казачества земли эти действительно были Диким Полем.

Есть, правда, ещё одно небезызвестное упоминание Гоголя о Новороссии, причём применительно к другой эпохе, когда она уже активно осваивалась. Это Херсонская губерния, куда главный герой «Мёртвых душ», Павел Иванович Чичиков, якобы собирался выводить приобретённых им «крестьян». Но объект этот, во-первых, площадный, а во-вторых, учитывая весьма специфическую деятельность Чичикова, носит оттенок некоей полуполюгендарной страны. И даже «аида» — ведь до того, как эти земли были освоены и превратились в житницу России (с середины XIX века), условия жизни там были очень трудными. Переселенцы страдали от засух и саранчи, недостатка воды, тяжёлых санитарных условий, нередкими были эпидемии. Вполне «подходящее» место для поселения «мёртвых душ»!

Обследовавший этот регион российский чиновник Б. Б. Кампенгаузен в своём «Историческом обозрении Новороссийского края» (1816 г.) особо отмечал: «Жестокие лихорадки обыкновенно смертоносны между новыми поселенцами до тех пор, пока не привыкнут они к климату и особенно между переселенцами русскими. Есть помещики, кои в первые годы потеряли более половины их крестьян, приведённых ими из Малороссии, и почти всех, которые из России»²²⁶. На такие условия, на эту смертность как раз и рассчитывал Чичиков, затеявая своё «дельце».

Чуть лучше «знает» Гоголь Правобережье: это Канев, Черкассы, Немиров и Умань, через которую Тарас Бульба едет в Варшаву, надеясь спасти сына Остапа. Впрочем, Умань имеет черты если ещё не «чужого», то уж точно «другого» города — еврейско-польского местечка, где ка-

²²⁶ Цит. по: Кабузан В. М. Украинцы в мире. Динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века — 1989 год. Формирование этнических и политических границ украинского этноса. М., 2006. С. 149, 174–175.

зака Бульбу, по понятным причинам, подстерегает опасность. «Свой» мир видится Гоголем в пределах границ Малороссии-Гетманщины с редкими языками-анклавами в «степь» и на Правобережье, близкими в силу общей с ней казачьей истории. «Полукочующий угол Европы», «южная первобытная Россия» — так характеризует он те земли, где творилась украинская история, в «Тарасе Бульбе»²²⁷.

Но сквозь, казалось бы, общую казачью историю проступает разное историческое прошлое регионов. Даже у Гетманщины и Запорожья интересы различны. Характерен эпизод аудиенции запорожцев и примкнувшего к ним кузнеца Вакулы у Екатерины II из «Ночи перед Рождеством». Простодушный, но *честный* кузнец своим восхищением ножками царицы и её «черевичками» фактически сорвал все планы запорожской делегации, приехавшей просить государыню «не губить Сечь». И сам этот эпизод, и поступок «несознательного» Вакулы комментаторами из числа адептов украинства расценивается чуть ли не как «предательство Украины», как пример «прислужничества» местных людей перед Империей, ради своих корыстных целей («Оксан» и «черевичек») предававших «дело независимости Украины».

Впрочем, подобные обвинения эти люди бросают всем, кто не разделяет их антироссийско-националистическую точку зрения, и в том числе самому Гоголю. Здесь интересно другое: то, что, как правило, выпадает из поля зрения. А было ли у Вакулы (представителя той самой бывшей Гетманщины-Украины) и запорожцев что-то общее, помимо языка? Запорожцы, направляясь с бумагами в столицу, *проезжают через* его Диканьку. И это не просто констатация географических реалий. Запорожцы — это *свой*, но *другой* мир (недаром именно так они воспринимаются обитателями Диканьки и других местностей, где происходит действие «Вечеров»), мир, имеющий отношение к Украине, но не тождественный ей. «*Хитрый народ!*» —

---

²²⁷ Гоголь Н. В. ПСС. Т. 2. С. 46.

думает про них Вакула, когда запорожцы, прекрасно умея говорить по-русски, в разговоре с государыней нарочно переходят с грамотного языка на простонародный мужицкий («та спасиби, мамо!»). И точно так же цели запорожцев (сохранение самоуправления — ни о какой независимости они, как «верный народ», и не помышляют) для Украины в лице Вакулы не интересны и не так уж важны²²⁸.

И это лишь прямое, географическое понимание пространства Запорожья и Сечи и их взаимодействия с пространством Украины. А у Гоголя таких пониманий много больше²²⁹. Запорожье — это «другой» по отношению к Украине мир не только территориально или политически. Если Малороссия, олицетворяемая Диканькой или, скажем, хутором Тараса Бульбы, это «дом», то Сечь — его антипод, живущий другой жизнью, другими целями. Туда стекаются люди, по тем или иным причинам покинувшие «домашний» мир.

Так же, в соответствии с русским пониманием поля — степи, это ещё и мир, находящийся на границе жизни и смерти: как реальной («работа» Сечи — это война), так и метафизической, включающей в себя много нюансов. Недаром в восприятии жителями Диканьки запорожцев проскальзывает отношение к ним как к людям необычным, колдунам, то есть связанным с «тем светом». Так видится запорожский мир из украинского «дома». Но Сечь и сама — арена духовной борьбы²³⁰, где испытывается душа человека, где ему предстоит делать нелёгкий выбор между служением духовным идеалам и погоней за наживой, праздностью, мирскими удовольствиями — призрачными дарами «князя мира сего», ведущими в конце концов к смерти духовной и физической.

²²⁸ Гоголь Н. В. ПСС. Т. 1. С. 235–238. («Ночь перед Рождеством».)

²²⁹ О некоторых аспектах см., например: Невольниченко С. Мир и антимир Запорожья в повести Н. В. Гоголя Тарас Бульба // Вопросы литературы. 2008. № 4. Июль — август. С. 243–263.

²³⁰ Гоголь Н. В. Тарас Бульба... С. 492–493.

Особой заострённости этой духовной борьбы, как и борьбы жизни со смертью вообще, способствует то, что мир Сечи уже как бы вынесен за пределы границ света «этого». Запорожье — это ещё и *за-порожье*, где под *порогами* можно понимать не только реальные геологические объекты, но и границу «этого» и «того» света. И здесь тоже, как и в понимании поля — степи, обнаруживается параллель со «Словом о полку Игореве»: «О Русская земля! уже за холмом ты!»²³¹. Русь осталась «дома», по ту сторону «холма», а по эту русичей ждёт кровавый «пир», славная, но — смерть.

Но подобная метафизика имела под собой вполне земное происхождение: жизнь в «степи» и непрерывная война делали грань между бытием и небытием почти незаметной и легко преодолимой. К тому же проблема духовной брани к самому Запорожью имеет опосредованное отношение. Сечь выполняет иллюстративные функции: Гоголь использует её как модель, как зримый пример той великой «брани», которая свершается в мире с самого начала человеческой истории. И поэтому, говоря о пространственных образах, этот аспект запорожского мира можно оставить за скобками. Иное дело — его существование как мира «другого» по отношению к малороссийскому, о чём упоминалось выше.

«Степь» стала «Новороссией» — и запорожский мир-антипод просто не мог не исчезнуть, либо растворившись на «Украине» (пойдя по пути бывшего запорожца Пацюка), либо переместившись на новые границы, в новую «степь», за новые «пороги» и «холмы». Но и в этом случае его ждала трансформация, как это произошло и с другими подобными «мирами»: казачьими Доном, Волгой, Яиком. «Домашний мир» (олицетворённый Россией) расширился, и географическое, политическое, смысловое расстоя-

---

²³¹ Слово о полку Игореве // Русская литература XI–XVIII вв. М., 1988. С. 65, 67.

ние между ним и этими мирами размывалось и исчезало, теряя черты *своего, но другого* и теперь уже полностью становясь *своим*. И если уж продолжать аналогию (разумеется, условную), то Малороссия-Украина, в лице Вакулы как представителя «домашнего мира» Диканьки, к исчезновению запорожского «другого» мира приложила усилия не меньшие, чем Петербург в лице Екатерины II и знаменитого Г. А. Потёмкина.

Но вернёмся к прямому, политико-географическому пониманию Гоголем пространства Малороссии. Если уж у Запорожья можно различить черты очень близкого, своего, но *другого* мира, то что уж говорить о землях, лежащих на запад от тех мест, где творилась казачья история. Их очертания, с одной стороны, носят весьма расплывчатый характер, но с другой — их образ довольно конкретен: это уже *чужой* мир. Даже само Правобережье видится Гоголю, человеку первой половины XIX века (причём в обеих своих ипостасях — и как малороссу, и как россиянину), как «Польша». А между тем именно Правобережье близко ему по семейной истории (реальной или полупоэтической, в данном случае не столь важно)²³². Волынский город Дубно (древнерусский Дубен), который осаждают казаки в «Тарасе Бульбе», — это уже вполне та самая Польша с готическими костёлами, польским рыцарством и католическими монахами, где нет и следа «своих», будь то казак или православный русский человек вообще.

А вот как Гоголь описывал это пространство в «Страшной мести». «Далеко от Украинского края, проехавши Польшу, минуя и многолюдный город Лемберг, идут рядами высоковерхие горы» — набрасывает он ментальную карту той земли, которую мы ныне понимаем как «Украину»²³³. Горы эти — Карпаты, Лемберг — это главный город древней Галицкой земли Львов. Давая ему нерусское название

²³² Как полагают исследователи, в «Тарасе Бульбе» присутствует немало отсылок к ней. См.: Звиняцковский В. Я. Указ. соч. С. 296–302.

²³³ Гоголь Н. В. ПСС. Т. 1. С. 271.

(а историческое название Гоголь, несомненно, знал и даже одно время планировал посетить город), он как бы подчёркивает «не-свой», «чужой» характер этой земли. Уж если Правобережье названо им «Польшей», то что уж говорить о том, что находится за ним. И живёт там, в Галиции, особый, «галицкий», народ. Такой же особый, как и венгерский, от которого отделяют его тёмные Карпаты.

Весьма показательной для понимания и гоголевских взглядов, и умонастроений тогдашнего малороссийского общества является ремарка, сделанная им мимоходом по поводу галицких народных песен: «между ними есть множество настоящих малороссийских»²³⁴. То есть Галиция и галицкие русины виделись тогда малороссиянам чем-то внешним, вроде бы и близким, но одновременно не вполне своим (как на рубеже XVIII–XIX веков виделась в России Малороссия).

Да, Гоголь «ощущает», что пространство к западу от Днестра и до гор составляет некое общее целое. Колдун, которого высшей силой несло в Карпаты, чтобы там свершилась над ним та самая страшная месть, трепещет перед ней, хотел бы «весь свет вытоптать конём своим, взять всю землю от Киева до Галича, с людьми, со всем, и затопить её в Чёрном море» (заметим, что Малороссия не была вписана в это подлежащее уничтожению пространство). Знает Гоголь и то, что живёт там народ русского корня, свои: «Ещё до Карпатских гор услышишь русскую молвь, и за горами ещё, кой-где, отзовётся как будто родное слово»²³⁵.

Такой пространственный образ — не плод «ошибок» Гоголя в географии или незнания им истории. Наоборот, набросок дан очень верно. Гоголь вообще высоко ценил географию и считал её изучение одним из важнейших условий не только познания мира и своего Отечества, но и становления мыслящей личности вообще. Знал он, как выглядит

²³⁴ Гоголь Н. В. ПСС. Т. 10. С. 292.

²³⁵ Гоголь Н. В. ПСС. Т. 1. С. 272. («Страшная месть».)

черноморская береговая черта, как расположены Карпатские горы; точно (для знаний тех лет) описаны им западные этнические границы русского (в широком смысле этого слова) ареала — вплоть до Закарпатья. Это и немудрено, ведь первыми директорами нежинской гимназии были именно карпатские русины: В. Г. Кукольник (отец соученика Гоголя и очень популярного в те годы писателя Нестора Кукольника) и И. С. Орлай, в числе ряда других своих земляков переселившиеся в начале XIX века из Австрии в Россию и поступившие на русскую службу.

Иван Семёнович Орлай (1770–1829 гг.) увлекался историей своего края, и уж, конечно, его подопечные не могли не знать о ней. В 1804 году в журнале «Северный вестник» Орлай опубликовал свою статью «История о карпатороссах» — первую в России работу о прошлом Карпатской земли. Он же ввёл этноним «карпаторосс», закрепившийся в России, а затем и на самом Закарпатье, стремясь тем самым подчеркнуть национальное и культурное единство своих соплеменников с Русским миром и Россией — «древним отечеством своим». «Отгороженные в смутные времена от матери своей России россияне населяют из древних времён Карпатские горы... Яко ветвь, отсечённая от древа своего, хотя и были они пренебрегаемы несколько веков, и даже летописателями русскими оставлены в забвении; но одушевляясь чувствованием изящного своего начала и величием народа, коего суть отрасль... прославляли имя россиян», — писал об этом Орлай²³⁶.

Взгляд на Россию как на свою историческую родину, а на жителей Северной и Южной (и в том числе Карпатской) Руси как на две части одного русского народа, был общим

²³⁶ Орлай И. С. Записка гоф-хирурга Орлая о некоторых карпаторусских профессорах, поданная попечителю Петербургского учебного округа Н. Н. Новосельцеву. Цит. по: Пашаева Н. Карпаторусские интеллигенты в России в первой половине XIX века. Орлай, Балугьянский, Лодий, Кукольник, Венелин // Русин. 2008. № 3–4 (13–14). С. 131.

местом в мировоззрении подавляющей части карпаторусской интеллигенции. В том числе тех её представителей, которые переселились в Россию и оставили заметный след в российской науке и образовании. Вот потому-то и знал Гоголь, что «и за горами ещё, кой-где, отзовётся» русское слово. Кстати, само название Карпатских гор он даёт в его местном произношении: не во множественном «Карпаты», а в единственном — «Карпат».

Знал Гоголь и историю края. Ведь в «Страшной мести» он фактически изложил те представления о «своём» и «не своём» мире, которые бытовали среди вчерашней казачьей старшины, а ныне малороссийского дворянства²³⁷. Взгляды эти вполне верно отражали культурную реальность своего времени, когда Правобережье с Волынью, не говоря уже о Галиции, являло собой сильно ополяченный и обращённый в унию край. И хотя память о том, что те земли некогда составляли общее с Малороссией историческое и культурное пространство, занимала важное место в коллективном сознании этой социальной группы, их прежняя политическая принадлежность и культурный облик просто вынуждали воспринимать их как «Польшу» или же как что-то не вполне «своё».

Очень характерно, что такие взгляды были распространены ещё в 1840-е годы, причём среди тех представителей малороссийского общества, которые придерживались украинофильских настроений и, казалось бы, должны были рассматривать Левобережье и Правобережье как одно целое — «Украину». В этом отношении показательны мировоззрение членов Кирилло-Мефодиевского общества, тайной политической организации (декабрь 1845 — январь

---

²³⁷ Лукашова С. С. Региональная структура украинских земель в представлении казацкой старшины во второй и третьей четверти XVIII в. // Белоруссия и Украина. История и культура. Ежегодник. 2003. М., 2003. С. 199–201; Она же. Культурное пограничье: «свои» и «чужие» в казацком летописании XVIII в. // Регионы и границы Украины в исторической ретроспективе. М., 2005. С. 36–41.

1847 г.), с которой и начинается украинофильское (украинское) движение как таковое.

Участники организации, а это были в основном представители дворянской молодёжи Левобережья, своей главной целью считали создание независимой Украины. Хотя одновременно они выступали и за создание союза славянских республик (одной из которых и должна была стать Украина) — отчасти искренне, отчасти для маскировки своих сепаратистских целей. Впрочем, понимание ими «Украины» было нечётким. С одной стороны, они считали украинский (или, в другом варианте, южнорусский) народ единым и самостоятельным и под Украиной понимали и Левобережье, и Правобережье. Но с другой — всё ещё продолжали ощущать разделявшую его культурную границу, уже полвека как переставшую быть политической. «Жители Украины обеих сторон Днестра», говорилось в одном из главных программных материалов организации, составленных Н. Костомаровым, одним из его лидеров и вдохновителей Кирилло-Мефодиевского общества²³⁸.

И именно эта граница на деле оказывалась для них более осязаемой и важной, нежели декларируемое единство «украинского народа». Тот же Костомаров в автобиографии свидетельствовал, что в будущем славянском союзе (а его основой должна была послужить Россия, которая превращалась в федерацию четырнадцати слабо связанных между собой государственных единиц — штатов), не предусматривалось создание единой Украины. Тогда как, скажем, белорусские земли должны были составить отдельную единицу. Вместо неё предполагалось создание двух малороссийских штатов, очевидно, с границей по Днепру: западного (с Галицией) и восточного²³⁹.

²³⁸ Кирило-Мефодіївське товариство. У 3 т. Сб. док. Т. 1. Київ, 1990. С. 150–151, 168, 170.

²³⁹ Зайончковский П. А. Кирилло-Мефодиевское общество (1846–1847 гг.). М., 1959. С. 85–86, 89, 90, 143.

Аналогичным образом смотрело на западные приобретения екатерининских времён и русское общество, тем более что вплоть до 1830-х годов над этими землями действительно в основном витал польский дух. И хотя интерес к ним и их населению (научный и практическо-политический) постепенно рос, он не шёл в сравнение с тем вниманием, которым пользовалась «старая» Малороссия. Лишь польское восстание 1831–1832 годов заставило правительство пересмотреть это положение и приступить к деполонизации Юго-Западного края (Правобережья, Подолья и Волыни).

Как уже отмечалось, неестественность их оторванности от Русского мира ясно сознавалась обществом. И в дополнение к историческим подтверждениям русскости этих земель, чем дальше, тем больше начинали привлекаться аргументы иные. Так, описывая народный поток, идущий к киевским святыням со всех концов Русской земли, А. Хомяков отмечал в нём зияющую брешь:

Братцы, где ж сыны Волыни?
Галич, где твои сыны?

Их нет, эти дети Руси отторгнуты от неё:

Меч и лесть, обман и пламя
Их похитили у нас:
Их ведёт чужое знамя,
Ими правит чуждый глас!²⁴⁰

Впрочем, Хомяков верил, что их ждёт возрождение и возвращение в лоно православной Руси. И состоявшаяся в том же году, что было написано стихотворение, отмечена унии отчасти (в религиозном аспекте данной проблемы) вселяла на это надежду. Но со временем становилось

---

²⁴⁰ Хомяков А. С. Указ. соч. С. 38–39.

всё ясней, что только средствами церковными проблема «возвращения» оторванных от Руси её «сынов» не может быть исчерпана. На первый план начал выступать вопрос о национально-культурной идентичности населения этих регионов. И те, кто «похитил» их у Руси, прекращать давний «спор» не собирались. Борьба за эти земли была невозможна без ответа на вопросы, чьи же они «по национальности»: русские или польские, какой народ живёт в них, какое отношение к этому краю и его народу имеет малороссийская казачья история.

Аргументация Хомякова носила скорее религиозный характер, хотя за ней вполне видна этно-национальная составляющая — взгляд на жителей Правобережья, Волыни, Галиции как на русский народ. Вспомним, что чуть ли не впервые в отечественной традиции национально-языковая аргументация принадлежности этих земель к Русскому миру (вкуче с религиозной) была сделана декабристами (в частности, Пестелем и Рылеевым), что особенно заметно при её сопоставлении с традиционно-историческими аргументами Карамзина, изложенными в те же годы. Но всё же ведущую роль национальные аргументы начнут приобретать лишь с середины века. И тем знаменательнее, что Гоголь, описав это пространство как поле, где звучит «русская молвь», уже в начале 1830-х прибегнул к новой системе аргументации и пусть и мимоходом, но вполне ясно дал на указанные вопросы однозначный ответ.

Но сердцем всей этой земли великороссами и малороссами считалась именно Малороссия, лучше всего описанная и освоенная. Именно её образ будет постепенно распространяться на другие южнорусские территории, и в первую очередь на Правобережье.

Глава VI Восприятие публики

Итак, созданный Гоголем образ Малороссии был ярким и запоминающимся. Писатель подхватил те направления, что уже разрабатывались литературой, развил и упрочил те взгляды и представления об Украине, которые начали складываться в русском сознании ещё раньше (о цветущем и певучем южном крае, населённом колоритным народом и с казачьей исторической спецификой). Чуть позже, в 1840-е годы, этот образ в сжатом, почти что кристаллизованном виде, был запечатлён Алексеем Толстым в стихотворении «Ты знаешь край». В нём есть всё, начиная со знакомого образа народа:

И парубки, кружась на пожне гладкой,
Взрывают пыль весёлою присядкой!..
И в Божий храм, увенчаны цветами,
Идут казачки пёстрыми толпами.

Отражена в его строках и малороссийская природа: там

...нивы золотые
Испецурены лазурью васильков,
Среди степей курган времён Батыя,
Вдали стада пасущихся волов...

Присутствуют в них и воспоминания о казачестве, его борьбе за веру и «права» (уже цитировавшиеся выше). А если вспомнить, что в изначальном варианте стихотворения были строфы о древнерусском периоде:

...где Святослав к дружине рек своей:
 Умрём за честь, погибнем за Россию,
 Бо срама нет для тлеющих костей,

и о победе Петра Великого над «гордым шведом», то исторический образ этой земли оказывается абсолютно полным. Да и вообще, всё это было очень и очень знакомо. И на вопрос поэта:

Ты знаешь край, где всё обильем дышит,
 Где реки льются чище серебра,
 Где ветерок степной ковыль колышет,
 В вишнёвых рощах тонут хутора,
 Среди садов деревья гнутся долу
 И до земли висит их плод тяжёлый?²⁴¹

русский читатель с полным основанием мог ответить: «да, конечно знаю!» Ведь этот образ уже давно стоял перед его глазами.

Понятно, что изображённая Толстым картина этого прекрасного безоблачного края во многом была навеяна детскими воспоминаниями: это та страна детства, в которую он так бы хотел, но уже никогда не сможет вернуться. Но вместе с тем этот идеальный мир — ещё и отражение представлений о нём русского общества, начиная с литературы путешествий и заканчивая блестящими повестями Николая Гоголя и его картинами прекрасной Малороссии, тоже во многом пребывающими в рамках общей парадигмы.

Творчество Гоголя вобрало в себя предыдущий литературный опыт. Скажем, бурсацкого быта, нравов Запорожья или поглощённых страстью к сутяжничеству уездных малороссийских помещиков ещё раньше касался Нарезный, фольклорно-фантастических и бытовых сюжетов — Сомов. Да и в названии гоголевских «Вечеров» прослеживается пря-

²⁴¹ Толстой А. К. Указ. соч. Т. 1. С. 60, 322.

мая параллель с рассказами Перовского — Погорельского. Впрочем, мотив «вечеров» в литературе того времени был вообще очень популярен²⁴². Кроме сочинений Погорельского и Гоголя можно вспомнить песенно-стихотворный сборник «Вечера» (1774 г.), «Деревенские вечера» Н. Карамзина (1787 г.), «Вечерние часы, или Древние сказки славян древлянских» В. Лёвшина (1787–1788 гг.), «Славенские вечера» В. Нарезного (литературные вариации на тему Древней Руси, 1809 г.), «Сельские вечера» А. Буниной (1811 г.), «Вечера на Хопре» М. Загоскина (1834 г.), «Святочные вечера, или Рассказы моей тётушки» Н. Билевича (1836 г.). Вечер — время отдыха после трудового дня — подразумевал задумчивость, неспешный разговор в кругу друзей, в том числе о вещах необычных. Ведь вечер — это плавный переход к таинственной ночи.

Несомненно и фольклорное воздействие: многие образы «Вечеров» — цыган, казак, мужик, чёрт, баба — встречались в народном вертепном театре. Сильное влияние на характер ранних гоголевских произведений оказали другие люди, в частности товарищи по гимназии и прежде всего один из самых близких его друзей, Герасим Высоцкий. Первый биограф Гоголя П. А. Кулиш указывал, что «товарищи их обоих, перечитывая «Вечера на хуторе» и «Миргород», на каждом шагу встречают слова, выражения и анекдоты, которыми г. Высоцкий смешил их ещё в гимназии»²⁴³.

Также надо помнить, что гоголевские сочинения не «закрыли» тему живописания Малороссии. Более того, они вызвали новый всплеск интереса к ней — и у читателей, и у литераторов. Фольклорно-этнографические, исторические и демонологические сюжеты были широко представлены на страницах книг и журналов того времени²⁴⁴. В моду даже входят некоторые гоголевские слова и выражения, ну

²⁴² Манн Ю. В. Указ. соч. С. 214–215.

²⁴³ Цит. по: Супрунюк О. К. Указ. соч. С. 11.

²⁴⁴ Заславский И. Я. Указ. соч. С. 70, 105–109.

а фразы «Есть ещё порох в пороховницах?» и «Терпи, казак, атаман будешь» из «Тараса Бульбы» вообще ушли в народ. Среди этой литературы были произведения и просто типологически общие с гоголевскими, причиной чему вкусы и настроения эпохи; и те, что появились под непосредственным впечатлением от его сочинений (в их числе даже ряд произведений Сомова, появившихся после «Вечеров»); и подражательные. Например, такой характер носили некоторые работы одного из соучеников Гоголя (и притом одарённого литератора) Е. Гребёнки, которого тот даже просил перестать ему подражать²⁴⁵.

Всё это говорит о том, что Гоголь не просто «попал в струю», но и вложил в этот образ много нового, своего, неповторимого. Это было явление. Его талант создал совершенно особый мир, так поразивший читателей и любившийся им. «Все обрадовались этому живому описанию племени поющего и плящущего, этим свежим картинам малороссийской природы, этой весёлости, простодушной и вместе лукавой», — отзывался о «Вечерах» Пушкин, выражая одновременно и общее мнение русской читающей публики. «Вот настоящая весёлость, искренняя, непридуманная, без жеманства, без чопорности»²⁴⁶.

Любовь, с которой писатель воспевал родной край, легко и ненавязчиво заставила полюбить эту землю и его читателей-великороссов. «Поэтические очерки Малороссии, очерки, полные жизни и очарования», — так охарактеризовал работы Гоголя Виссарион Белинский²⁴⁷. А как поразило его описание степей! А ведь именно литературный критик Белинский, к чьему слову внимательно прислушались и его единомышленники, и оппоненты, провозглашает Гоголя главой русской литературы ещё при жизни самого Пушкина!

²⁴⁵ Супронюк О. К. Указ. соч. С. 143.

²⁴⁶ Современник. 1836. Т. 1. С. 312; Манн Ю. В. Указ. соч. С. 231.

²⁴⁷ Белинский В. Г. ПСС. Т. 1. М., 1953. С. 301.

Под обаяние попали и сами малороссы. Максимович вспоминал, что Гоголь «заставил смеяться весь читающий Русский мир» и «смех (по контексту — весёлость. — А. М.), возбуждённый 20-летним Гоголем, был всеобщий, не зависимый от знания или незнания Украины читателями»²⁴⁸. Даже многие уроженцы Украины открывали её для себя через Гоголя. Так, В. И. Любич-Романович, тоже выпускник нежинской гимназии, чиновник, поэт и переводчик, позже вспоминал, что именно Гоголь открыл им «мир Малороссии описанием быта полтавских однодворцев и украинских казаков», передавая его в том числе при помощи своего образного языка, где в русскую речь были вкраплены малорусские слова и обороты²⁴⁹. Кстати, эти последние придавали произведениям Гоголя тот неповторимый шарм, который так нравился российской читающей публике.

Кто-то «открывал» для себя Малороссию, кому-то было приятно, что его малая родина засверкала всеми красками в самом зените русской литературы. «Гоголь-Яновский мне особенно по сердцу, — писал поэту Н. М. Языкову (с которым впоследствии Гоголь был в дружеских отношениях, высоко ценя его стихи) видный чиновник и литератор В. Д. Комовский, — не говорю уже (я хохол по происхождению, хотя ничего малороссийского никогда не видал и не знаю) — не говорю о родственной привязанности ко всему малороссийскому и Малороссии, которая, вы согласитесь, есть самый поэтический член России и в географическом, и в историческом отношении»²⁵⁰. Эти слова — классический пример того, как действует однажды выработанный образ: Малороссию он не видел и не знает, но считает «самым поэтическим членом России» и судит о ней по гоголевским повестям!

²⁴⁸ Максимович М. А. Оборона украинских повестей Гоголя // Литературный вестник. 1902. Т. 3. Кн. 1. С. 105.

²⁴⁹ Супронюк О. К. Указ. соч. С. 125.

²⁵⁰ Цит. по: Манн Ю. В. Указ. соч. С. 250.

Подвергались сочинения Гоголя и критике. Так, некоторые указывали на встречавшиеся у него этнографические несообразности: тут как раз давало о себе знать восприятие малороссийской тематики как чего-то сугубо этнографического. А издатель «Московского телеграфа», историк и литератор Николай Алексеевич Полевой (1796–1846 гг.) писал, что в «Вечерах» «много прелестных подробностей, которые принадлежат явно народу», но упрекал молодого писателя в желании «подделаться под малоруссизм» и даже заявлял: «Вы, сударь, москаль, да ещё и горожанин»²⁵¹.

Конечно, Гоголь был «горожанином» и, в общем, «подделывался» под местный колорит. Но литературу тогда представляли именно «горожане» (в том числе и малороссы), которые если и бывали в деревне, то проездом или смотрели на её жизнь с высоты (социальной и ментальной) помещичьих усадеб. И в этом взгляд Гоголя не слишком отличался от взгляда «горожанина»-великоросса. Точно так же ничего зазорного не было в том, что Гоголь стал работать на модном направлении, которое он к тому же по своему опыту понимал и чувствовал лучше многих других, что подтверждали люди, сами не понаслышке знавшие Малороссию. Так, по словам Сомова, «черты народные и поверия малороссиян» Гоголем были «выведены верно и занимательно», да и вообще он «человек с отличными дарованиями и знает Малороссию как пять пальцев; в ней воспитывался...»²⁵². Но журнальная полемика шла только на пользу делу осмысления образа Малороссии.

Не менее значительным следствием, которое произвели «украинские» повести Гоголя на читающую публику, стало то, что он силой своего таланта немало способствовал закреплению в русском сознании образа Малороссии и малороссов как «своих». А вместе с тем и укреплению отношения к России и русским как к «своим» у малороссов. Как при-

²⁵¹ Московский телеграф. 1831. Ч. 41. № 17. С. 94, 95.

²⁵² Русский филологический вестник. 1908. Т. 60. Вып. 2. № 4. С. 317, 322.

мер такого, уже подспудного, отношения можно привести слова малороссиянина Сомова, который так отозвался о сборнике украинских песен Максимовича: «Наперёд поздравляю любителей и любительниц народной русской музыки с сим богатым приобретением»²⁵³. Аналогичных взглядов придерживался и сам Гоголь. Критика подчёркивала общерусское значение его произведений. Был признан не только его талант, «но было признано и нравственное единение двух отраслей русской народности»²⁵⁴, что оказалось особенно актуально на фоне польского восстания 1830–1831 годов, сильно повлиявшего на национальное самоощущение российского общества.

В Малороссии увидели черты своей национальной сущности, которую «подзабыли» или «подрастеряли» на пути к «цивилизации» (как это произошло и с «передовыми» европейцами по сравнению с кельтами, греками и итальянцами с их «первобытной» народностью-этничностью), или же посчитали это местным вариантом русскости вообще. «Элементы собственно русского характера до сих пор остаются неуловимы», — писал в своей рецензии на «Вечера» сотрудник «Северной пчелы» В. А. Ушаков (выражая и мнение своего начальника Ф. Булгарина), а «малороссияне имеют свою особенную физиономию, или, по крайней мере, живо помнят оную», сберегая предания, наивность и «запорожский юмор». Кстати, этот юмор, как и «певучесть», русское общество и очень многие на самой Украине считали одной из главных черт национального характера этого «поющего и плящущего» племени. То есть, резюмировал журналист, сохраняют ту простоту, «от которой так далеко уклонились мы»²⁵⁵.

Кстати, увлечение великороссами «всем малороссийским», которое имело место в первые десятилетия XIX века,

²⁵³ Данилов В. В. О. М. Сомов, сотрудник Дельвига и Пушкина (эпизод из истории русской журналистики) // Сын Отечества. 1827. Ч. 115. С. 404.

²⁵⁴ Пытин А. Н. Указ. соч. Т. 4. С. 484–485.

²⁵⁵ Северная пчела. 1831. № 219, № 220.

в немалой степени объяснялось как раз стремлением сбегать эти малороссийские — а значит, и русские — черты народности, мало-помалу исчезающие «под шлифовкою общего просвещения»²⁵⁶. Слово «народность» здесь употреблено не как существительное, в значении «народ» (то есть в более позднем его истолковании), а в его первоначальном смысле, как прилагательное: как объясняющее свойство предмета (по аналогии с «цветностью», «электропроводностью» и т. п.). *Народность* как принадлежность и характеристика *народа*. Уже потом, в середине и особенно во второй половине века, взгляд на народность в России постепенно будет меняться, а просвещение станет пониматься не как что-то денационализирующее и космополитическое, противостоящее той самой народности, а как неременный атрибут и условие «национализации» этнических коллективов, их превращения в нации (в том числе и русскую). Новые внешние и внутренние вызовы заставят по-иному осмысливать и весь русско-малороссийский контекст.

А то, что «элементы собственно русского характера» журналисты считали пока неуловимыми, вполне объяснимо. Это, с одной стороны, был взгляд «изнутри» этноса (трудно увидеть здание и отличить его от других, находясь внутри него). А с другой — взгляд человека из европеизированного общества («очужеземленного», по словам самого автора статьи, или «объиностранившегося» — по словам Гоголя). «Открытие» великорусской народной культуры только набирало обороты. Знакомство с малорусской народностью (то есть этничностью) помогало увидеть и собственно великорусские черты. А также понять, что в облике и культуре великороссов и малороссов было различным, а что близким, отличающим их от других народов (например, поляков) и делающим частями одного Русского мира. Основное настроение после знакомства с повестями Гоголя

---

²⁵⁶ Сын Отечества. 1824. Ч. 97. С. 37–38. Рецензия на роман В. Нарезного «Бурсак».

сводилось как раз к тому, что в малорусскости стали видеть проявления национальной русской природы.

Ещё Карамзин в своей «Истории» рассматривал Русь-Россию как триединство русских племён-народностей. В этом он следовал всей предыдущей отечественной (московской и западнорусской) интеллектуальной традиции. И в частности, знаменитому «Синописису», который в 1674 году был написан ректором Киево-Могилянской коллегии, архимандритом Киево-Печерской лавры Иннокентием Гизелем и на целое столетие стал российским учебником истории. В нём эта концепция единого русского народа была подытожена и представлена наиболее полно и последовательно²⁵⁷.

Не всё русское общество, особенно «открыв» Малороссию, автоматически было готово считать русским бывший «казачий народ». И. Долгорукий остро ощущал разницу между близкими ему великороссами и малороссиянами, в большинстве случаев отдавая преимущество первым. «Нет, всё мне чужое за областью той, в которой я родился», — восклицает князь, относя к таким «чужим» областям Курляндию, Украину и Вятку. «Другие избы, другой язык, другие люди», — констатирует он, покидая «область хохлов» и въезжая в Орловскую губернию²⁵⁸. У малороссов «язык, одежда, облик, лица, быт жилища, поверья — совершенно не наши!» — вторит ему в «Московском телеграфе» Николай Полевой. На этот край он смотрит как на что-то чуждое: «Малороссия, не сделавшись донине Русью, никогда и не была частью древней Руси, точно так же, как Сибирь и Крым»²⁵⁹.

То, что Крым тогда не воспринимался как русская земля (хотя именно там принял крещение князь Владимир), было абсолютной правдой. Долгое время Крым для Руси — смертельно опасный противник, часть враждебного «ор-

²⁵⁷ Мечта о русском единстве. Киевский синописис (1674). М., 2006.

²⁵⁸ Долгорукий И. М. Путешествие. С. 55, 191–192.

²⁵⁹ Цит. по: Манн Ю. В. Указ. соч. С. 244.

дынского мира». После присоединения к России его образ меняется. Крым становится Тавридой — так на древний манер предпочитали тогда называть полуостров. Таврида воспринималась как уникальный регион, в котором соединяется несоединимое: татарская «Азия», античность (образ которой Россия усиленно поддерживала, например давая новым городам греческие по форме названия) и романтическая живописная «Италия», олицетворяемая Южным берегом. По мере освоения полуострова постепенно начнёт «проступать» ещё один мир, по времени расположенный между «античностью» и «Азией»: его дотатарское христианское прошлое. И уже потом Крым станет всероссийским курортом и русской этнической территорией. Но даже не это, а две войны, Крымская и Великая Отечественная, и две героические обороны его сердца — Севастополя делают Крым русским. Омытый кровью русских воинов (всех национальностей, но *русских* потому, что стояли за *Россию*), покрывший себя неуязвимой славой, символ стойкости и героизма — Крым навсегда станет *русской землёй*, заняв в русском сознании особое, священное место²⁶⁰.

²⁶⁰ И такой образ Крыма и Севастополя — это уменьшенный образ самой России. Их потеря — это потеря Россией самой себя. Вот почему русское сознание (и малорусское как его составная часть, для которого Малороссия, Россия, Крым — это единое пространство) никогда не смирится с этой утратой и будет относиться к их пребыванию в другом государстве (любом, но в настоящий момент — украинском) как к исторически несправедливому и временному.

Для украинского же сознания (ещё раз подчеркнём: не малорусского, а именно украинского) ни Крым, ни Севастополь никакой символической нагрузки не несут и даже не рассматриваются как «свои», как эмоционально связанные с «Украиной». Более того. Несмотря на демонстративное прокламирование украинскими националистами и властями этой страны «украинскости» Крыма (что уже само по себе говорит о том, что он таковым не является), именно они лучше других сознают его чуждость для Украины — как реально-политической, так и для её идеи.

Для украинства Крым и Севастополь — это «чужое», это «Россия», это тот кусок, который оно не в состоянии проглотить, но от которого не желает отказываться. Ведь главным для его адептов (и того

Сибирь, понятное дело, «древней Русью» никак не являлась. Она могла стать и становилась русской землёй, лишь будучи заселённой и освоенной русскими (кстати, сам Полевой по рождению был сибиряк). То же самое можно сказать и о Вятке, давно ставшей русской этнической территорией. В случае же с Малороссией дело заключалось в том, насколько важными и непреодолимыми считались этнографические различия между великороссами и малороссами и насколько широко понималась русскость. Самое широкое и наиболее верное её понимание, при котором различия отходили на второй план, могло быть достигнуто при сравнении этих русских «племён» с другими народами. Тот же Долгорукий сразу забывал про непохожесть хохлов и великороссов, лишь только речь заходила об их сопоставлении с поляками. «Киевская губерния... населена вся русскими обывателями», — говорит он, опровергая польские претензии на этот край, и под «русскими обывателями» имея в виду, естественно, малороссов²⁶¹. Не случайно, что острее всего эта общность ощущалась в иноэтническом окружении. Именно в Европе Гоголь увидел Россию во всём её величии и прочувствовал, что общего у великороссов и малороссов больше, чем различий.

Полевой понимал русскость в её узком смысле — как великорусскость. Он оставлял за Малороссией возможность

государства, которое в качестве своего идеологического фундамента использует идеологию украинства) являются отнюдь не геополитические или экономические выгоды от обладания полуостровом, а страх за собственный национальный проект. Отказаться от Крыма — значит, признать свою слабость, признать невозможность победить общерусскую идею (сначала в этом регионе, а потом, возможно, и в других), признать духовное (и не только) поражение от столь не любимой ими России.

Здесь, в вопросе о Крыме, воочию проявляются все психологические комплексы, присущие украинству и привитые им Украине как государству. И такая позиция лишь усугубляет проблему, нанося вред, прежде всего этой государственности и даже самому украинскому проекту. Но которая всё равно рано или поздно будет разрешена.

²⁶¹ Долгорукий И. М. Путешествие. С. 150.

стать «Русью», но для этого ей было необходимо избавиться от того, что не являлось, в его понимании, русским. Но если присмотреться, то даже в этом подходе, на первый взгляд отрицающем тождество малороссов и великороссов, заключён взгляд на Малороссию как на «свою» и, в общем, «русскую»: никому (и Полевому в том числе) и в голову не пришло бы начинать дискуссию о том, является ли «Русью» Польша или, скажем, Лифляндия.

Пример с Полевым показывает, что полного единодушия в русском обществе по вопросу о том, насколько сильна в малороссах русскость или насколько может сохраняться известная доля культурно-этнической специфики разных частей Руси, не было. Но тех, кто считал, что это разные миры, было явное меньшинство. В основном же на Малороссию смотрели как на часть Русского мира. Только кто-то, как Белинский, в этой этнической специфике (и даже не столько в ней как таковой, сколько в её постоянном педалировании, зацикленности и самих малороссов, и великороссов на «этническом колорите») видел помеху на пути дальнейшего культурного и общественного развития, и в первую очередь, самого малороссийского населения. Вот почему «важный шаг вперёд со стороны таланта Гоголя» Белинский усматривал в том, что в «Мёртвых душах» тот «совершенно отрешился от малороссийского элемента и стал русским национальным поэтом во всём пространстве этого слова»²⁶². Другим же эта этническая специфика, наоборот, нравилась как увеличивающая многоцветье Русского мира. Или же эти люди считали, что со временем она сама отойдёт в прошлое и потому не стоит форсировать события.

Был и ещё один интересный аспект восприятия Малороссии как мира, немножко «во вне», аспект, как нельзя лучше характеризующий и российское общество, и его взгляд на Украину. И неудивительно, что озвучил его такой неординарный человек, как Александр Иванович Герцен

²⁶² Белинский В. Г. ПСС. Т. 6. М., 1955. С. 218–219.

(1812–1870 гг.). Высказавшись о повестях Гоголя как о серии «подлинно прекрасных картин, изображающих нравы и природу Малороссии, — картин, полных весёлости, изящества, живости и любви», он добавил: «Подобные рассказы невозможны в Великороссии». «У нас народные сцены, — продолжает Герцен, — сразу приобретают мрачный и трагический характер, угнетающий читателя... Скорбь превращается здесь в ярость и отчаяние, смех — в горькую и полную ненависти иронию»²⁶³.

Иными словами, взгляд на Великороссию, на русское село, на русскую жизнь — это взгляд «социальный», который замечает или хочет замечать лишь проблемы, произвол, взятки, крепостничество, бедность и вообще «отсталость» и «некультурность»; это некрасовский вопрос: «кому на Руси жить хорошо?» и ответ: всем «тошнёхонько». Всё это в русской жизни, конечно, было. Но было и многое другое, чего не видел этот, распространённый среди интеллигенции и особенно людей герценовского круга, «социальный», «гражданский» взгляд: не только язвы, но и жизнь во всей её полноте. Не видел он подлинный мир крестьянина и поэзию русской деревни; помещичьи усадьбы, где тоже были «живые души»; мастерового человека, возводящего города и создающего удивительные по красоте вещи; священников, которые несли людям свет Божественной Истины; богомольцев и святых людей, живших в вере и являвших порой настоящие чудеса духа; солдат, шедших на смерть за Царя и Отечество. И саму Россию, сумевшую в труднейших климатических и исторических условиях выжить, разгромить врагов и раскинуться между трёх океанов, за подлинными и мнимыми пороками её государственной машины этот взгляд «не замечал».

Конечно, не только «социальность» и европеизированный взгляд «со стороны» были тому виной. Имелись

---

²⁶³ Герцен А. И. О развитии революционных идей в России. М., 1958. С. 91.

и другие причины такого «самоедства». Русская культура вообще и литература в частности — глубоко христианские по своей идее и миропониманию. Для этой культуры характерно горение, напряжённый поиск истины, устремлённость к идеалу. А отсюда — предельная строгость к себе, неудовлетворённость несовершенством мира и себя в первую очередь, стремление преодолеть греховность — свою и мира. Отсюда, от этого нравственного максимализма, происходили даже такие, казалось бы, обратные по знаку явления, как русский нигилизм и русский революционаризм. Церковная культура направляла эти порывы по тому пути, который и был заложен христианской верой: по пути духовного очищения и самосовершенствования человека, его приобщения к Богу и Истине, и только через них — к преобразению мира. Отцерковлённая же культура и светская литература, сохранив христианский импульс и установки, утратили изначальное целеполагание и все силы направили на исправление социальных несправедливостей, минуя главный их источник — душу человека. Поэтому и русская литература с её устремлённостью к правде обращала внимание прежде всего на то, что «всё не так», на то, что не соответствует высоким идеалам.

Чуть позже, в своих «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголь, по тем же нравственным причинам сам склонный подмечать всё дурное — и в себе в первую очередь, попытался сказать российскому обществу, что этот «социальный» взгляд слишком односторонний, что им нельзя увидеть и познать Россию. Но уже глубоко пустил тот свои корни, и призыв Гоголя не был услышан.

Однако помимо этого «полуобъективного» взгляда, которым смотрела значительная часть общества на Россию, имеется во всём этом и другой момент. Это был ещё и взгляд «взрослого» народа на себя, взгляд серьёзный и строгий. Тогда как Украина (именно как край этнографической экзотики) русским обществом «взрослой» не считалась. У детей нет взрослых проблем. А потому к Украине можно было

подходить с другими мерками, потому и могла она вызвать умиление и искреннюю радость.

И это — тоже одна из составляющих восприятия русским обществом Украины, формированию которой немало способствовали сами малороссы и даже Гоголь и которая сохраняется до сих пор. Это взгляд как бы немного сверху, взгляд доброжелательный, заинтересованный, даже любящий, но немного снисходительный, как взгляд взрослого человека на милого ребёнка, как на «племя поющее и пляшущее». Здесь важно подчеркнуть, что русское общество смотрело так *не на самих малороссиян*. Вспомним, что они были *равноправными* строителями и даже правителями России и *со-творцами* русской культуры. Это был взгляд именно на ту *этничность*, которая по тем или иным причинам выставлялась как главная черта и характеристика Малороссии и малороссов.

Разумеется, времена сентименталистско-пасторальной литературы остались далеко в прошлом, и взгляд на Малороссию менялся, становясь всё более реалистичным и объективным. Но все острые социальные вопросы современности и для Великороссии, и для Малороссии были, в общем, одинаковы и потому ставились на общероссийском уровне (общественно-политическом и культурном), в том числе самими малороссами. Тем самым украинский материал отеснялся из плоскости социальной в другую, национально-культурную. Если же кто-то (в основном те, кто придерживался украинофильской ориентации) хотел увязать эти вопросы вместе, он всё равно оказывался во власти этничности. Во-первых, такие люди сознательно ограничивали поле своих интересов лишь местным, украинским, материалом, как бы вынимая его из всероссийского социально-политического контекста. А во-вторых, желая или даже не желая того, общественным мнением, окружающими они сами воспринимались как что-то специфично-этническое. Ведь себя они относили не к русской, а к украинской жизни и культуре.

Впоследствии именно эта абсолютизация этничности сыграет с Украиной (и именно с ней как национальным организмом) злую шутку, только закрепив и усилив тот самый «доброжелательно-снисходительный» взгляд. Но «виновато» в этом будет не столько русское общество и уж конечно не Гоголь и его современники, сколько последующие поколения самих украинцев. Притом не *малороссов*, а именно *украинцев* — то есть адептов украинского движения и украинской идентичности.

Деятели этого направления (сначала украинофильского, а потом и украинского) начнут абсолютизировать «народ» как единственного представителя украинского этноса, создавая Украине такой простонародно-ярмарочный образ, наполненный (по Белинскому) сплошь «Одарками» и «Прокипами». Другие-то сословия, по их логике, «руссифицировались» и «утеряли» связь с народом. То, что русская культура — это их родная культура, либо не принималось в расчёт, либо с порога отметалось. Но главное, что, отталкиваясь от русской культуры и русско-малорусской идентичности ради создания собственных *украинских*, деятели украинского движения стали всячески выпячивать этничность, именно в ней видя не только исходный материал для национального строительства, но и отличие украинцев от русских вообще.

Результаты такого подхода, для вдумчивых наблюдателей ставшие вполне очевидными ещё в середине — второй половине XIX века, в полной мере начали сказываться уже в новую социально-политическую эпоху, совпавшую с наступлением века XX. Усилия адептов украинофильства-украинства нередко доходили до абсурда, придавая украинству как национально-культурному и политическому течению гротескный «гопаковско-шароваристый» вид, который приводил в ярость даже некоторых украинских националистов, мечтавших о создании Украины, но Украины — не этнографического заповедника, а современной нации. И, отвергая этот навязчивый, пусть и довольно

примитивный, но всё же мирный и безобидный образ, эти люди примутся воспевать «железную волю», «холодную ярость» и героинку секиры и немецкого автомата. Однако, создав новый образ украинского национализма, в образ «Украины» они ничего нового привнести не смогут: всё уже было сделано и усвоено до них.

В 1926 году В. В. Маяковский написал стихотворение с весьма соответствовавшим духу тех послереволюционных лет названием «Долг Украине». В этом стихотворении поэт спрашивал современников: «А что мы знаем о лице Украины?» — и приходил к выводу, что сограждане знают об Украине очень мало:

Знаний груз
у русского
тощ —
тем, кто рядом,
почёта мало.
Знают вот
украинский борщ,
знают вот
украинское сало.
И с культуры
поснимали пенку:
кроме
двух
прославленных Тарасов —
Бульбы
и известного Шевченка, —
ничего не выжмешь,
сколько ни старайся.

Ну а из современного могут припомнить лишь «пару курьёзов — анекдотов украинской мовы»²⁶⁴.

---

²⁶⁴ *Маяковский В. В. Сочинения в 2 томах. Т. 1. М., 1987. С. 409–412.*

В те годы многие, пережившие апокалипсис революции и гражданской войны, испытывали по отношению к Малороссии (как, впрочем, и ко всей «старой» России) примерно те же чувства, что в своё время поляки по отношению к утраченным по разделам восточным землям, — чувство «потерянного рая». В литературе это ярче всего заметно у М. А. Булгакова и И. А. Бунина. Гибнет Киев — Вечный Город, а с ним и привычный добрый мир Турбиных, который не могут спасти даже «кремовые шторы» на окнах их дома. Исчезает светлая, солнечная бунинская Малороссия, а на её место приходят «красная» Россия и Украина. И если Булгаков ещё надеется на воскрешение, пусть и частичное, былого, то Бунин — уже нет.

Владимир Маяковский не испытывал подобных переживаний. Он воспевал «Украину» — и именно её. Украину новую, коммунистическую, индустриальную, и хотел обратить взор читателя к социалистическому строительству, меняющему то самое «лицо Украины» («Днепр заставят на турбины течь»). И чтобы новое выглядело ещё мощнее и грандиознее, в качестве фона вывел тот самый обывательский «груз знаний». Если же отбросить пафос строительства нового мира, а также украинизаторский раж поэта, требующего разучить украинскую «мову на знаменах — лексиконах алых» и грозящего: «товарищ москаль, на Украину шуток не скаль»²⁶⁵, то за всем этим действительно можно различить черты некоего коллективного образа Украины, который складывался ещё в XIX веке.

Понятно, что он во многом утрирован. Как и то, что стихотворение прекрасно вписывается в общий контекст советской национальной политики, раздающей «долги» всем «ранее угнетённым», как тогда официально объявлялось, народам (и украинскому в том числе) за счёт «ранее угнетавшей» их России и народа русского. Партийными установками объясняется и отношение большевика Мая-

---

²⁶⁵ Там же.

ковского (член партии с 1908 г.) к национальному вопросу и политике украинизации. Скажем, его современник, беспартийный писатель с «белогвардейским уклоном» и к тому же киевлянин, Михаил Булгаков об украинизации, «мове» и «Украине» вообще придерживался другого мнения. Но перечить «генеральной линии» было невозможно даже на страницах литературных произведений. Булгаков мог лишь обозначить мнение тех очень многих, кто не считал «разучивание украинской мовы» приобщением к мировому прогрессу и не видел прямой зависимости между строительством Днепрогэс и украинизацией: в очерке «Киев-город» (1923 г.) — очень осторожно, а в романе «Мастер и Маргарита» (1929 г.) — и вовсе намёками. Но, несмотря на все идеологические издержки, в том образе Украины, что набросал Маяковский, есть и очень верные наблюдения.

Из чего состоит этот образ? Из бытовой стороны и ярких проявлений культуры. Культура — это, прежде всего, Гоголь. Не случайно, что начинает поэт своё стихотворение его словами: «Знаете ли вы украинскую ночь? Нет, вы не знаете украинской ночи!» О Тарасе Бульбе (опять же, гоголевском персонаже) речь впереди, а вот остальные составляющие образа Украины «по-маяковскому» культивировались, прежде всего, именно украинским движением (которое стремилось говорить от лица народа и настойчиво изображало его и себя «угнетённым»).

В первую очередь, это украинская культура, олицетворённая Тарасом Шевченко, поэзию и саму личность которого деятели этого движения ещё со второй половины XIX века начали превращать в национальный символ и своё знамя. И в этом им активно помогала российская либеральная и левая общественность, продолжавшая искать союзников в борьбе с самодержавием и реализовывать свой образ Украины как жертвы царизма.

Немного отступая от основной канвы и обращаясь уже непосредственно к проблемам формирования нацио-

нальных идентичностей, заметим, что, выводя в качестве символов Украины Гоголя и Шевченко, Маяковский с поразительной пронизательностью уловил важную (а может, и важнейшую) черту истории и психологии этой земли. Гоголь и Шевченко — это два разных и даже противоположных друг другу мировоззрения, два разных национальных выбора, два разных духовных пути, совместить которые крайне трудно, практически невозможно, не идя при этом на сознательные спекуляции. Это относится и к их собственной жизни, и к тому, что они своим творчеством завещали потомкам, какой они хотели бы видеть судьбу своей родной земли.

Эта двойственность берёт начало с польских времён, как раз и ставших её первопричиной, и в дальнейшем лишь принимает новые, созвучные времени, обличья, то практически исчезая из политической жизни, то заявляя о себе в полный голос. «Малороссия» или «Украина», в общерусском единстве или отрицая его, с верой во Христа или в украинскую *нацию* и окровавленный топор, во имя которых можно «проклясть» и самого Бога, — вот её зримое воплощение для второй половины XIX — XX и даже начала XXI века. И от того, какой национально-мировоззренческий выбор делает малороссийское или, теперь, украинское общество, «по Гоголю» или «по Шевченко» оно предпочитает жить, напрямую зависит его судьба. А с ним и судьба России, поскольку Россия и Украина — это своего рода сообщающиеся сосуды.

Владимир Владимирович Маяковский, вероятно даже не отдавая себе в этом отчёта, сумел выразить эту ключевую проблему всего двумя словами, двумя её символическими воплощениями — именами. На то он и поэт. Возвращаясь же непосредственно к нарисованному им образу, отметим, что второй его составляющей стала та самая этничность. Этничность, воплощённая здесь в «борще» и «сале», которую не только подмечали великороссы, но и чуть ли не с конца XVIII века рекламировали сами

малороссы (кстати, «благоуханным борщом» восторгался ещё Кулжинский), а затем на полную катушку стали раскручивать адепты украинофильско-украинского движения. Великорусский взгляд плюс автообраз (хотя, может быть, правильнее было бы поменять их местами) и дали такой, пусть и упрощённый, но в чём-то верный срез коллективных представлений об Украине.

Получался заколдованный круг. Абсолютизация этничности — та самая зацикленность, о тормозящей силе которой предупреждал Белинский, а потом (хотя и гораздо мягче) и Гоголь, — загоняла малороссийский, или уже правильнее будет сказать, украинский мир в провинциальные рамки. Попытка выйти из них, придав этой этничности характер «высокой» культуры (что подразумевало отказ от культуры русской), приводила к сомнительным результатам. Налёт провинциальности или, в лучшем случае, фольклорности сохранялся за украинской культурой и в глазах русских, и в глазах многих украинцев, которым не нравилось, что их загоняют в искусственное культурное гетто и не дают в полной мере приобщаться к русской культуре, объявляя её если и не *чужой* для них, то уж точно *не родной*²⁶⁶.

Особенно это стало очевидным в советское время, когда, собственно, и появилась Украина. Такой её образ продолжал транслироваться и украинской интеллигенцией, и властями (местными и центральными). И даже приобрёл официальный характер: надо было показывать «национальное лицо» Украины, которое и давало ей право существовать как национальной (и даже привилегированной) республике. Не только давление выработанных ранее образов и стереотипов, но в ещё большей степени идеология и принципы национальной политики определяли взгляд на Украину как на край фольклорной экзотики с шароварами, гопаком и девичьими лентами. И творя образ «гопаковской» Украины, каждый преследовал здесь свои цели.

---

²⁶⁶ Сидоренко С. Н. Украина — тоже Россия. М., 2005. С. 252, 253.

Как и дореволюционное русское общество, власти СССР, конечно, тоже питали слабость к местному колориту. Но главное, они выполняли доктринальные и идеологические установки и не давали укрепиться среди населения УССР (как и среди самих русских по всему Союзу) русскому сознанию, идее национального единства украинцев (вчерашних малороссов) и русских (вчерашних великороссов). Русского фактора власть боялась больше всех местных национализмов вместе взятых²⁶⁷. И потому не допускала малейших, самых потенциальных его проявлений даже в культурной жизни страны, не говоря уже о политической.

Само признание наличия в СССР *русского вопроса* и тем более стремление серьёзно в нём разобраться означало бы коренной пересмотр того отношения власти к русским, на котором строилась вся советская национальная и внутренняя политика. Отношения к ним не как к *народу*, самостоятельной исторической и национальной личности со своими интересами и нуждами, а как к безликому, безнациональному *населению*, призванному нести на себе основную тяжесть государственного бремени, не то что не получая за это каких-то преимуществ, но и по целому ряду моментов оказываясь в заведомо неравноправном положении по сравнению с другими народами СССР. А также логично следующий за этим пересмотр превращённого в догму взгляда на русских, украинцев и белоруссов как на три хоть и братских, но *разных* народа с *разными* национальными культурами, языками и, соответственно, историческими путями. А пересматривать такое отношение, а с ним и всю свою политику вообще, власти вовсе не собирались.

Местная украинская номенклатура, эксплуатируя этничность, тем самым поддерживала свою этнократическую власть. А третья заинтересованная сторона — украинская

---

²⁶⁷ Например: Соловей Т., Соловей В. Несостоявшаяся революция. Исторические смыслы русского национализма. М., 2009. С.174–188 и др.

гуманитарная интеллигенция — таким способом воплощала в жизнь идейные принципы украинского национального проекта, разработчицей и носительницей которого она являлась, и отгораживала «свою» нацию от русской культуры и сознания (одновременно поддерживая и собственный социальный статус как культурной элиты республики). И эти задачи после 1991 года плавно перетекли в современность, продолжая сохранять актуальность для интеллигенции и властей уже постсоветской Украины.

Вот такие непростые проблемы поднял на поверхность короткий комментарий А. Герцена по поводу гоголевских «Вечеров»...

...Пора «открытия» Малороссии русским образованным обществом давно осталась в прошлом. Малороссию «узнали», подивились её красоте, выяснили, что она — одно из локальных, красочных и неповторимых проявлений русской культуры и натуры. В огромной степени этому способствовали сами малороссы, большинство из которых понимало малороссийский мир, при всей его самобытности, как часть Русского мира. И первый среди них — сам Николай Васильевич Гоголь. Но почему же в памяти остался именно он и его прочтение образа Украины, а не сочинения, порой не менее живые и ладные, других писателей? Думается, что дело здесь не столько в самих украинских произведениях Гоголя, сколько в дальнейшем пути писателя, в его творческом взрослении, в переходе к новым — и другим темам и вопросам, что и позволило ему занять то место в русской литературе, которое он занимает.

Оглядываясь на свой путь, Гоголь писал, что не любил своих ранних произведений, не уточняя, за что именно: за тематику ли, незрелость образов, «гуляющую» по ним чертовщину, свою неопытность как писателя. Некоторые свои работы он пересматривал вновь и вновь, дорабатывая и пытаясь им придать не литературное даже, а нравственное совершенство, выразить с их помощью то, что так хотел и, как ему казалось, всё ещё не мог донести до людей. Это

«Портрет», «Ревизор» со специально дописанной к нему «Развязкой» и дело всей жизни — «Мёртвые души», а из малороссийских — лишь «Тарас Бульба» (если не брать в расчёт сокращения некоторых мест в «Вие»). К другим украинским работам Гоголь уже не возвращался, полагая, что эта тема давно им исчерпана — и прежде всего для себя.

Именно последующие произведения Гоголя позволили Белинскому, и не только ему одному, провозгласить его главой русской литературы, а самому Гоголю — иметь право считать себя таковым. Свою миссию, обрушившуюся на него после неожиданной и трагической для русского Космоса гибели Пушкина, он воспринимал как огромную нравственную ответственность. Ведь он наследовал тому, кого бесконечно уважал и перед талантом и личностью которого преклонялся — как особенно цельными и гармоничными, как писательским и общественным идеалом²⁶⁸.

Фигура Гоголя заслонила собой других литераторов, подчас незаслуженно забытых потомками. И поэтому в памяти остались именно его сочинения на украинскую тематику и тот образ Малороссии, который содержится в них. Именно писателю такого масштаба, как Гоголь, было суждено придать этому образу цельность и завершённость.

---

²⁶⁸ Об отношении Гоголя к Пушкину см., например: *Манн Ю. В.* Указ. соч. С. 257, 349, 472–475; *Золотусский И. П.* Указ. соч. С. 195–200.

Глава III

«Тарас Бульба»: объединение образа

Пока что между «узнанной» и «признанной» этнографическо-казачьей Малороссией и историческим образом этой земли как «Руси» продолжал сохраняться ментальный зазор, пласты ещё не были сведены друг с другом. А поскольку тот или иной образ — это скорее чувство, ощущение, нежели сухое рациональное познание, то быстрее и надёжнее свести их и сделать цельным могла именно литература — этот кратчайший путь к душе и сознанию и человека в отдельности, и общества в целом.

Только контекст этого поиска стал немного иным. Начиналась новая эпоха — эпоха национализма. Постепенно, с 1830–1840-х годов в общественном сознании России начинает происходить политизация прежнего романтического увлечения «народом», его этнографией и культурой, и утверждаются понятия о «народе» как основе истории и её главной движущей силе. В категориях «народа» начинает осмысливаться и текущая действительность. И Малороссия оказалась в самом центре нового интеллектуального и политического течения. В недалёком будущем её судьба станет одним из главных предметов общественного внимания, а сама она — полигоном, на котором действовало и противодействовало друг другу несколько зародившихся в это время национальных проектов (общерусско-малорусский, украинский, польский), обладавших своими образами этого края: его народа, истории и даже геополитических очертаний и цивилизационной принадлежности. И в поле зрения всё чаще оказывались уже другие территории: помимо Левобережья осмысливались ещё и Правобе-

режье, Волынь, а затем и Галиция. Гоголь застал самое начало этих процессов, но сразу уловил их суть и дал на них свой ответ.

В 1830 году собиратель фольклора и литератор И. В. Росковшенко писал своему коллеге И. И. Срезневскому (в будущем известному филологу-слависту и этнографу): «Если бы явился между малороссиянами гений, подобный Вальтер Скотту, то я утвердительно говорю, что Малороссия есть неисчерпаемый источник для романов исторических. Ни Шотландия и никакая другая страна не может представить таких разительных картин, как Малороссия, особенно с XVI века»²⁶⁹.

Пускай утверждение о малороссийской истории как «самой-самой» прозвучало чересчур безапелляционно: по своей «пригодности» для исторических романов Малороссия ничем не отличалась от любой другой страны. До известной степени это простительно человеку, неравнодушному к истории своего родного края. Хотя, конечно же, во всём должна была быть мера. В украинской среде вообще благодаря казачьим летописям и «Истории Русов» бытовало идеализированное представление о той эпохе (как в советское время о Гражданской войне), на самом деле отнюдь не романтической, а жестокой и кровавой. Чуть позже на ещё более высокий идеализированный уровень в своих стихах её вознёс Шевченко (причём воспевал он именно её жестокость и кровавость).

В особенности же такое гипертрофированное восприятие «своего» как «самого-самого» было характерно для сторонников украинского движения. Об этом свидетельствовали даже наиболее рассудительные из них, например Н. Костомаров. Одной из характерных черт украинофилов он считал «их преувеличения, с какими они посредством писателя готовы поставить выше Шекспира, и каждую песню считают превосходнее векового произведения

---

²⁶⁹ Цит. по: Заславский И. Я. Указ. соч. С. 30.

искусства», а «всякого гетмана» представляют «гением почти равным Наполеону»²⁷⁰. Как тут не вспомнить иронию Чехова по поводу «хохлацких великих истин», которыми были одержимы украинофилы!

Но Росковшенко, говоря о «разительных картинах» мало-российской истории, был далёк от этого и имел в виду совсем другое. Он лишь хотел, чтобы она не пропала втуне. Главное же в его словах заключалось в том, что ожидание такого романа и такого писателя витало в воздухе. И «роман» вскоре появился: им стал гоголевский «Тарас Бульба».

Историческая тематика давно привлекала внимание Гоголя. Был у него в жизни период, когда он, ещё не определившийся между писательством и преподаванием, с жаром обратился к истории, прежде всего наиболее близкой — истории Малой Руси (тем более, что она начинала становиться предметом интереса российской публики). Он читал летописи, труды историков (в том числе «Историю» Карамзина, оказавшую несомненное влияние на идейно-художественную концепцию «Тараса Бульбы»²⁷¹), собирал исторические материалы и планировал написать грандиозный труд.

Но планы так и остались планами: историческая наука (как и чиновная служба) оказалась не его стезёй. Обычные для историка источники не удовлетворяли писателя: летописи, по его мнению, были «вялые и короткие» и «обезьянски переписывали друг у друга вырванные листки не происшествий, а разве оглавления происшествий». Этим сухим источникам Гоголь предпочитал народные песни и сказания «с резкой физиономией, с характером». «Эти-то песни, — писал он И. Срезневскому, — заставили меня с жадностью читать все летописи и лоскутки какого бы то ни было вздору»²⁷². По этой же причине не прошёл

---

²⁷⁰ Кирило-Мефодіївське товариство. Т. 1. С. 299.

²⁷¹ Гоголь Н. В. Тарас Бульба... С. 410.

²⁷² Гоголь Н. В. ПСС. Т. 10. С. 299.

Гоголь и мимо «Истории Русов», написанной ярким живым языком (что заметно способствовало её распространению среди российской читающей публики). И вообще, по его глубокому убеждению, история не должна была быть сухой и скучной. Она могла донести до человека сокровища в ней смысл, лишь овладев всем его сознанием, всеми чувствами, а потому должна была быть увлекательной и читаться как «одна величественная полная поэма»²⁷³. Писательская натура Гоголя, увлечённая не фактической стороной дела, а духом эпохи, чувствами живших в те времена людей, повернула дело таким образом, что вместо истории Малороссии и Юга России на свет появился «Тарас Бульба».

Эту повесть можно считать одним из лучших произведений историко-эпического, героико-романтического и в то же время реалистического жанров в русской литературе. И не случайно, что уже первая редакция «Тараса Бульбы», вышедшая в свет в 1835 году в сборнике «Миргород», не только не осталась незамеченной публикой, но даже почти единодушно была признана лучшей во всём цикле. «Как описаны там казаки, казачки, их набеги, жида, Запорожье, степи. Какое разнообразие! Какая поэзия! Какая верность в изображении характеров! Сколько смешного, и сколько высокого, трагического!» — отзывался о «Тарасе Бульбе» историк и писатель М. П. Погодин. А Пушкин считал книгу достойной Вальтера Скотта²⁷⁴.

Но первая редакция повести — это действительно скорее тот самый исторический роман из малороссийской истории: и по сюжету, и по образам и поступкам главных героев, и по тому, как сам Гоголь понимал тогда смысл и задачи своего произведения. Это была история — полупоэтическая, мифическая, литературная — только одного Запорожья, того самого «казачьего народа», чья история начиналась с короля Стефана Батория, но никак не рань-

²⁷³ Гоголь Н. В. Тарас Бульба... С. 425.

²⁷⁴ Московский наблюдатель. 1835. Ч. 1. Кн. 2. Март. С. 445; Современник. 1836. Т. 1. С. 312.

ше, и была связана с Польшей и полуазиатской «степью». И притом история, поданная во многом с точки зрения казачьих летописей и «Истории Русов». Их идейное, эстетическое и фактологическое влияние (например, эпизод об Острянице или польско-еврейских зверствах над украинцами) на тот вариант «Бульбы» было заметным²⁷⁵. Запорожцы воевали с татарами и поляками, но не столько высокие идеалы двигали ими, сколько вещи, куда более приземлённые: добыча, слава, буйный нрав, исторический контекст. Таков в первой редакции и сам Тарас — «большой охотник до набегов и бунтов», перед тем как влезть в драку, спрашивающий: «кого и за что нужно бить?»²⁷⁶

В общем-то, всё это сильно соответствовало правде: долгое время казачество выше этих, а также своих словесных интересов не поднималось. Лишь стечение исторических обстоятельств в конечном счёте привело к тому, что именно ему довелось встать во главе национально-освободительной войны малорусского народа. Лишь тогда и стало возможно видеть в казачестве борца за веру и защитника национальных интересов, то «необыкновенное явление русской силы», которое «вышибло из народной груди огниво бед»²⁷⁷.

Были у Гоголя задумки и других сочинений на историческо-малороссийскую тематику, но они так и остались задумками и набросками: он не стал дальше разрабатывать это направление. Но вот к «Тарасу Бульбе» Гоголь вскоре вернулся. Значит, считал, что не было в нём досказано что-то важное. Значит, и Бульбу, и тот период стал он видеть по-другому.

Вторая редакция была специально подготовлена Гоголем для его первого собрания сочинений и вышла из печати в самом начале 1843 года. По сути это было почти но-

---

²⁷⁵ Звиняцковский В. Я. Указ. соч. С. 303–306.

²⁷⁶ Гоголь Н. В. ПСС. Т. 2. С. 284. («Тарас Бульба».)

²⁷⁷ Там же. С. 46.

вое произведение. Оно не только было тщательно отделано стилистически и художественно. Его объём увеличился почти вдвое: с девяти до двенадцати глав, появились новые эпизоды и персонажи, важные для понимания основной сюжетной линии и идеи повести. А главное, заметно изменился сам образ Бульбы и запорожцев. Скажем, в первой редакции Тарас поссорился с товарищами из-за того, что большую часть приобретённой от татар добычи получили не казаки, а их союзники, поляки, «обидевшие» партнёров при дележе и тем самым нарушившие их «права». Обвинения в нарушении неких, якобы имевшихся «древних прав» — это давнишний и излюбленный мотив казачьей идеологии, красной нитью проходящий через «Историю Русов». Во второй же редакции разрыв произошёл после того, как выяснилось, что бывшие товарищи Тараса оказались «наклонны к варшавской стороне», то есть перенимали польские обычаи²⁷⁸.

При подготовке новой редакции Гоголь пользовался в основном теми же материалами (песенными и историческими), что и раньше. И в том числе «Историей Русов». Это, кстати, служит примером того, как данный политический памфлет на историческую тематику мог быть использован не только в интересах украинского движения, но и, при соответствующем подходе к нему и ином душевном и мировоззренческом настрое, работать на цели, прямо противоположные целям украинства. Такой опыт уже был: в 1836 году отрывки из «Истории Русов» («Введение унии» и «Казнь Острианицы») в своём «Современнике» печатал Пушкин. Кстати, он обратил внимание на те же эпизоды, что и Гоголь. Выбор поэта пал именно на эти отрывки не случайно. Речь в них шла о насилии поляков над Малой Русью: национальном угнетении малороссов, гонениях на русскую культуру, издевательствах униатов и католиков над православным народом, превзошедших, по словам ано-

---

²⁷⁸ Там же. С. 284 (1-я редакция), с. 48 (2-я редакция).

нимного автора «Истории», «меру самых непросвещённых варваров». А также о национальном предательстве правящей верхушки (благородного сословия), отложившейся «от народа своего» и ради личных выгод отрекшейся «и от самой породы русской»²⁷⁹. Эти отрывки Пушкин использовал, говоря современным языком, в качестве идеологического оружия против антироссийской деятельности польской эмиграции и политики стоящих за её спиной западных держав.

Но хотя источники «Тараса Бульбы» во многом остались прежними, питается повесть (которую теперь точнее было бы назвать поэмой) от других корней и несёт уже иное содержание. Дух её, сообразно вызовам времени и внутреннему развитию Гоголя как человека и художника, существенно поменялся. Её *русский* характер, которого не было раньше, недвусмысленно свидетельствовал, что эту эпоху Гоголь стал видеть не отдельно «казачье-малороссийской», но составной частью именно всей *русской* истории, а Запорожскую Сечь (форпоста и воплощения духа этой земли) — как часть Святой Православной Руси, как важное звено в её вековой нелёгкой борьбе против «католических недоверков» Запада и басурманских орд Востока.

И это тем более знаменательно, что как раз во второй редакции Гоголь отходит от прямолинейных антипольских установок, присутствовавших и в первой редакции, и в «Страшной мести», и показывает католический мир (мир врага!) красивым, вызывающим сострадание и даже одухотворённым. Иначе и не понять, почему перенимала польский язык, веру и культуру южнорусская знать. Иначе и не понять, почему не устоял перед соблазном и погиб (причём уже до своей физической смерти) Андрий... И несмотря на это, вторая редакция «Тараса Бульбы» — это, по верному выражению одного из ведущих гоголеведов,

---

²⁷⁹ Современник. Т. 1. СПб., 1836. С. 85–110.

«гимн красоте русской, гимн самоотверженности русского человека», настоящий «эпос Руси»²⁸⁰.

Это заметно уже на терминологическом уровне. Выражения вроде «русской силы», «русского характера», «русского товарищества», «русской земли», о которой во время смертельной схватки с ляхами и в последний миг своей земной жизни вспоминают казацкие атаманы и друзья Бульбы, во множестве разбросаны по тексту.

«Пошатнулся Шило и почувал, что рана была смертельна. Упал он, наложил руку на свою рану и сказал, обратившись к товарищам: “Прощайте, паны-братья, товарищи! Пусть же стоит на вечные времена православная Русская земля и будет ей вечная честь!”».

«А уж упал с воза Бовдюг. Прямо под самое сердце пришлась ему пуля, но собрал старый весь дух свой и сказал: “Не жаль расстаться с светом. Дай Бог и всякому такой кончины! Пусть же славится до конца века Русская земля!” И понеслась к вышням Бовдюгова душа рассказать давно отшедшим старцам, как умеют биться на Русской земле и, ещё лучше того, как умеют умирать в ней за святую веру».

«Повёл Кукубенко вокруг себя очами и проговорил: “Благодарю Бога, что довелось мне умереть при глазах ваших, товарищи! Пусть же после нас живут ещё лучшие, чем мы, и красуется вечно любимая Христом Русская земля!” И вылетела молодая душа. Подняли её ангелы под руки и понесли к небесам. Хорошо будет ему там. “Садись, Кукубенко, одесную Меня!” скажет ему Христос: “ты не изменил товариществу, бесчестного дела не сделал, не выдал в беде человека, хранил и сберегал Мою Церковь”»²⁸¹.

Здесь же встречается и словосочетание «русская душа», которое позднее широко станет употребляться Гоголем в его переписке и которое он относил и к самому себе. И здесь же появляется удивительное по силе и пронзитель-

²⁸⁰ Золотусский И. П. Указ. соч. С. 303.

²⁸¹ Гоголь Н. В. ПСС. Т. 2. С. 138, 139–140, 141.

ности слово Тараса о Русском Товариществе — ключевой момент всей поэмы, и заключительные — идущие уже непосредственно от автора — строки: «Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!»²⁸²

Множество причин как внешнего, так и внутреннего плана, совпав во времени и постигаемые душой и сознанием Гоголя, привели его к доосмыслению «Тараса Бульбы». Это и размышления (его и русского общества в целом) над вековым противостоянием с Польшей, что стали вновь актуальными после польского восстания и в условиях набравшей силу антироссийской деятельности польской эмиграции в странах Западной Европы. Это и процессы политического и ментального освоения Россией Правобережных земель, осмысление их национальной принадлежности, как это когда-то делалось в отношении Малороссии, и определение границ и содержания русскости.

Малороссы также приняли активное участие в осмыслении культурной и этнической принадлежности этих территорий, а заодно и своей общности в целом: её места в России и Русском мире (или же вне их). Русификация Правобережья (точнее, его деполонизация), к которой российские власти приступили после польского мятежа, во многом велась руками и при деятельном участии малороссов как локальных представителей русскости. Малороссийское общество Левобережья тоже стало последовательнее относиться к населению Правобережья, Волыни и т. д. как к «своим», тогда как раньше под малороссами чаще понимало лишь себя. Постепенно утверждается подход, согласно которому на правом берегу и, в меньшей степени, в Новороссии живёт южнорусский, малорусский (или же, в зависимости от национально-политической ориентации говорящего, украинский) народ, а сама территория его проживания, вне зависимости от времени вхождения в состав

---

²⁸² Там же. С. 172.

России и отличительных особенностей, является Малороссией (или Украиной).

В переосмыслении «Тараса Бульбы» сыграл роль и личный фактор, имеющий отношение к Гоголю как непосредственно к человеку, так и связанный с его писательской судьбой. В критике того времени имелось направление, которое отводило Гоголю литературную нишу лишь в юмористическо-карикатурном, «низком» жанре. «Мы уверены, что Гоголь своими будущими произведениями займёт почётное место в ряду наших комических писателей», — отзывался, к примеру, о нём известный журналист и филолог Н. И. Греч в своих вышедших в 1840 году «Чтениях о русском языке»²⁸³.

«Бульба», конечно, вовсе не был комическим произведением. Но самим своим жанром — «историческим романом из малороссийской истории» — он был ограничен территориальными и психологическими рамками: «роман»-то не из русской, «серьёзной» истории, а из украинской, воспринимавшейся в романтизированно-беллетризованном ключе. А Гоголь, желая сказать миру серьёзное, наполненное смыслом слово, призванное помочь тому измениться и преобразиться, огорчился, когда в нём хотели видеть лишь комического писателя или, тем более, сатирического обличителя социальных и политических порядков. И точно так же, уже с юных лет, не желал он быть запертым (реально и эстетически) в узко-этническом, провинциальном мире²⁸⁴.

Конечно, талант Гоголя уже был признан всероссийским достоянием, и ему не нужно было лишний раз доказывать другим то, что он думал о себе сам и кем был на деле — русским писателем. Но он не хотел, чтобы малороссийское общество и малороссийский материал постигла провинциализация. Отсюда было два выхода. Первый подразумевал

²⁸³ Греч Н. И. Чтения о русском языке. Ч. 2. СПб., 1840. С.140.

²⁸⁴ Например: Вайскопф М. Мнимый Гоголь в роли Ревизора // Н. В. Гоголь: Материалы и исследования. Вып. 2. М., 2009. С. 349; Манн Ю. В. Указ. соч. С. 130–132.

создание отдельной и по определению не-русской литературы и культуры, а как итог — и нации, чем вскоре и начали заниматься украинофилы. Впрочем, как уже было сказано, путь этот привёл лишь к расщеплению Русского мира и политическому сепаратизму. В культурной сфере он ожидаемых результатов не принёс и не придал *украинской* культуре в глазах и великороссов, и многих малороссов равноценности и равновеликости культуре русской. Кстати, вот именно такое отношение и подвергалось остракизму со стороны большевиков, требовавших (в том числе устами Маяковского) вернуть «долг Украине», признав украинскую культуру равноценной и равновеликой русской. Не стоит также исключать и того, что приоритеты у адептов украинства были иные, и проблемы культуры для них не были столь уж самоценными по сравнению с целями политическими.

Но Гоголь не хотел идти по этому пути культурного и национального разрыва, считая его неправильным и губительным прежде всего для самой Малороссии и малороссов. И тогда открывался другой путь: убрать из малорусскости этнографическо-забавную несерьёзность и поднять её на высокий (нравственно и тематически) уровень, при этом сохранив, подчеркнув и усилив её *русский характер и русскую первооснову*.

Не случайно, что корни казачьей истории (которую он теперь видит как *русскую*) Гоголь, устами Тараса и прямым авторским текстом, относит к поре гораздо более ранней, чем времена короля Батория и собственно казачьи — к поре древнерусской, к походам киевских князей на Царьград. Тем самым он отходит от традиционно-казачьего взгляда на малороссийскую историю и провозглашает причастность Малороссии (но как русской земли) к Древней Руси и её наследию. Своим художественным словом Гоголь сказал то же, что его друг и единомышленник Михаил Максимович отстаивал в научной дискуссии (1856–1857 гг.) с историком и журналистом Михаилом Погодиным (и одно

время тоже близким товарищем Гоголя), причём сделал это на пятнадцать лет раньше него.

Погодин тогда утверждал, что в культурном, этноязыковом и политическом плане Древней Руси наследует только Великороссия и великороссы. Малороссы же («казачий народ») возник позже, после монголо-татарского нашествия; он близок великороссам, но не тождественен им, и потому у него такая же особая и начинающаяся позже история. Максимович же отвергал ту точку зрения на исторический процесс и проблему русскости малороссов и Малороссии, которая была представлена и в «казачьей концепции», и у тех великороссов, кто, как Полевой и Погодин, понимал русскость в её узком смысле. И утверждал, что малороссы — это никакой не «казачий», а южнорусский народ, вместе с великороссами восходящий к Древней Руси, и потому он — неотъемлемая часть русского народа вообще. А история Малороссии вместе с историей Великороссии является *единой* канвой русской истории. И это ещё один важный аргумент в пользу того, что Великая и Малая Русь должны быть вместе — политически, культурно, национально, так же, как и Гоголь, был убеждён Максимович²⁸⁵.

Михаил Максимович пришёл к этому выводу как учёный, постигая историческое прошлое по письменным и археологическим источникам. А когда и как к тем же мыслям пришёл Гоголь? Когда он утвердился в сознании русскости Малороссии и малороссов? Может, тогда, когда его пытались склонить на свою сторону поляки-эмигранты (в 1836 и весной 1838 годов), вкрадчиво и настойчиво внушая ему исторические теории в стиле Духинского? Одно время они уже почти предвкушали победу, но, в конечном счёте, их попытки закончились ничем²⁸⁶, а вскоре Гоголь «ответил» им второй редакцией «Бульбы».

²⁸⁵ Дискуссия проходила на страницах журнала «Русская беседа» (1856–1857 гг.). Позицию Максимовича см.: Максимович М. А. Указ. соч. Т. 3. Киев, 1880. С. 183–311.

²⁸⁶ Вересаев В. В. Указ. соч. С. 217–220.

А может, это произошло ещё раньше, когда он гулял с товарищами по Киеву, беседовал с Максимовичем об археологических древностях, видел у стен Киево-Печеркой лавры и Михайлова Златоверхого монастыря сотни паломников-богомольцев и возвращался домой «неожиданно степенным и даже задумчивым»? Когда часами смотрел с Андреевской горки на бескрайние, теряющиеся в синеватой дымке киевские дали? «Я думаю, что именно в то лето (1835 г. — А. М.) начался в нём крутой поворот в мыслях — под впечатлением древнерусской святыни Киева, который у малороссов XVII века назывался *русским Иерусалимом*», — размышлял впоследствии Максимович (курсив автора)²⁸⁷. А может, к этому убеждению привели Гоголя его раздумья над судьбами России, которую он из европейского далёка увидел «во всей своей громаде» и цельности?

В ещё большей степени, чем сугубо литературные вопросы, к переосмыслению «Тараса Бульбы» Гоголя подвигли размышления над сущностью России, которую он, по мере своего обращения к христианству, стал понимать в её духовном смысле, как Святую Русь, как землю, «от которой ближе к родине небесной»²⁸⁸, — то есть возвращаясь к её изначальному пониманию, жившему в православном сознании. А с этим были связаны и его размышления над судьбой Малороссии, на которую он стал смотреть как на неразрывную часть Русской земли и Святой Руси, а потому и не желал национального и культурного её отделения и отдаления от России.

Мотив единства — творческого, эстетического, культурного — вообще один из главных у Гоголя, и чем старше он становился, тем больше стремился к тому, чтобы жизнь и мир были цельными, а не раздробленными. И в «Тарасе Бульбе» мотив единства (народного, семейного, национального) тоже главный. Толпа превращается в *народ* —

²⁸⁷ Максимович М. А. Письма о Киеве и воспоминание о Тавриде. С. 55–56.

²⁸⁸ Гоголь Н. В. ПСС. Т. 14. Письма 1848–1852. М., 1952. С. 203–204.

народ-герой, народ-победитель, народ, достойный Христа, народ с *живой* и прекрасной душой — лишь тогда, когда его преобразует великое дело и великое чувство (как это происходило с запорожцами, когда они узнали о польских зверствах или услышали слово Тараса о русском товариществе).

Да, мир Сечи далёк от нравственного совершенства. И мотивы, которыми в своей мирной и военной жизни порой руководствовались казаки, глубина и строгость их веры, методы «деятельности» вызывают вопросы и не позволяют толковать их прямолинейно. Впрочем, всё это соответствовало исторической правде и духу времени, да и методы ведения войн и карательных операций их врагами-поляками были точно такими же, если не хуже. Таков был *тот* «полудикий век», говорит об этом сам Гоголь, как бы отстраняя себя и современность от той, обоюдожестокой эпохи²⁸⁹.

Но главное даже не в этом. Гоголь писал не икону с казачества. И не считал то время «золотым веком» Малороссии, как думают некоторые. И все эти негативные черты облика запорожцев были ему важны не меньше, чем их высокие порывы, которые иначе, как на таком фоне и не были бы заметны. Ведь эта повесть — не только о борьбе зримой, о войне казаков против католиков-поляков и нехристей-татар. Она ещё и о борьбе незримой, о духовной брани отдельного человека и общества в целом со своими собственными грехами, об их преодолении и нравственном взрослении. Эта повесть — о духовном выборе, который надлежит сделать её героям (и человеку вообще). И потому гибель запорожцев, сделавших этот выбор, «подавших друг другу руку на братство» и породнившихся «родством по душе», подчёркнуто религиозно-возвышенная. Она очищает их от былой несправедности, если таковая была в их жизни, и содержит в себе прообраз преображения.

---

²⁸⁹ Гоголь Н. В. ПСС. Т. 2. С. 83.

Обращаясь к прошлому, такого же товарищества, такого же нравственного взросления, такого же преображения (только уже прижизненного) Гоголь ждёт и ищет в русском обществе, где разные политические лагеря начинают расходиться всё дальше, всё меньше начинают слышать друг друга, своими спорами, «непониманием» и «социальным взглядом» терзая Россию. Единения (и между собой, и с Россией) хочет Гоголь и от малороссов, среди которых предчувствует зарождение того ложного и опасного с его точки зрения течения (украинофильского, украинского), которое поставит под сомнение национальное и культурное, а после и политическое единство Великой и Малой Руси. Объединить Россию, помирить её, призвать на общие, великие дела, главное из которых — постижение Божией Истины и жизнь в согласии с ней (а это неизменно приведёт к преображению всей жизни, к преодолению всех бед и пороков), хочет он.

«У меня не было влечения к прошедшему. Предмет мой была современность», — скажет Гоголь в своей «Авторской исповеди»²⁹⁰. Вторая редакция «Тараса Бульбы» — это книга о России вообще, хоть и поданная через малороссийский материал. Если бы Гоголь сам не чувствовал внутреннюю потребность в до-, переработке «Тараса Бульбы», придании ему отчётливо русского характера, он вполне мог бы его не трогать, как не трогал больше «Вечера» или другие произведения «Миргорода», или, наоборот, мог бы оставить и даже усилить сугубо казачий колорит и идейность этой повести (как это вскоре стали делать в своём литературном творчестве П. Кулиш и Т. Шевченко).

Но писал всё это Гоголь не под давлением или чьему-то указанию, а по своей воле, в полном согласии со своими убеждениями и душевными порывами. Заметим, что работал он над второй редакцией «Бульбы» (с осени 1839, но в основном уже после середины 1840 года) параллельно

---

²⁹⁰ Гоголь Н. В. ПСС. Т. 8. М., 1952. С. 449.

с работой над «Мёртвыми душами» (вышли в мае 1842 г.), видя в них произведения, которые с разных сторон должны раскрыть одну глобальную проблему — проблему преобразования человека, оживления его души, помочь людям разрешить которую он и хотел своим творчеством. И притом период их создания — один из самых счастливых и гармоничных в жизни Гоголя²⁹¹. Вот эта вторая редакция «Тараса Бульбы» и стала подлинно *поэмой*, героическим эпосом, повлиявшим уже на современников писателя и продолжающим воздействовать на умы и сердца его потомков. Ведь именно она стала её главным, эталонным текстом.

Конечно, не все современники тотчас обратили внимание на нюансы второй редакции. Довольно показателен вопрос, с которым Николай Языков обратился к своему брату: «Он (Гоголь. — А. М.), помнится, переделал «Бульбу» для нового издания своих сочинений — заметил ли ты это?»²⁹² Причина тому — всё тот же малороссийский материал. К примеру, Степан Шевырёв, комментируя гоголевское творчество, замечал, что в своих малороссийских произведениях писатель проделал путь от отрицания к утверждению (то есть от констатации отрицательных сторон жизни и человеческих черт к утверждению положительных), перейдя от склочных помещиков и аморфного Шпоньки к героической повести о Тарасе Бульбе. И дальше он выражал надежду и уверенность, что подобная эволюция произойдёт и «в жизни русской», и Гоголь от «Ревизора» и «Мёртвых душ» перейдёт к «высоким созданиям в роде “Тараса Бульбы”, взятых уже из русского мира»²⁹³.

Шевырёв верно уловил главную мысль Гоголя, которая, по мере работы писателя над «Мёртвыми душами», всё больше становилась движущим мотивом его творчества. Но в отношении «Тараса Бульбы» он допустил неточность:

²⁹¹ Золотусский И. П. Указ. соч. С. 310.

²⁹² Литературное наследство. Пушкин, Лермонтов, Гоголь. Т. 58. М., 1952. С. 616.

²⁹³ Цит. по: Гоголь Н. В. Тарас Бульба... С. 506.

эта вещь лишь по форме относилась к прочим украинским произведениям писателя, по содержанию же она принадлежала к «русскому миру». Это, кстати, ещё раньше, до выхода второй редакции, почувствовал Белинский. Продолжая свою мысль о тематической и содержательной ограниченности произведений на украинскую тематику (особенно написанных на малороссийском наречии), он с удовлетворением констатировал, что писатель сумел преодолеть эту локально-этнографическую ограниченность и поднялся к проблемам всероссийским и всечеловеческим: «Для творческого таланта Гоголя существуют не одни парубки и дывчины... но и Тарас Бульба с своими могучими сынами»²⁹⁴. И хотя в повести критик видел скорее картины исторические, а не параллели с современностью, он отмечал, что вторая редакция стала «бесконечно прекраснее».

На первых порах на восприятии могло сказываться ещё и обстоятельство, с Малороссией совсем не связанное: а именно имевшееся среди части читателей недовольство Гоголем за чересчур неподобающее, по их мнению, сатирическое изображение действительности. И некоторые из них (как раз из числа тех, что сильнее ощущали различия двух русских «пород») были готовы пристегнуть к этому и «национальный вопрос».

Александра Смирнова (которую Гоголь просил сообщать ему всё, что говорят о нём самом и его произведениях в обществе) отвечала, что в светских салонах иногда раздавались голоса, обвинявшие его в том, что «Тараса Бульбу» он писал с любовью, тогда как «Мёртвые души», где речь шла о всероссийской жизни, получились карикатурой на неё. Впрочем, Смирнова добавляла, что претензии к писателю предъявляли и «хохлы»²⁹⁵. В том, что «Бульба» был написан с любовью, нет ничего удивительного. Понятно, что так воспеть героика малороссийского прошлого мог

²⁹⁴ Белинский В. Г. ПСС. Т. 5. С. 177–178.

²⁹⁵ А. О. Смирнова и Н. В. Гоголь. Письма к Гоголю Смирновой (1844–1851 гг.). С. 133–134, 153.

только малоросс. А вот подобное мнение о «Мёртвых душах» (которых Гоголь писал с не меньшей любовью к читателям и отчизне) было полностью неверным. Не вдаваясь в детали, стоит лишь напомнить, что сам Николай Васильевич был удручён таким пониманием (а вернее, непониманием) своей книги. «Глупой ошибкой соотечественников» называл он мнение части своих читателей, принявших «Мёртвые души» «за портрет России», причём эту мысль он повторял неоднократно, в том числе в своей «Авторской исповеди»²⁹⁶. На исходно неверной посылке неверными оказывались и проведённые между произведениями параллели.

Русскость повести могла пока как бы не замечаться, ведь большая часть российского общества к малорусскости относилась как к части Русского мира, и упоминание об этом воспринималось как само собой разумеющееся. Для тех же, кто был более склонен замечать различное, а не общее, слово Гоголя — их современника — не могло в одночасье переменить привычных взглядов. Пример тому — Николай Полевой, продолжавший свою линию. Отдавая Гоголю дань за мастерское изображение запорожского быта, он в то же время называл его стремление сделать казаков «какими-то рыцарями» ошибочным, а те места, где запорожцы представлены героями, — смешной карикатурой²⁹⁷.

Но если русские обратили внимание на новый смысл повести пока не все и не сразу, то поляки заметили её русский характер почти моментально. И отнеслись к этому резко отрицательно. Одним из первых поляков, высказавшихся о «Тарасе Бульбе» и тем самым заложивших идейные рамки её восприятия польским обществом (в XX веке в межвоенной Польше эта повесть даже запрещалась), был М. А. Грабовский — литератор и один из видных польских украинофилов, выпускник того же уманского бази-

---

²⁹⁶ Гоголь Н. В. ПСС. Т. 13. С. 30.

²⁹⁷ Цит. по: Гоголь Н. В. Тарас Бульба... С. 505.

лианского училища, что и небезызвестный Духинский. В 1846 году в журнале «Современник» было помещено его письмо (написанное тремя годами ранее), в котором он утверждал, что «Гоголь ошибочно понимает историю Малороссии, даже самое происхождение украинского народа и козачества, а потому и не мог уразуметь отношений их к Польше».

Вражда малороссов и поляков возникла, по мнению польского критика, из-за «взаимной клеветы». Да и «были ли жестокости поляков в отношении к Руси» вообще, задавался вопросом Грабовский. И, отвечая на него, как бы предвосхищал воцарившееся в интеллектуальной сфере в конце XX века постмодернистское отношение к миру и человеку, с его релятивизмом, «размытостью» любых устоев и норм, с его относительностью истины.

Впрочем, эти постмодернистские постулаты на самом деле тоже «неистинны». Пропагандируя отказ от абсолюта и «многоистинность» как норму («у каждого своя правда»), адепты этого миропонимания стремятся не к равноправию «мелких» относительных «истин», а к утверждению одной — своей собственной, для них являющейся абсолютной. И достичь цели они могут, как нетрудно догадаться, лишь одним способом: заставив (самыми разными средствами, от мягких и «политкорректных» до грубых и «нетолерантных») своих оппонентов и вообще всех отказаться от *своей* правды, истинность и абсолютность которой они подвергают сомнению, и принять *чужую*, то есть их собственную.

Точно такую логику предложил и Михаил Грабовский: признав, что польские «жестокости» были, он в то же время повернул ситуацию так, что их как бы и не было. И предложил русским и малороссийским писателям и романистам, для «взвешенности» и «историчности» их будущих произведений, признать (и принять), что у поляков тоже была своя правда, которой и объяснялись их «жестокости». На деле же, в условиях культурного и геополитического

«спора» польского и общерусско-малорусского миров, это подразумевало историческое оправдание польской стороны и переход именно на польскую точку зрения, со всеми вытекающими отсюда последствиями относительно не только прошлого, но и настоящего.

Отказывал Грабовский Гоголю даже в достоверности изображения характеров и в прочих литературных достоинствах его творения (при этом стараясь всех убедить, что повесть ему неприятна не как поляку, а по чисто художественным соображениям). И в целом, выносил приговор деятель польского «украинофильства», все усилия писателя в «Тарасе Бульбе» оказались «приданы трупу, или вернее набитой соломою чучеле, которая рано или поздно, а должна обратиться в сор»²⁹⁸. Показательно, что первая редакция «Бульбы» не вызвала в польском обществе столь гневно-болезненной реакции. Напротив, тогда поляки (в том числе друг Грабовского Богдан Залесский) попытались даже перетянуть молодого талантливый писателя на свою сторону, но, как уже говорилось, безуспешно.

Польские противники единения Великороссии и Малороссии одними критическими статьями при этом не ограничивались. О серьезности их отношения свидетельствует история более чем двадцатилетнего «отлучения» «Тараса Бульбы» от российской армии. Так, по докладу военного цензора генерал-лейтенанта Л. Л Штюмера (Штырмера) повесть была запрещена к опубликованию в «Сборнике статей для чтения в солдатской школе» (1874 г.), а затем и в журнале «Чтение для солдат» (1878 г.). Формально мотивировка была следующей: Штюмер настаивал, что солдатская масса молода и неразвита, а население западных окраин — католическое, и потому некоторые православные солдаты, ознакомившись с содержанием повести, «могут повторить действия запорожцев».

²⁹⁸ Письмо Грабовского о сочинениях Гоголя // Современник. 1846. Т. 41. С. 51, 54–56, 58–60.

Но эта версия была для «внешнего употребления» — для цензуры и Военного ведомства. Истинные же причины, надо полагать, скрывались в личных убеждениях самого цензора и той польской национально-культурной среды, к которой он принадлежал. Уроженец Польши, католик Штюрмер свою военную карьеру начинал в лагере польских повстанцев и даже в 1831 году попал к правительственным войскам в плен (вот такие замысловатые судьбы бывали у российских генералов, отвечавших за формирование массового сознания). Ко всему прочему, был он польским литератором и единомышленником Грабовского. Последний даже называл Штюрмера «замечательным человеком» и «челом народа в нравственном отношении», имея в виду «правильный ход» его мыслей²⁹⁹.

Препятствия на пути гоголевской повести к солдатской массе удалось преодолеть лишь ближе к концу века. В 1897 году «Тарас Бульба» получил одобрение военной цензуры к изданию в серии «Походная Библиотека». Эти примеры наглядно демонстрируют, что, в отличие от широкой массы русского общества, поляки были более внимательны к национальному вопросу и чутко реагировали на малейшие изменения в противостоянии национальных идентичностей на малороссийских землях.

Но жизнь не стояла на месте. «Обиды», которые кое-кто держал на Гоголя (хотя таковых было явное меньшинство), стирались. В жизнь вступали новые поколения, для которых Гоголь был великой, но уже абстрактной фигурой, а не обычным человеком — их современником (к праву современников учить других и знать что-то лучше относятся очень ревниво). По мере того как шло время, как национальный момент всё больше выступал на передний план общественной жизни страны, а повесть-поэма расходилась всё большими тиражами, содержащийся в ней *русский образ* малороссийской истории, народа и самой

---

²⁹⁹ Гоголь Н. В. Тарас Бульба... С. 530–531.

этой земли всё глубже и глубже усваивался и образованными кругами, и простым народом. Причём в разных частях русской ойкумены, вплоть до самых западных, вне России пребывающих, её частей.

Так, деятель галицко-русского движения второй половины XIX века Б. А. Дедицкий писал, что гоголевские герои были широко известны в галицком народе, а Тарас Бульба «стал у нас тогда известным своего рода типом»³⁰⁰. Здесь не должно смущать, что речь идёт о Галиции. В подавляющем большинстве случаев распространение произведений Гоголя и вообще его популяризация велись деятелями галицко-русского (русофильского) движения, считавших галицких и карпатских русинов частью Большого русского народа. Гоголя они печатали в переводе на галицко-русское «язычие» (смесь церковнославянского, русского литературного языков и местного говора), больше похожее на русский язык, чем на современный литературный украинский, и на русском языке³⁰¹.

На состоявшемся в 1902 году в Вене всеславянском чествовании Гоголя представитель буковинского студенческого общества А. И. Дошна подчёркивал, что «на русском, общерусском языке зачитывается им (Гоголем. — А. М.) не одна только интеллигенция..., но и простой народ». «Оказалось, что наш галицкий крестьянин, — продолжал он, — предпочитает читать его так, как Гоголь сам писал, а не в подлаживающихся к нашему крестьянству исковерканных “украинских” переводах» (которые пытались делать адепты украинского движения). И пояснял это красноречивым примером: изданный львовскими русофилами «Тарас Бульба» разошёлся в количестве четырёх тысяч экземпляров, в том числе по сельским библиотекам³⁰².

³⁰⁰ Цит. по: Пашаева Н. Гоголь и галичане. Об одной забытой статье столетней давности // Россия XXI. 2011. № 4. С. 14.

³⁰¹ Пашаева Н. М. Очерки истории русского движения в Галичине XIX–XX вв. М., 2007. С. 22–25.

³⁰² Цит. по: Гоголь Н. В. Тарас Бульба... С. 571.

Но отнюдь не только в Галичине книги Гоголя уходили в народ, а его герои, в том числе Тарас Бульба, становились «известными своего рода типами». «Тараса Бульбу» всё больше начинают изучать в российских средних учебных заведениях, городских училищах, сельских и церковных школах, получает повесть (вторая редакция) и допуск Министерства народного просвещения и Училищного совета при Святейшем Синоде для чтения и школьных библиотек. Произведения Гоголя (как и других русских классиков) начинают издаваться всё чаще и всё более крупными тиражами. Скажем, начиная с последней четверти XIX века печатаются специальные издания «Тараса Бульбы» и брошюры «для народа» и публичных чтений. Кроме того, появляются пересказы и лубочные переделки повестей Гоголя (связано это было, с одной стороны, с большой популярностью гоголевских произведений, в том числе на украинскую тематику, а с другой — с неурегулированностью вопроса об издательских правах).

О массовости тиражей свидетельствует следующий факт. В 1902 году общий тираж произведений Гоголя насчитывал более двух миллионов экземпляров, из них половину составляли «Вечера на хуторе» и «Тарас Бульба». Причём издания эти были дешёвыми, специально рассчитанными на читателя из народа³⁰³. И мечта Н. А. Некрасова о том, чтобы русские люди читали серьёзные книги («Белинского и Гоголя» с базара понесли), действительно становилась явью, по крайней мере в отношении Гоголя. И, конечно, неоценимая роль тут принадлежала не только школе, но и массовым жанрам: публичным чтениям, театральным постановкам, а говоря о более поздних временах — и кинематографу.

В России Тарас Бульба (литературный герой!) ставился в один ряд с Ермаком (реальной исторической фигурой) для иллюстрации могучих проявлений русской жиз-

---

³⁰³ Там же. С. 521, 522, 526, 528–532, 591.

ни и народного начала и постепенно становился одним из олицетворений русского человека вообще. Чем ближе к XX веку, чем острее становилась в Малороссии борьба между национальными идентичностями и мировоззрениями (общерусско-малорусской, украинской, польской), чем сильнее заявлял о себе национальный вопрос в России вообще, тем всё больше значения начинало придаваться национальному контексту гоголевской повести, тем острее начинали звучать слова Тараса и самого Гоголя о рускости. И тем пристальнее вслушивались в них те, кто понимал всю важность национальной проблемы для единства страны и самого её существования.

И в преддверии всероссийского хаоса, в грозном предчувствии его разрушительных и разъединяющих вихрей, всё яснее начинало видеться то мучительное расщепление русской жизни, что и подготовило этот разрушительный хаос. И призыв к единению, к сожалению, бессильный тогда противостоять разбуженной стихии, облакался, в том числе, и в гоголевские образы из «Тараса Бульбы», которые уже подсознательно ощущались как что-то идущее изнутри, из глубинных тайников русской души. «Мы — русские, а Русь — на гребне волны мировых событий, — писал поэт Андрей Белый (Б. Н. Бугаев) другому поэту, А. А. Блоку. — А там, в великом деле собирания Руси, многие встретятся: инок, солдат, чиновник, революционер, скажут, сняв шапки: “За Русь, за Сичь, за козачество, за всех христиан, какие ни есть на свете” ... И от поля Куликова по всем полям русским прокатится: “За Русь, за Сичь, за козачество, за всех христиан, какие ни есть на свете”. Аминь»³⁰⁴.

Но здесь уже открываются выходы на вопросы другие, более широкие — о русском сознании, историософии Руси-России и, конечно же, Малороссии, об исторических судьбах нашего народа. И том самом *выборе*, который те-

³⁰⁴ Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919. Публ. подг. А. В. Лавров. М., 2001. С. 395.

перь, в начале XXI века, вновь встал перед нами, причём как нельзя более остро. А также о том, какую роль в постижении ответов на эти вопросы играют «Тарас Бульба» и его автор, Николай Васильевич Гоголь.

* * *

Говоря о русском восприятии «Тараса Бульбы», нельзя не привести и ещё один пример. Случай, казалось бы, очень далёкий от гоголевских времён, произошедший спустя сто с небольшим лет после выхода в свет второй редакции его повести-поэмы. В конце января 1945 года, в ходе Висло-Одерской наступательной операции, знаменитый 16-й гвардейский истребительный авиационный полк (в котором «состоялись» такие выдающиеся воздушные бойцы, как Александр Покрышкин и Григорий Речкалов³⁰⁵) перебазировался на территорию Германии, в городок Альтдорф. Лётный состав разместили в старом немецком замке неподалеку от аэродрома.

И вот в один из нелётных дней лётчики собрались в библиотеке замка. «Было здесь много разных изданий на различных языках. Увидели мы и наши книги, — вспоминал позднее ветеран полка, лётчик-ас К. В. Сухов, — и, бережно беря их в руки, с тревожным волнением думали о путях, приведших этих пленниц сюда, в мрачный, чужой замок, о судьбах людей, которым они принадлежали, об авторах,

³⁰⁵ Упомянутые в тексте лётчики полка: Покрышкин А. И., Трижды Герой Советского Союза (далее — ГСС), ≥ 53 воздушные победы лично + 6 в группе; Речкалов Г. А. Дважды ГСС, 61+5; Сухов К. В., ГСС, 22 — лично; Труд А. И., ГСС, 25+1; Фёдоров А. В., ГСС, 20+4; Трофимов Н. Л., ГСС, 15+11; Голубев Г. Г., ГСС, 15+1; Вахненко И. С., 10+2; Берёзкин В. А., 10 — лично; Карпович В. П., ГСС, ≥ 1 — лично; Руденко И. С., 3 — лично; Душанин В. В., 2 — лично. Подсчитано по: Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 21 990 (16 гиап). Оп. 206868. Д. 2–4; Оп. 206869. Д. 1, 5; Оп. 206874. Д. 2; Оп. 296 913. Д. 3. Ф. 20046 (9 гвиад). Оп. 1. Д. 13, 14, 18; Оп. 2. Д. 11. Ф. 20076 (20 сад). Оп. 1. Д. 11, 40.

составляющих нашу национальную гордость»³⁰⁶. И среди этих русских книг их внимание привлекла одна — повесть «Тарас Бульба».

«...Нет уз святее товарищества!»

«Николай Трофимов негромко начинает читать своим боевым друзьям гоголевского «Тараса Бульбу», и мерцающий свет коптилки пламенем загадочного костра играет на задумчивых, немного усталых лицах лётчиков, полукругом сидящих и стоящих возле товарища, примостившегося на вращающемся стульчике у пианино...

— Почитай! Вслух почитай, Николай! Для всех...

И Трофимов стал читать. И потянулись ребята к неровному, трепетному, очень похожему на пламя свечи огоньку.

«...Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей».

О чём задумались в тот момент они, собравшиеся со всех концов этой Русской земли для её защиты? Донской казак Константин Сухов и сибиряк Георгий Голубев, украинец Иван Вахненко и волгарь Владимир Душанин, серпуховчанин Николай Трофимов и белорусс Викентий Карпович, Вячеслав Берёзкин из Подмосковья и родившийся в Новороссии Андрей Труд, ивановец Аркадий Фёдоров и сын донецких степей Иван Руденко, возможно, прямой потомок тех самых запорожцев, и ещё много других? Их судьба, их жизненный путь — это типичный путь их поколения. Крестьянская или рабочая семья (реже — служащие), затем фабрично-заводское училище и работа на заводе, параллельно учёба в аэроклубе, дальше лётное училище, офицерское звание и служба в истребительной авиации. А потом — жестокое небо войны, быстро заставившее не по годам повзрослеть этих двадцатилетних ребят.

«...Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство, вот на чём стоит наше товарищество!»

---

³⁰⁶ Здесь и далее: Сухов К. В. Эскадрилья ведёт бой. М., 1983. С. 276–277. Цитаты из «Тараса Бульбы»: Гоголь Н. В. ПСС. Т. 2. С. 133–134.

Что такого вдруг услышали они — плоть от плоти народной — в гоголевской повести? «Пожалуй, вспомнил каждый что-то очень своё, очень близкое, дорогое, родное. А может, встали перед глазами образы друзей, сторевших в небе фронтовом?.. Верные долгу, свято соблюдая закон боевого братства, живые дерутся теперь и за павших друзей-товарищей своих», — так выразил эти чувства (свои и своих однополчан) Константин Сухов.

Они воевали над теми степями, где мчали своих коней, спеша в Сечь, старый Тарас с сыновьями. Они дрались неподалеку от тех мест, где приняли свой последний бой Бовдюг и Кукубенко, Шило и Остап. И теперь, под чужим хмурым небом, в гулком немецком замке читая русскую книгу о запорожцах, они читали о... самих себе. Это они — те самые запорожцы. Это они подали друг другу руку на братство и встали за поруганную Родину. Это они не отвели взгляд, когда в глаза им заглянула лютая смерть. Это они стали строже и чище душой, пройдя через горе народное. И никому из них даже в голову не могло бы прийти, что, читая про запорожских казаков и Малороссию, они читают про что-то чужое, постороннее. Они читали про своё. Про Россию.

То слово, которое Гоголь хотел сказать своим соотечественникам-современникам, через сотню лет, уже в совсем другую эпоху, в изменившейся стране, отозвалось в сердцах его соотечественников-потомков. И, глядя на них, Гоголь увидел бы то, чего так желал видеть в России: *единый Народ. Живые души.*

* * *

Возвращаясь же к вопросу о пространственных образах, следует отметить, что высокий творческий огонь повести-поэмы слил, сплавил воедино до того слабо связанные между собой два ментальных пласта, два образа этой земли: исторической Руси и казачьей Малороссии. Что-то в мало-

российской истории русским обществом считалось своим и раньше — но им был скорее эпизод воссоединения, олицетворённый личностью Хмельницкого и потому касавшийся собственно *истории России*. Теперь же казачья история и малороссийская вообще становилась для русского общества не просто борьбой за сохранение православия и освобождение от иноземного господства близких, родных — но соседей, а именно *своей, русской* (а для малороссов таковой становилась вся тысячелетняя русская история). И не просто своей, а одним из наивысших воплощений её героизма и доблести, жертвенности и товарищеской верности, служения Родине и Вере. Своею жизнью и мученической смертью Тарас Бульба навечно соединил обе ипостаси образа этой земли воедино. И в таком виде этот образ и вошёл в русское национальное сознание, существуя в нём и по сей день.

Заключение

С той поры, когда жил и творил Гоголь, прошло немало времени. Жизнь не стояла на месте, и образ Малороссии-Украины, будучи отражением и осмыслением существующей действительности, менялся вместе с ней. Социальные, политические, ментальные и национальные процессы, шедшие в российском обществе и малороссийских губерниях; набиравшее силу украинское движение с его собственным образом этой земли как «Украины»; революция и Гражданская война; появление Украины как национально-политического организма и включение в её состав разнородных в историко-культурном отношении регионов; индустриализация и социалистическое строительство; Великая Отечественная война и присоединение западных областей; наконец, превращение Украины в самостоятельное государство — всё это вносило в осмысление этой земли и её народа коррективы, и порой сильные. Что-то в их образе отходило на второй план, что-то, наоборот, выступало вперёд, появлялись какие-то новые черты. Но основы их восприятия русским сознанием, заложенные ещё в рассмотренный нами период, а то и гораздо раньше, в далёком средневековье, все его основные составляющие, сохранились по-прежнему.

Так, остался неизменным первый и основной его пласт — взгляд на эту территорию (особенно на её ядро Киев — Чернигов) как на историческую колыбель Руси-России, как на землю предков, то место, где началась русская история.

Живёт, правда, уже не в столь масштабном виде, как до революции, и другая её ипостась — взгляд на неё как

на духовное сердце Русской земли, исторический центр православия.

Но мало изменился и другой, заложенный в конце XVIII — первые десятилетия XIX века, образ этой земли как красочно-этнографической Малороссии и его более позднего, «украинизированного» варианта — «гопаковско-шароваристой» Украины, подтверждения чему периодически возникают и сейчас. И так же, как и в XIX–XX веках, это реноме активно поддерживает (часто даже не желая того) сама украинская сторона.

Сохраняется и разное восприятие её регионов и исторических областей. С той только разницей, что некоторые из тех, которые были во времена Гоголя, уже исчезли, а взамен их появились совершенно новые; другие же, став в XX веке «Украиной», претерпели изменения.

Продолжает существовать и то восприятие Украины, которого придерживались оппозиционные властям группы российского общества и которое в наши дни исповедуют либерально-западнические круги.

И, конечно, хранится в народе тот образ духовного и национального единения двух частей Руси, что мыслился и создавался на протяжении столетий в каждой из них и был гениально закреплён Гоголем в «Тарасе Бульбе».

При этом два последних, скажем так, историко-политических, нюанса этого образа вполне совмещаются со всеми остальными. К примеру, и человек, разделяющий общерусское мировоззрение, и тот, который его отвергает, могут совершенно одинаково воспринимать Украину через уже знакомый «песенно-плящущий» этнографический образ. Или замечать её региональную «лоскутность». Или смотреть на эту территорию как на место действия предков. Ведь историко-политические нюансы образа пребывают в противоречии лишь друг с другом.

Впрочем, расходиться они начинают уже по отношению к данной территории как к исторической колыбели России. Людьюми либерально-западнических взглядов этот нюанс

восприятия актуализируется довольно слабо. Первый, изначальный пласт образа этой земли (в исторической и религиозной его ипостаси) более востребован и символичен именно для тех, в ком живёт чувство исторического и культурно-национального единства России и Украины как неразрывных частей одной Русской земли.

И именно для этого образа (и русского сознания вообще) последние двадцать лет стали особенно непростыми. Слишком многим на Украине, в мире и даже в России хотелось бы, чтобы русские и украинцы стали по-иному воспринимать друг друга. Не является секретом то, с какой настойчивостью и последовательностью все эти годы на Украине, причём на самом высшем, государственном уровне, творился (и продолжает твориться по сей день, пусть временами и не так откровенно) образ России как чуждого и враждебного мира. А если даже и не враждебного, то уж точно чужого, «не своего».

В России подобного не наблюдалось, напротив, неизменно подчёркивался дружеский и добрососедский характер взаимоотношений *двух стран*. Однако и здесь просматривается идущая сверху (от господствующих ныне политических и идеологических сил) тенденция рассматривать Украину как нечто совершенно постороннее, как сугубо «соседнее» пространство. В этом же ряду находятся и попытки, ущербные в историческом и кощунственные в духовном и культурном смысле, начинать отсчёт русской (или, как больше нравится представителям этого идеологического направления, *российской*) истории, культуры и национальной идентичности из глухих уголков Новгородской земли, Северо-Восточной послемонгольской Руси, а то и вовсе из Золотой Орды и некоего «евразийского исторического пространства», в котором исчезают и растворяются не только русские, но и сама Россия.

Иными словами, если на Украине (среди адептов идеологии украинства и использующих её в своих целях государственных чиновников) есть стремление отрезать от своей истории и идентичности Великую и Белую Русь, Россию и Русский

мир вообще, то в России среди либерально-западнических (и весьма влиятельных в общественной жизни и власти) кругов имеется тенденция отказаться от киевской и западно-русской части своей истории и идентичности. И тем самым оторвать Россию от своих духовных и исторических корней. И потому как нельзя более актуально звучит в наши дни призыв Гоголя к единению и духовному братству.

История уже разводила Западную и Восточную Русь (как теперь Украину и Российскую Федерацию) по разным политическим и даже цивилизационным «квартирам». Но тогда, в средние века, народное сознание (и низов, и правящей элиты, и тогдашней интеллигенции), причём в обеих её частях, не захотело примириться с этим, казалось бы, свершившимся фактом. Не идёт оно на поводу у сиюминутной конъюнктуры и сейчас. Несмотря на то что место «Малороссии» (не говоря уже о «Южной Руси») теперь заняла «Украина» — уже по определению и «национальности» более далёкая от России и русскости, чем они, и несмотря на все перипетии последних лет, эта земля и её народ всё равно рассматривались и рассматриваются русским сознанием как свои и родные. И такое отношение к ним, такой их образ в огромной степени стал возможным, в том числе, благодаря Николаю Васильевичу Гоголю, который, в свою очередь, уже сам стал символом и хранителем этого духовного единства.

Политическая ситуация переменчива. Никто не знает, как будет выглядеть русско-украинское политическое и культурное пространство в будущем. Но пока люди в России и на Украине помнят Гоголя, читают его, слышат то, что он хотел донести до своих соотечественников — современников и потомков, это пространство будет единым. Русский мир будет жить, а образы России и Украины, русских (великороссов) и украинцев (малороссов), при всех возможных нюансах, будут сохранять главное — отношение друг к другу как к *своим*.

Приложение-послесловие

Заканчивается книга, дочитаны её последние страницы. Осталось сделать лишь последний штрих. Обычно в приложении помещают какие-нибудь документы или иные свидетельства, призванные дополнить сказанное выше и служить ему подтверждением. Но в данном случае приложению отводится и ещё одна роль. «Словом к читателю» открывалась эта книга, и логично будет тем же её и завершить. Только уже «словом» не автора, а её главного героя — самого Николая Васильевича Гоголя.

Конечно, лучший способ услышать то, что он хотел сказать, — это ещё раз перечитать его произведения, окунуться в поэзию гоголевского слова, воочию увидеть и Малороссию, и Петербург, и запорожцев, и летящую птицей-тройкой Русь. А может, и обратиться к письмам Гоголя и через них взглянуть на него самого, на его время, на Россию. Но одно Слово Гоголя можно и нужно привести прямо здесь и сейчас. Это — речь Тараса о Русской душе и Русском товариществе, и заключительные строки повести, которые как бы продолжают и завершают великое Слово Гоголя, вложенное им в уста казацкого атамана³⁰⁷.

Как будто про наши дни сказано оно. Про нашу жизнь, сирую и подлую оттого, что забыто ныне на Руси и святое товарищество, и русское чувство. А ещё оно про то, *как надо жить, каким надо быть*, чтобы жизнь стала *другой*. И потому Слово это нашему народу, в России и на Украине (и, конечно же, в Белоруссии) пребывающему, нужно сейчас, как ничто другое. Вот оно.

---

³⁰⁷ Здесь и ниже: *Гоголь Н. В.* ПСС. Т. 2. С. 133–134, 171–172.

«...И когда всё было сделано как нужно, сказал (Тарас. — А. М.) речь козакам, не для того, чтобы ободрить и освежить их, — знал, что и без того крепки они духом, — а просто, самому хотелось высказать всё, что было на сердце.

— Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество. Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была земля наша: и грекам дала знать себя, и с Царьграда брала червонцы, и города были пышные, и храмы, и князья, князья русского рода, свои князья, а не католические недоверки. Всё взяли бусурманы, всё пропало. Только остались мы, сирые, да, как вдовица после крепкого мужа, сирая, так же как и мы, земля наша! Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вот на чем стоит наше товарищество! Нет уз святее товарищества! Отец любит своё дитя, мать любит своё дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь своё дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей. Вам случалось не одному помногу пропадать на чужбине; видишь, и там люди! также божий человек, и разговорись с ним, как с своим; а как дойдет до того, чтобы поведать сердечное слово, — видишь: нет, умные люди, да не те; такие же люди, да не те! Нет, братцы, так любить, как русская душа, — любить не то чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал бог, что ни есть в тебе, а... — сказал Тарас, и махнул рукой, и потряс седою головою, и усом моргнул, и сказал: — Нет, так любить никто не может! Знаю, подло завелось теперь на земле нашей; думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребях запечатанные меды их. Перенимают, чёрт знает, какие бусурманские обычаи; гнушаются языком своим; свой с своим не хочет говорить; свой своего продаёт, как продают бездушную тварь на торговом рынке. Милость чужого короля, да и не короля, а паскудная милость польского магната,

который жёлтым чёботом своим бьёт их в морду, дороже для них всякого братства. Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извалялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства. И проснётся оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь свою, готовый муками искупить позорное дело. Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество! Уж если на то пошло, чтобы умирать, — так никому ж из них не доведётся так умирать!.. Никому, никому!.. Не хватит у них на то мышинной природы их!

Так говорил атаман и, когда кончил речь, всё ещё потрясал посеребрившуюся в казацких делах головою. Всех, кто ни стоял, разобрала сильно такая речь, дошед далеко, до самого сердца. Самые старейшие в рядах стали неподвижны, потупив седые головы в землю; слеза тихо накатывалась в старых очах; медленно отирали они её рукавом. И потом все, как будто сговорившись, махнули в одно время рукою и потрясли бывальыми головами. Знать, видно, много напомнил им старый Тарас знакомого и лучшего, что бывает на сердце у человека, умудрённого горем, трудом, удалью и всяким невзгодьем жизни, или хотя и не познавшего их, но много почуявшего молодою жемчужною душою на вечную радость старцам-родителям, родившим его...».

«...Когда очнулся Тарас Бульба от удара и глянул на Днестр, уже казаки были на челнах и гребли вёслами; пули сыпались на них сверху, но не доставали. И вспыхнули радостные очи у старого атамана.

— Прощайте, товарищи! — кричал он им сверху — Вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь, да хорошенько погуляйте! Что, взяли, чёртовы ляхи? Думаете, есть что-нибудь на свете, чего бы побоялся казак? Постоите же, придёт время, будет время, узнаете вы, что такое православная русская вера! Уже и теперь чуют дальние

и близкие народы: подымается из Русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!..

А уже огонь подымался над костром, захватывал его ноги и разостлался пламенем по дереву... Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пере-силила русскую силу!»...

Именной указатель

- Александр I — 52, 70, 90, 119, 120
Алексей Михайлович, царь — 31, 43, 55
Андрей Белый (Бугаев Б. Н.) — 229
Андрей Первозванный, апостол — 48
Антоний Печерский, св. — 51
Ахматова А. А. — 21, 135
- Байрон Дж. — 125
Бантыш-Каменский Д. Н. — 110, 137
Баратынский Е. А. — 151
Барятинский А. И. — 270
Батый, хан — 182
Батюшков К. Н. — 82, 83, 151
Бахметьева М. С. — 49
Безбородко А. А. — 63
Белинский В. Г. — 84, 85, 102, 104, 185, 193, 197, 202, 222, 228, 268, 270, 285
Берёзкин В. А. — 230, 231
Бестужев А. А. — 112
Бестужев-Рюмин М. П. — 118
Берында П. — 25
Билевич Н. И. — 21, 184
Билибин И. Я. — 262
Блок А. А. — 229
Богданович И. Ф. — 75, 98
- Богословский Н. В. — 162
Болтин И. Н. — 110
Борис Годунов, царь — 111
Бородин А. Н. — 163
Боян, сказитель — 47
Булгаков М. А. — 199, 200
Булгарин Ф. В. — 111, 188
Бунин И. А. — 19, 199
Бунина А. П. — 184
- Вадим Храбрый — 111, 113
Васнецов В. М. — 262
Вахненко И. С. — 230, 231
Веневитинов Д. В. — 68
Венецианов А. Г. — 257
Вернет И. Ф. — 73
Виргилий — 103
Вишневецкий И. — 289
Владимир Святой, князь — 43, 44, 47, 48, 111, 266
Владимир Мономах, князь — 43
Войнаровский А. — 112, 123–126
Волошин (Кириенко-Волошин) М. А. — 21
Вольтер (Аруэ М. Ф.) — 124, 129, 160, 275
Востоков (Остенек) А. Х. — 46
Высоцкий Г. И. — 106, 184
Вяземский П. А. — 87, 88, 110, 270

- Габсбурги — 36
 Гаршин В. М. — 18
 Герстенберг И. Д. — 88, 89
 Герцен А. И. — 193, 194, 204, 285
 Гизель И. — 64, 190
 Гиляровский В. А. — 159
 Глинка М. И. — 99, 111
 Глинка Ф. Н. — 96, 105, 109, 112
 Гнедич Н. И. — 21, 82
 Гоголи, семья — 170
 Гоголь А. В., сестра — 72
 Гоголь В. А., отец — 103
 Гоголь М. И., мать — 59, 103
 Гоголь Н. В., Никоша — 7, 8, 18–22, 25, 42, 59, 60, 62, 63, 68, 71, 72, 77, 78, 82, 84, 89, 90, 92–94, 102, 105–107, 111, 135, 136, 139–147, 149–154, 157–160, 162, 163, 165–178, 181–189, 192–197, 201, 202, 204, 205, 208–230, 232, 235, 236, 238, 257, 260, 270, 271, 277, 284–288, 293
 Голубев Г. Г. — 230, 231
 Гонорский Р. Т. — 96
 Горкуша (Гаркуша) — 108
 Грабовский М. А. — 223–226, 288
 Гребёнка Е. П. — 21, 99, 100, 103, 170, 185, 269
 Греч Н. И. — 215
 Грибоедов А. С. — 52, 77
 Гулак-Артемковский П. П. — 96, 98
 Гулевичевна Лозкина А. — 26
 Гун О., фон — 70
 Гюго В. — 125
 Гютен С. А. — 48, 164

 Данилевский Г. П. — 21
 Дедицкий Б. А. — 227
 Дельвиг А. А. — 81
 Дитмар Ф. А. — 88, 89
 Дмитриев И. И. — 150
 Дмитрий Донской, князь — 111
 Добронравов Н. Н. — 17
 Долгорукий (Долгоруков) И. М. — 49, 52, 70, 73, 79, 120, 190, 192, 264
 Доленга-Ходаковский З. Я. (Чарноцкий А.) — 93, 94
 Долматовский Е. А. — 164
 Дорохов Р. И. — 151
 Достоевский Ф. М. — 21, 146
 Дошна А. И. — 227
 Драгоманов М. П. — 24
 Духинский Ф. — 93, 95, 217, 224
 Душанин В. В. — 230, 231

 Елизавета Петровна, императрица — 52, 61, 63
 Екатерина II, императрица — 33–35, 52, 53, 62, 76, 113, 119, 172, 175
 Ермак Тимофеевич, атаман — 228

 Жуковский В. А. — 68, 163

 Забела В. Н. — 96, 99
 Завадовский П. В. — 63
 Загоскин М. Н. — 110, 184
 Залесский В. — 93, 94
 Залесский Ю. (Богдан) — 95, 225
 Захарий (Корнилович), еп. — 61

 Иванов А. А. — 257
 Иванов О. Б. — 17
 Измайлов В. В. — 73, 76
 Иоанн IV Грозный, царь — 23, 45, 113
 Илия Муромец, св. воин — 23, 47, 48
 Иоанн (Максимович), арх. — 61
 Иоасаф (Кроковский), митр. — 61
 Иов Борецкий, митр. — 26, 44

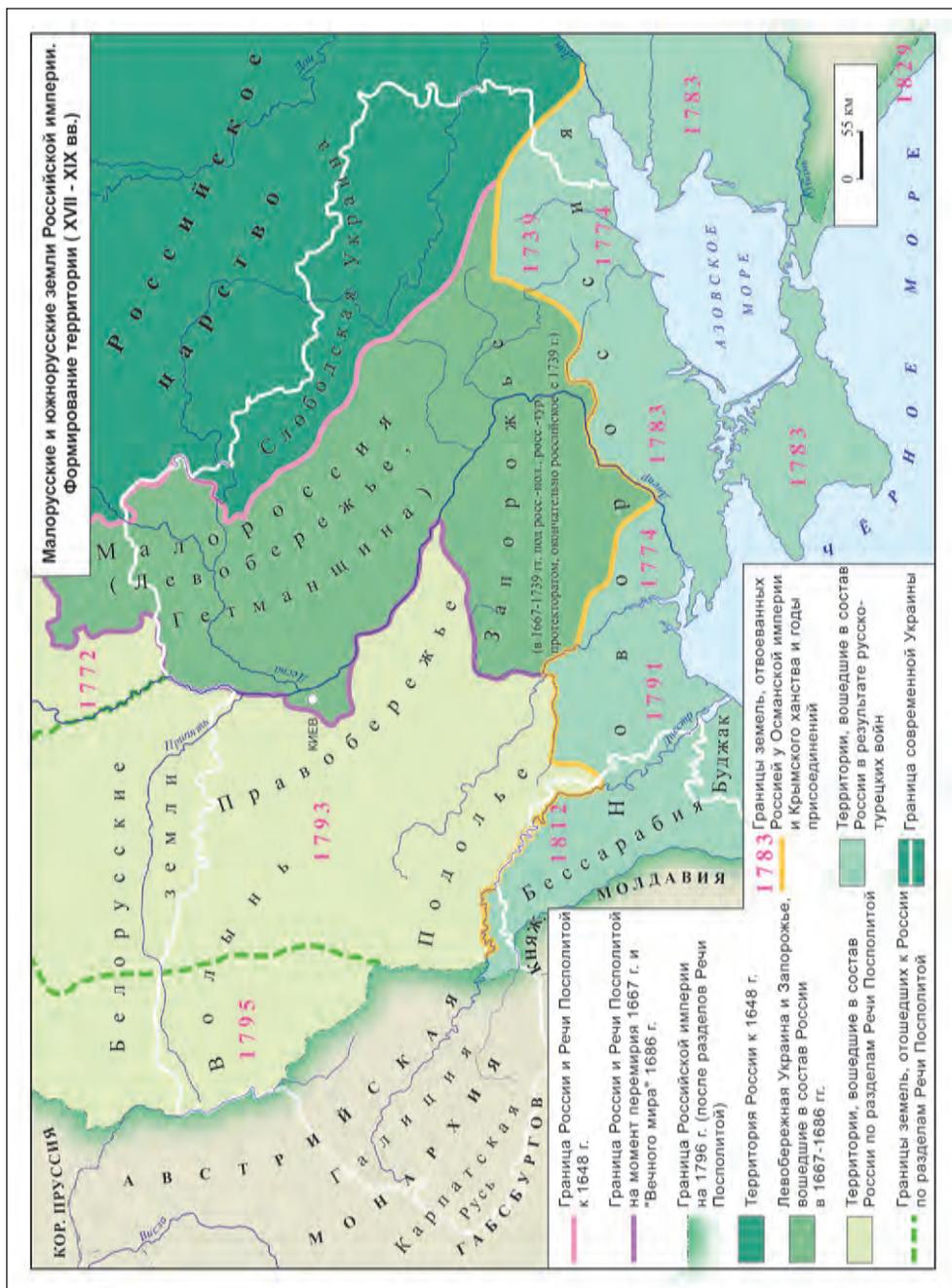
- Ипатий Потей, митр. (Тышкевич А. Л.) — 26
Ирина Илиопольская, свмч. — 48
Исаия Копинский, митр. — 26, 44
Искра И. М. — 127
- Калиновский Г. — 107
Кампенгаузен Б. Б. — 171
Капнист В. В. — 21, 98
Капнист И. В. — 63
Каразин Н. Н. — 262
Карамзин Н. М. — 46, 80, 83, 84, 91, 110, 113, 120, 121, 181, 184, 190, 208, 275, 284
Карл XII — 125, 127, 128
Карпович В. П. — 230, 231
Квитка (Основьяненко) Г. Ф. — 96, 98, 103
Княжнин Я. Б. — 113
Козицкий Г. В. — 107
Козлов И. И. — 163
Комовский В. Д. — 186
Короленко В. Г. — 18, 21
Костомаров Н. И. — 131, 179, 207
Косяровский П. П. — 60
Котляревский И. П. — 96, 103
Кочубей В. Л. — 24, 127, 137, 170
Кочубей В. П. — 63, 170
Кочубей М. В. — 24
Кривонос М. — 289
Крылов И. А. — 18
Кукольник В. Г. — 177
Кукольник Н. В. — 21, 111, 177
Кулжинский И. Г. — 105–107, 202, 269
Кулиш П. А. — 184, 220
Куприн А. И. — 17, 18
Кутузов М. И. — 110
- Ласкин Б. С. — 162
- Ленин В. И. — 283
Лермонтов М. Ю. — 151, 270
Лёвшин А. И. — 72, 73, 78
Лёвшин В. А. — 46, 184
Ливий Тит — 57
Лисицкая А. — 93
Ломоносов М. В. — 287
Лукашевич П. А. — 105
Лукьянов И., прот. — 70
Львов Н. А. — 46, 88, 89
Любич-Романович В. И. — 186
- Мазепа И. С. — 61, 109, 111, 123–131, 137, 272, 274
Майер Ф. — 88
Максимович М. А. — 78, 96, 105, 106, 127, 130, 131, 150, 154, 186, 216–218, 277
Маркевич Н. А. — 96, 103, 105, 163
Маркович Я. М. — 107
Марфа-посадница — 111
Масальский К. П. — 111
Маслович В. Г. — 46, 75, 96, 99
Маяковский В. В. — 198–201, 216, 287
Меньшиков А. Д. — 125
Микешин М. О. — 273
Митридат VI Евпатор, царь — 81
Михаил Рагоза, митр. — 26
Моллер Ф. А. — 257
Монтескье Ш. — 67
Мотонос Н. Н. — 107
Мур Т. — 163
Муравьёв А. Н. — 51, 53, 54, 164, 165, 264
Муравьёв Н. М. — 117, 122
- Надеждин Н. И. — 88
Назаров Э. В. — 156
Наливайко С. — 112, 123

- Наполеон I Бонапарт — 90, 92, 208
 Нарезный В. Т. — 21, 87, 88, 96, 97, 102, 108, 183, 184, 268
 Нахимов А. Н. — 96
 Некрасов Н. А. — 228
 Нестор, летописец — 54
 Николай I — 37, 52, 76
 Никон, патр. — 55
 Новиков Н. И. — 88

 Ознобишин Д. П. — 105
 Олег, князь — 111
 Оленин А. И. — 80
 Ольга, княгиня — 111
 Орлай И. С. — 177, 284
 Острияница (Остриянин Я.), атаман — 210

 Павел I — 120
 Павловский А. — 89, 96
 Падуро Т. — 94, 95
 Палей С. (Гурко С. Ф.) — 123, 137
 Палицын А. А. — 97
 Парпура К. М. — 75, 98
 Паустовский К. Г. — 21, 146
 Пахмутова А. Н. — 17
 Перовский А. А. (Антоний Погорельский) — 21, 22, 96, 97, 102, 184, 259
 Перовский Л. А. — 22
 Пестель П. И. — 117, 181
 Пётр I — 43, 55, 58, 60, 82, 125–129, 183, 272
 Пётр III — 62
 Пётр Могила, митр. — 26, 43, 44
 Плещеев А. Н. — 134
 Плутарх — 57
 Погодин М. П. — 209, 216, 217, 287
 Подолинский А. — 102, 108
 Покрышкин А. И. — 230

 Полевой Н. А. — 187, 190, 192, 193, 217, 223, 284
 Полуботок П. Л. — 134
 Полякова-Байдарова М. В. (Марина Влади) — 17
 Поперечный А. Г. — 17
 Потёмкин Г. А. — 175, 289
 Потоцкий С. — 91
 Прач И. (Богумир Я.) — 88, 89
 Пугачёв Е. И. — 34
 Пушкин А. С. — 18, 46, 68, 70, 71, 80, 81, 84, 96, 109, 110, 113, 121, 127, 128, 139, 141, 147, 148, 151, 153–156, 169, 185, 205, 209, 211, 212, 270, 271, 287
 Пушкин Л. С. — 81
 Пыпин А. Н. — 87

 Радищев А. Н. — 113
 Райдаровский Ю. И. — 98
 Разин С. Т. — 32
 Разумовские — 63
 Разумовский А. Г. — 63
 Разумовский А. К. — 22, 63
 Разумовский К. Г. — 22, 63
 Расин Ж. — 81
 Речкалов Г. А. — 230
 Ржевусский В. — 94, 95
 Росковшенко И. В. — 207, 208
 Руденко И. С. — 230, 231
 Рылеев К. Ф. — 79, 96, 109–112, 116, 119–123, 125, 129, 132, 181, 276, 287
 Рюрик, князь — 113
 Рюриковичи — 43

 Сагайдачный П. К. — 137
 Самойлович И. С. — 128
 Сбитнев И. М. — 76
 Свербеев Д. Н. — 85

- Свиньин П. П. — 141
 Святослав, князь — 111, 183
 Серафим Саровский, прп.
 (Мошнин П. И.) — 51
 Склабовский А. В. — 98
 Сковорода Г. С. — 123
 Скопин Г. А. — 49, 64
 Скоропадский И. И. — 127
 Скотт В. — 207, 209
 Смирнова (Россет) А. О. — 146,
 222, 270
 Сомов О. М. (Порфирий Бай-
 ский) — 21, 69, 96–98, 101, 102,
 105, 108, 109, 112, 139, 183, 185,
 187, 188, 268
 Срезневский И. Е. — 96
 Срезневский И. И. — 96, 207, 208
 Стефан Баторий, король — 209,
 216
 Стефан Яворский, местобл. — 61
 Страхов Н. Н. — 166
 Сухов К. В. — 230–232
- Татищев В. Н. — 110
 Тацит — 57
 Текели П. — 34
 Толстой А. К. — 21–23, 47, 137, 182,
 183, 259, 289
 Толстой Л. Н. — 18, 146
 Трофимов Н. Л. — 230, 231
 Трощинский Д. П. — 63
 Труд А. И. — 230, 231
 Трутовский Н. Ф. — 88, 89
 Тургенев И. С. — 146, 270
- Ушаков В. А. — 188
- Феодосий Печерский, св. — 51
 Фёдор Иоаннович, царь — 43
 Фёдоров А. В. — 230, 231
 Филомафитский Е. М. — 96
 Фитингоф, ген. — 53
 Фрадкин М. Г. — 164
- Хмельницкий Б. (З.) М. — 31, 33,
 34, 58, 73, 109, 112, 123, 128, 233,
 269, 272–274, 289
 Хомяков А. С. — 50, 54, 180, 181,
 263
 Христос — 57, 219, 293
- Цертелев Н. А. — 96, 105
 Цицерон — 57
- Чехов А. П. — 21, 51, 129, 132,
 134–136, 157, 158, 208, 277
 Чурсина Л. А. — 17
- Шаликов П. И. — 72
 Шаховской А. А. — 96, 104
 Шевченко Т. Г. — 21, 24, 138, 198,
 200, 201, 207, 220, 286
 Шевырёв С. П. — 72, 221, 288
 Шекспир В. — 207
 Шиллер И. — 108
 Штюрмер (Штырмер) Л. Л. — 225,
 226
- Щербатов М. М. — 110
 Языков Н. М. — 186, 221
 Яковлев А. — 108
 Якушкин И. Д. — 57, 119, 120
 Янукович В. Ф. — 135

Карты

Идея А. В. Марчукова;
исполнение Н. А. Королёвой, кандидата географических наук, ведущего
инженера географического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

*Альбом
иллюстраций*

Этот альбом иллюстраций — своего рода приложение-дополнение к тексту самой книги. В ней представлены портреты людей, принимавших участие в выработке и осмыслении русским обществом образа Малороссии-Украины. Помимо портретов также помещена подборка материалов (репродукций картин, рисунков, фотографий), зрительно характеризующая тот коллективный образ этой земли, который сложился в русском сознании.

К читателю

Перед вами альбом иллюстраций — своего рода приложение-дополнение к самой книге. Первоначально предполагалось выпустить его отдельным изданием, однако затем обстоятельства изменились, и иллюстрации были помещены непосредственно в книгу. Да так, наверное, и лучше.

Вообще, иллюстрации призваны дополнять текст, служить ему наглядным подтверждением, делать его ближе к читателю. К примеру, встреченная в тексте фамилия в большинстве своём воспринимается абстрактно, кроме, разве что, тех случаев, когда она у всех на слуху. Впрочем даже и тогда она, как и всё привычное и примелькавшееся, не вызывает особых чувств. А ведь за каждой такой фамилией стоит человек, личность со своими мыслями, чувствами, пониманием мира. И вот «остановиться на бегу», увидеть за абстрактным набором букв живого человека — сначала даже просто внешне, а затем, возможно, и всмотреться в его личность, как раз и помогают иллюстрации. Всё сказанное относится к любой книге. Не является исключением и эта.

В ней представлены портреты людей, принимавших участие в выработке и осмыслении русским обществом образа Малороссии-Украины. Среди них есть и те, кто хорошо известен современному читателю, и те, кто ему мало знаком. Впрочем, известность фамилии сама по себе ещё ни о чём не говорит. Мы настолько, ещё со школы, привыкли к ним, что зачастую не замечаем самих людей, «скрытых» за этими фамилиями, не вдумываемся в их слова и мысли — а потому многие из них всё равно, что неизвестны. Что уж говорить о тех, кто ныне почти забыт. Кроме портретов в альбоме помещена подборка материалов (репродукций картин, рисунков, фотографий), как бы зрительно характеризующая тот коллективный образ Малороссии-Украины, который сложился в русском сознании.

Однако по мере работы стало очевидно, что иллюстративный материал превращается во что-то большее, нежели просто иллюстрации в узком понимании этого слова. По сути, получилась своего рода отдельная глава-размышление: и над непосредственным предметом исследования — образом Малороссии-Украины в русском сознании, и над самим этим сознанием, над судьбами нашего народа вообще. Такие мысли начинают возникать сами собой, по мере погружения в материал книги. Поскольку, как уже говорилось в её вступлении, эта книга — о нас с вами. О нашем культурном и историческом «я». О нашем национальном сознании. О нашем прошлом и нашем будущем.

«Подсолнухи». Фото с сайта: <http://photographers.com.ua>

«Белоруссия родная, Украина золотая», — пелось в одной известной советской песне. И «золотой» Украину делают не только золотые руки её народа, не только хлебные нивы, но и эти солнечные «цветы». Долгое время завезённое из Америки растение в Европе и России считалось декоративным (и, судя по его внешнему виду, наверное, не зря), и лишь с начала XIX века подсолнечник всё шире входит в хозяйственный оборот. И теперь юг России и Украину невозможно представить без золотого моря полей подсолнухов.

Несколько изображений главного героя книги — Николая Васильевича Гоголя (1809–1852)

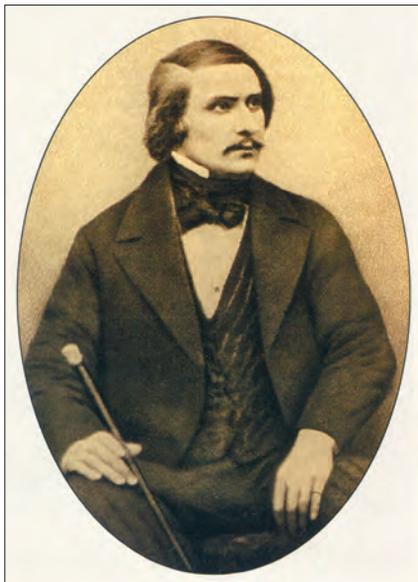
Единственный достоверный портрет писателя петербургского периода его жизни. Здесь Гоголь «не похож» на себя. Точнее, на наши представления о нём, основанные на его знаменитых более поздних портретах кисти Ф. А. Моллера и А. А. Иванова. Но именно таким в 1834 году его запечатлел Алексей Венецианов. Гоголю 25 лет. Уже написаны «Вечера на хуторе близ Диканьки». Впереди — «Миргород», петербургские повести, «Ревизор». И путь от «простой» известности к заслуженной славе.

Портрет Н. В. Гоголя. А. Г. Венецианов. Автолитография, 1834.

Это не живописный портрет, а подлинное изображение Гоголя, так он выглядел на самом деле. Выкадровка из дагерротипа, на котором Гоголь запечатлён в окружении русских художников, живших и работавших в Риме (*автор портрета по выкадровке К. А. Фишер*).

Здесь Гоголю 36 лет. Он уже мастер слова, ведущий русский писатель. Впереди продолжение работы над «делом всей жизни» — «Мёртвыми душами» (задуманными как трилогия), литературно-публицистическое обращение к соотечественникам — «Выбранные места из переписки с друзьями», духовная проза.

Н. В. Гоголь. Италия, 1845

Дагерротип. Фотограф С.Л. Левицкий. Рим, 1845 г.

А вот и сам дагерротипный снимок Гоголя в окружении русских художников.

Кадр из художественного фильма «Гоголь. Ближайший». Россия, студия «Золотой век», 2009. Режиссёр и сценарист — Заслуженная артистка РСФСР Н. С. Бондарчук. В роли Гоголя — За-

служенный артист России Е. Н. Редько. Старец Макарий — В. Цимбал.

«Духовная лестница» («лествица») — путь преобразования человека, оживления его души, очищения её от всего мелкого, низкого, омертвляющего.

Тот путь, по которому Гоголь всю жизнь шёл сам и к которому так желал призвать соотечественников.

Гоголь в Оптиной пустыни, просиявшей на всю Россию своими старцами. Там он побывал трижды (в 1850–1851 годах). «Нигде я не видал таких монахов. С каждым из них, мне казалось, беседует всё небесное». «Я думаю, на самой Афонской горе не лучше», — делился он своими впечатлениями от посещения этого зримого воплощения Святой Руси.

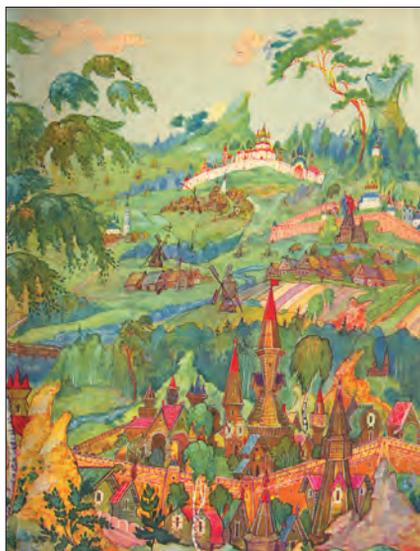

*Портрет графа А. А. Перовского
(Антония Погорельского).
Художник: К. П. Брюллов. 1836*

*Портрет А. К. Толстого
с оригинальной литографии. 1901*

Алексей Перовский (1787–1836) и Алексей Толстой (1817–1875): дядя и племянник, русские писатели, олицетворение смыслового, духовного и кровного единства русской культуры. И нерасторжимости великорусской и малорусской этнических природ.

«Русь» — так можно назвать эти фрагменты иллюстрации, выполненной палехским художником *М. И. Шемаровым* к книге *В. А. Старостина* «Русь богатырская», Ярославль, 1970 (литературной обработке былинного эпоса). Созданный художником образ очень созвучен тому образу Руси, который имелся в русском обществе XVIII — начала XIX века. Днепр и былинные города, князья и богатыри, тёмные боры и кручи — всё одновременно реальное и... немного сказочно-поэтическое.

Вот ещё дополнение к этому образу (всего одно из многих).

Здесь былинный Киев-град, Добрыня и Забава Потятична. *Иллюстрация-открытка к изданию «Три богатыря. Былины». М., 1967–1977. Художник Н. Воробьёв.*

В. М. Васнецов. Богатыри. 1881–1898

Вот она, Русь: прочная, основательная, изначальная. Знаменитая картина В. М. Васнецова. На страже родной земли, на страже жизни.

Такой облик древнерусских воинов и богатырей сложился ближе к концу XIX века — по мере того, как русское общество знакомилось с археологией Руси, изучало её материальную культуру, в том числе воинскую. Классическими в этом жанре стали работы художников В. М. Васнецова, И. Я. Билибина, Н. Н. Каразина.

А до этого, в том числе во времена Гоголя, гравюрные и лубочные изображения русских богатырей скорее напоминали рыцарей из европейских романов. Да и первые литературные пробы на былинную тематику немногим выделялись из этого образа.

Талантливый человек талантлив во всём. Алексей Хомяков — религиозный философ, поэт, драматург, публицист. Участник Русско-турецкой войны 1828–1829 годов, награждённый за храбрость. Один из основателей славянофильского течения русской общественной мысли. И, к тому же, живописец. Перед нами его *автопортрет*, 1842 г.

*Алексей Степанович Хомяков
(1804–1860)*

*Портрет А. Н. Муравьёва.
Художник П. З. Захаров. 1838*

Андрей Николаевич Муравьёв (1806–1874), паломник, знаток Востока, церковный деятель и дипломат. А главное, писатель-новатор, стремившийся духовной литературе придать изящные художественные формы, с тем, чтобы сделать её доступной для широких кругов светского общества (во многом утративших понимание Церкви, но искавших дорогу к храму).

Муравьёву принадлежит и описание православного Киева, который он любил и где прожил остаток жизни.

«Рыцарем Святой земли» называли его современники, в том числе восточные патриархи. Своей жизнью и литературными трудами Муравьёв много поспособствовал православному пробуждению русского общества.

*Портрет князя И. М. Долгорукого.
Художник Д. Г. Левицкий. 1782*

Иван Михайлович Долгорукий (1764–1829) — государственный деятель, известный в своё время поэт, театрал. Здесь ему всего 18 лет. Впереди участие в Русско-шведской войне (1788–1790 гг.), вице-губернаторство в Пензе и пост Владимирского губернатора, литературная деятельность. Впереди и два путешествия по Слободской Украине, Малороссии, Новороссии и Правобережью (в 1810 и 1817 годах).

*Н. П. Ломтев. Андрей Первозванный водружает крест
на горах Киевских. 1848*

Киевские кручи — то место, где по преданию (а это тоже феномен массового сознания и общественных идеологий) засиял на будущей Русской земле свет Христовой веры и, говоря словами одного из героев книги, «предки наши получили первое понятие о всемогущем Творце». Таким образом, Русь приняла Святое крещение от самого Апостола Христова.

А это фотографии Киева, сделанные в конце XIX века (с интернет-сайта www.tvspas.ru).

На первой — *памятник святому равноапостольному князю Владимиру* (скульпторы П. К. Клодт, В. И. Демут-Малиновский, архитектор К. А. Тон, 1853 г.), поставленный над тем местом, где он крестил киевлян. Внизу Днепр и просторы заднепровья.

На втором снимке — *Киево-Печерская Лавра* (основана в 1051 году), какой она открывалась с днепровской стороны.

Хорошо видна лаврская колокольня (проект И.-Г. Шеделя, середина XVIII в.).

Лавра, Успенский собор, богомольцы. Сердце русского православия, главное место паломничества Святой Руси.

Вот он — православный народ, каким его запечатлел художник. Менялись века, менялись одежды — а народ жил той же верой, теми же помыслами.

Больших душевных сил и гражданского мужества стоили Лаврской братии и всему православному народу Украины 1990-е. Благодаря чистоте и искренности их веры, Киево-Печерская Лавра выдержала яростные атаки светских националистов, церковных раскольников и стоящего за ними государства, и сохранила верность канонической Украинской Православной церкви Московского патриархата.

*В. В. Верещагин. Великая церковь
Киево-Печерской Лавры. 1905*

Один из тех фотоснимков, на которых запечатлено утраченное. Один из центров православия, Михайловский златоверхий монастырь, где покоились мощи свмч. Варвары.

Монастырь был основан в начале XII века, простоял восемь столетий и был снесён в середине 1930-х.

В 1997–1999 годах он был возведён заново (к сожалению, «в духе времени», то есть, наспех, со всеми вытекающими отсюда последствиями). Спешка объяснялась мотивами, от Церкви далёкими. Властям Украины монастырь понадобился для поддержания «многовекторности» их церковной политики (для противовеса УПЦ МП, сохранившей Киево-Печерскую Лавру). И он был передан раскольнической организации, именующей себя «Украинской православной церковью — Киевским патриархатом».

Михайловский Златоверхий монастырь

В. Т. Нарезный. Гравюра Г. И. Грачёва с портрета неизвестного художника, 1889

Василий Трофимович Нарезный (1780–1825), русский писатель, драматург, поэт и один из отцов отечественного романа (он был автором шести произведений этого жанра). И первым в качестве героев романов вывел русских людей, показал русские нравы, русский быт и народные черты. Однако...

«Романистов было много, а романов мало, и между романистами совершенно забыт их родоначальник — Нарезный», — с сожалением констатировал сложившуюся в литературе ситуацию В. Г. Белинский. Но жизнь показала, что, всё же, не забыт.

Портрет О. М. Сомова. выполнен специально для этого издания по изображению, представленному из Интернета. Художник Б. А. Тавалдиев, 2011

Орест Михайлович Сомов (1793–1833) — один из тех многих литераторов, чей весьма немалый вклад в отечественную культуру был как-то несправедливо подзабыт потомками. А между тем он был одним из основателей жанра повести в русской литературе, известным журналистом и фольклористом, близким (по художественным взглядам) к декабристскому литературному кругу.

Как и практически все его современники-малороссы, Сомов мыслил Велико-россию и Малороссию единым национальным и культурным пространством.

По воспоминаниям современника, «добрый был, румяный, простая душа».

Евгений Павлович Гребёнка (1812–1848) — русский и малорусский писатель и поэт.

Две цитаты из произведений Гребёнки. Первая — о мимолётности и скоротечности жизни (о чем всегда стоит помнить):

«Летит время, летит быстрое — не остановишь его, не упростишь его, не умалишь... Так бегут годы — и мы всё недовольны... смотрим завистливо в будущее: там есть что-то такое, там чернеет точка. Вот она растёт, близится, вот она перед вами — тёмный гроб! И человек не успел оглянуться, как прошёл путь жизни».

И вторая — о взгляде Гребёнки на суть отношений России и Малороссии (слова вложены им в уста Б. Хмельницкого): «Ещё горит для нас звезда спасения: / В народе нам единокровном, / В единоверной нам Москве...». И этим всё сказано.

*Портрет Е. П. Гребёнки.
Художник Т. Г. Шевченко. 1837*

В Нежинской гимназии высших наук Иван Григорьевич преподавал латинский язык (в 1825–1829 годах).

После Нежина он продолжал работать на педагогической ниве — в Харькове (в том числе в университете), на Волыни, в Грузии. Плодотворно занимался и литературным трудом, сочетая его с исторической и общественно-политической публицистикой, в основном посвящённой родной Малороссии. К украинскому движению Кулжинский относился резко отрицательно и являлся последовательным сторонником общерусского культурного и национального единства.

*Иван Григорьевич Кулжинский (1803–1884)
в молодости*

Портрет А. О. Смирновой (Россет).
Художник П. Ф. Соколов. 1834–1835

Портрет В. Г. Белинского.
Художник К. А. Горбунов. 1871
(графический портрет создан в 1843 г.)

Александра Осиповна Смирнова (1809–1882) — одна из самых ярких русских женщин XIX века. Стихи и прозу ей посвящали Пушкин, Вяземский, Лермонтов, Тургенев. С Гоголем она состояла в духовной дружбе и тесной переписке.

Аристократка, всю жизнь вращавшаяся в высшем свете, и этим светом не испорченная — такое удавалось далеко не каждому. «Она сумела бы и царствовать, и управлять, и создавать», — говорил о Смирновой генерал-фельдмаршал, князь А. И. Барятинский.

Здесь ей 25–26 лет, знакомство с Гоголем уже состоялось, но время для более доверительных отношений ещё не пришло.

Виссарион Григорьевич Белинский (1811–1848) — знаменитый литературный критик, знаковая общественная фигура своего времени, человек с оголёнными нервами, резкий, но очень честный, из тех, что ищут блага не для себя.

Выступал за культурную и национальную интеграцию Малороссии с Великороссией. Пример Белинского говорит о том, что демократические и даже западнические взгляды вовсе не предполагают неизбежной ненависти к великодержавию и сочувствия к сепаратистским движениям, разрывающим национальное и политическое единство Отечества.

Впрочем, российские западники XIX века и «западники» XX–XXI веков — это явления разного порядка. Первые в западничестве видели путь для России, вторые, по сути, отрицают саму необходимость её существования.

1836-й. Гоголь молод и полон сил, он на самом творческом взлёте. А Пушкину остаётся последний год его земной жизни. Всего год до того рокового выстрела, после которого его жизнь, по меткому определению некоторых литературоведов, превратилась в *житие*.

Увлечения молодости, «буйство глаз и половодье чувств», говоря есенинскими строками, остались в прошлом, уступив место размышлениям над вопросами, куда более серьёзными. Пушкин понял Россию и свой народ, прочувствовал их путь. Он познал то, что многие его современники и потомки поймут позже, а может, и никогда. Он сдержан и задумчив, и словно бы предчувствует свой уход.

«Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет», — писал о нём Гоголь, имея в виду цельность и всепонимание его личности и таланта.

К сожалению, потом в чести всё больше оказывались не цельность, а расщепление, не единение, а разъединение. Потому идеал этот от нас так же далёк, как и во времена Гоголя. Впрочем, до отмерянного Николаем Васильевичем срока ещё остаётся почти четверть века. Кто знает, может, новое поколение даст людей честных и чистых душой, понимающих весь мир, и в то же время глубоко и искренне русских, которые преодолению тлен заустения, перестанут относиться к Родине как к «этой стране» и отмоют её от зловонной гнили последних подлых десятилетий. И сбудется гоголевское пророчество-пожелание. Хотелось бы верить...

Портрет А. С. Пушкина.
Художник П. Ф. Соколов. 1836

*Гетман Богдан Хмельницкий. Гравёр
В. Гондиус, 1651*

*Иван Мазепа. Гравёр М. Бернингротг, 1706.
Наиболее достоверное изображение гетмана*

Богдан Хмельницкий и Иван Мазепа. Два малороссийских гетмана, две исторические фигуры, в массовом сознании ставшие олицетворением не только противоположного геополитического выбора, но и совершенно разных морально-нравственных качеств, понимания народных интересов и ответственности перед историей и своей землёй.

Их образы активно осмысливались русским (и малорусским) сознанием уже с рубежа XVIII–XIX веков. В отношении Хмельницкого это осмысление началось чуть раньше: к нему подталкивала сама жизнь. Надо было оценить события середины XVII века и понять значение воссоединения Малой Руси с Русью Великой для дальнейших судеб как малороссов, так и России в целом. В отношении же Мазепы оно началось чуть позже. И побудительными причинами во многом послужили родившийся на Западе «мазепинский миф», а также размышления над эпохой и фигурой Петра I.

А вот и два символа — наглядных свидетельства разного отношения к прошлому, настоящему и будущему. Оба гетмана уже давно стали символическими фигурами. Хмельницкий почитаем теми людьми, кто является сторонником культурного, национального и политического единства Русской земли, и просто всеми, кто понимает значение сделанного им выбора для сохранения малороссов как самостоятельной исторической личности.

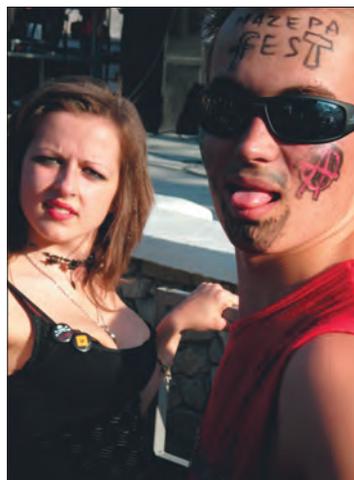

Знаменитый памятник Б. Хмельницкому в Киеве, ставший одним из символов этого города. Открыт к юбилею 900-летия Крещения Руси 11 июля 1888 года. Скульптор М. О. Микешин (автор выдающегося Памятника Тысячелетию России в Новгороде, 1862 г.). В металле фигуру отлили П. Веллонский и А. Обер, автор постамента — В. Н. Николаев.

Создание памятника началось ещё в 1860 году, но по ряду причин затягивалось. По задумке Микешина, памятник должен был стать ярким символом единства Русского народа, (который олицетворяли фигуры малорусса, карпаторусса, великорусса и белорусса, слушающих кобзаря), и его торжества над инонациональными и иноверными недругами малороссиян, которых конь Хмельницкого сбрасывал вниз со скалы.

Однако власти от такой символической композиции отказались. Помимо нежелания лишний раз задеть поляков и евреев (которые угадывались в числе тех самых недругов), сыграло свою роль и следующее обстоятельство. В конце XIX века идея общерусского единства и её публичное выражение уже наталкивались на сопротивление (пока что скрытое) со стороны либеральных и левых кругов, их союзников-протезе украинофилов, и даже части государственной бюрократии, прислушивавшейся к такому «общественному мнению».

В итоге ограничились фигурой самого Хмельницкого и надписями: «Хотим под царя восточного, православного» и «Богдану Хмельницкому единая неделимая Россия» (при большевиках демонтированы). Но даже в таком виде памятник напоминает о пророссийском и общерусском выборе, сделанном малорусским народом в середине XVII века..

...и который не даёт покоя прежним и нынешним противникам этого выбора из числа адептов украинства. Их настоящий герой — не Хмельницкий, а Мазепа, именно его они почитали и почитают (недаром до революции украинофилов называли «мазепинцами»). Всячески возвеличивается он на Украине и сейчас, свидетельством чему не только множество книг и статей с апологетикой Мазепы и соответствующий властный идеологический «заказ», но и привязка его имени (или, говоря современно-торговым языком, «бренда») к молодёжной субкультуре. Одним из ярчайших символов современного немазепинства является рок-этно-фолк фестиваль «Мазепа-фест», ежегодно (с 2003 года) проводящийся не где-нибудь, а в Полтаве.

По словам организаторов, «Мазепа-фест» был задуман как фестиваль с чёткой «украинской» направленностью (языковой и национально-идейной), призванный, в том числе, сформировать позитивное восприятие гетмана Мазепы.

И *левый снимок* (<http://xatкарта.org.ua>) — тому подтверждение. В центре сцены, на огромном ярком плакате — Мазепа. Он верхом на коне, одет в латы, с развевающимся плащом (хотя, в отличие от Хмельницкого, ни воином, ни стратегом-полководцем не был). Напоминает он то ли европейского рыцаря, то ли Георгия Победоносца. В общем, почти что «в белом венчике из роз»...

Ну а на *правом снимке* (<http://news.studclub.poltava.ua>) — колоритный почитатель «Мазепа-феста». Один из тех, кто должен «изживать мифы» и воплощать «чёткую украинскую направленность» (во всяком случае, эта фотография присутствует на многих украинских сайтах, рассказывающих о фестивале, став своего рода одним из его зрительных образов). Хотя есть среди целевой аудитории «Мазепа-феста» и люди с крепкими бицепсами, не склонные к расслабленной релаксации.

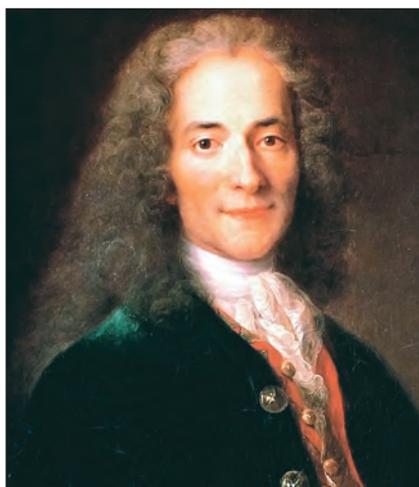
Николай Михайлович Карамзин (1766–1826), поэт, основоположник русского сентиментализма и учёный.

В тот год, когда был написан этот портрет, вышли в свет первые тома его «Истории государства Российского», принесшие Карамзину, помимо уже признанной литературной славы, ещё и бессмертие как историка.

*Портрет Н. М. Карамзина.
Художник В. А. Тропинин. 1818*

Вольтер (1694–1778) — французский писатель и философ-просветитель, воззрения которого в значительной степени сформировали европейский интеллектуально-нравственный контекст XVIII столетия (и даже более поздних эпох). Во многом благодаря именно ему сложились представления европейцев об Украине (влияние его взглядов, по большей части косвенное, ощущалось и в России). Стоял Вольтер и у истоков «мазепинского мифа».

*Портрет Вольтера (Мари Франсуа Аруэ).
Художник Н. де Ларжильер. 1718*

*Павел Иванович Пестель
(1793–1826)*

Полковник, участник Отечественной войны 1812 года и один из вождей декабризма. Автор «Русской Правды», признанной в качестве программного документа Южным обществом и значительной частью общества Северного.

История не знает сослагательного наклонения, и теперь невозможно сказать, как бы сложилась судьба России, победи декабристы и провели они в жизнь изложенные в «Русской Правде» положения. Ясно одно: национальный облик России и Восточной Европы был бы во многом совершенно другим.

*Портрет К. Ф. Рылова.
Неизвестный художник, 1824–1825 гг.*

Кондратий Фёдорович Рылев (1795–1826). Человек талантливый и благородный. Патриот, по свидетельству современников, любивший «налагать печать руссизма на свою жизнь», и близко принимавший национальные русские интересы (что проявилось, скажем, в его понимании русскости западных окраин страны).

Кто знает, как бы расцвёл его литературный талант, проживи он больше. Вместе с тем, его творчество — пример того, как осторожен должен быть поэт при обращении с историей, как внимательно он должен относиться к своему слову. Ибо литературный образ, выйдя из-под пера автора, начинает жить своей собственной жизнью, и жизнь эта далеко не всегда может совпадать с убеждениями самого автора. И возможно, наиболее яркий пример тому — «Войнаровский».

Профессор ботаники Московского университета, впоследствии первый ректор университета Киевского, Михаил Александрович Максимович (1804–1873) больше известен своими трудами по истории, археологии и фольклористике.

Друг Гоголя и его единомышленник во взглядах на взаимоотношения Малороссии и Великороссии. Горячо любя свою южную Русь, где, как говорил сам, «земля и небо моих предков», Максимович органично сочетал эту любовь с любовью к Руси северной, видя в них две нераздельные половинки одного целого, единой Руси-России. И его пример — прекрасный образец того, что делать это не только возможно, но и вовсе нетрудно.

*Портрет М. А. Максимовича.
Автор Й. Мукаровский. 1882*

Знаменитый писатель и драматург. Как раз в тот год им были написаны «Степь» и «Именины». Взлёт чеховского таланта уже начался.

Будучи выходцем из народной среды, Чехов смотрел на мир и Россию не так, как это стало принято в российской либеральной интеллигенции. И потому в душе не принимал её многословную пустоту, беспочвенную идейность и бравирующую антипатриотичность, которая проявлялась, в том числе, и в сочувственном отношении этой интеллигенции к украинофильству и вообще всему, что несло в себе зёрна распада и нигилизма по отношению к России.

*Антон Павлович Чехов (1860–1904).
Фотография 1888 г., Феодосия*

Здесь и далее: несколько малороссийских пейзажей, принадлежащих кисти русских художников XIX–XX веков. Пускай зрительный образ Малороссии–Украины у каждого индивидуален, однако эти репродукции тоже могут служить ему иллюстрацией. Тем более, что они отчасти явились его следствием, а отчасти и сами способствовали его поддержанию.

А. И. Куинджи. Вечер на Украине. 1878–1901 гг.

Закат, надвигающиеся сумерки и хаты, становящиеся в вечернем свете ещё белее.

Н. А. Сергеев. Тоня на Днепре. 1889

А вот Днепр, величаво несущий свои воды в Чёрное море, пологий левый берег и высокие кручи правого. А над ними — синее небо.

К названию: «тоня» — это не женское имя, уменьшительное от «Антонины», а место, где ловят рыбу, рыбацкая артель или рыболовецкое предприятие, закидка невода.

В. Е. Маковский. Украинский пейзаж с хатами. 1901

Кусочек Малороссии: хатки, река и залитая солнцем даль.

Н. А. Сергеев. Яблони в цвету в Малороссии. 1895

«...Верю в майский день, от яблонь белый...». А здесь — весна. Всё цветёт, всё дышит свежестью молодости.

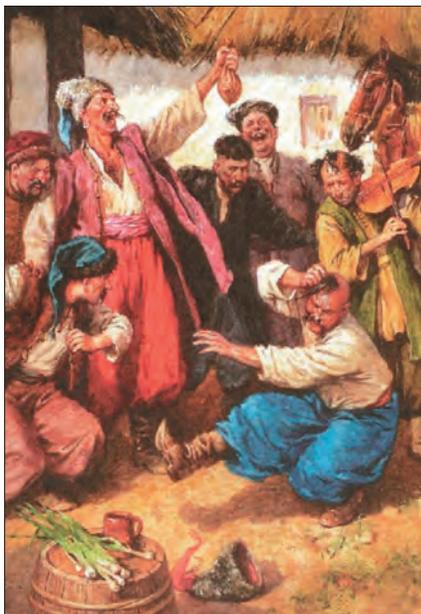
Н. К. Пимоненко. Украинская ночь. 1905

Это, конечно, не иллюстрация к гоголевскому описанию украинской ночи. Его строки — уже сами по себе живопись в слове. Здесь же — просто мягкая малороссийская ночь, очень талантливо переданная. Тут и природа, и жанровая сцена, и тот самый *народ*.

А. М. Куркин. «Свадьба». Иллюстрация к произведению Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка». Палехская техника.

А вот и сам «классический» образ — весёлый, открытый, немного наивный, но добрый по своей сути, который так полюбился русскому обществу — образ песенной, красочной, народной Малороссии...

О. И. Коминарец, Иллюстрация к книге
Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ
Диканьки» (М., Махаон, 2009)

А. А. Пластов. Иллюстрация к произведению
Н. В. Гоголя «Сорочинская ярмарка», 1950

...и племени «поющего и пляшущего».

Но, как и всюду, в увлечении этими представлениями оказалась важна мера. Ещё немного, чуть меньше вкуса и таланта — и образ песенной Малороссии, весёлого, неунывающего народа может обернуться «гопаковско-шароваристой Украиной», где эти песни и пляски станут самодовлеющи и навязчивы. (Впрочем, если такое случалось, то чаще по вине не столько русских наблюдателей, сколько творцов автобразы из числа адептов национально-украинской идеи).

И «поюще-танцующий» этнографический образ оказался настолько прочным, что прошёл через года, социально-экономические формации и политические бури. На иллюстрации: *мозаичное панно станции «Киевская» Арбатско-Покровской линии Московского метрополитена (1953 г. Художники В. А. Коновалов, В. Н. Аркелов, П. М. Михайлов, Л. А. Карнаухов, А. К. Ширяев, И. В. Радоман, К. П. Аксёнов, скульптор Г. И. Опрышко*. Красные знамёна с Лениным, люди одеты по послевоенной моде, на груди у некоторых награды — совсем другая эпоха. Но... в самом центре — всё те же танцующие и поющие персонажи в народных костюмах, своим этнографическим обликом призванные показать, что это *Украина* — национальная республика, особая национальность.

Вообще, станции «Киевские» (и эта, и *одноимённая станция Кольцевой линии, 1954 г., художники А. В. Мизин, Г. И. Опрышко, А. Г. Иванов*) — очень хорошая иллюстрация коллективного образа Украины. С одной стороны, в их отделке получили отражение уже бытовавшие представления об этом крае, его истории и культуре, а с другой, они уже сами служат средством их трансляции. На фресках и мозаичных панно, украшающих подземные дворцы, представлены все значимые события прошлого и настоящего (на момент постройки станций). И этнографический элемент там далеко не последний.

И. С. Орлай. Гравюра К.-В. Зеелигера.

Разносторонний человек, директор Нежинской гимназии высших наук, в которой учился Гоголь.

Представитель Карпатской Руси, как прежде называли этот регион в России и на самих Карпатах, Иван Семёнович Орлай (1770–1829) был сторонником общерусского единства, и своих земляков-соплеменников считал частью Большого Русского народа. Очень долгое время именно такой взгляд на русинов был живительной силой для национального движения в Карпатской Руси, Буковине и Галиции. Но в XX веке судьба общерусской идеи и её сторонников сложилась на этих землях, и особенно в Галиции, трагически.

*Николай Алексеевич Полевой
(1796–1846)*

Купеческий сын, самоучка, ставший одним из ведущих русских журналистов своего времени. А кроме того, историк, писатель, драматург, литературный критик.

С особым интересом Полевой относился к исторической тематике, которой посвящал как свои литературные, так и исторические труды. Он является автором шеститомной «Истории русского народа» (1829–1833 гг.), задуманной как антитеза «Истории» Н. Карамзина. Смысловые акценты тут смещались: по убеждению Полевого, главным героем и носителем истории являлось не государство, а народ.

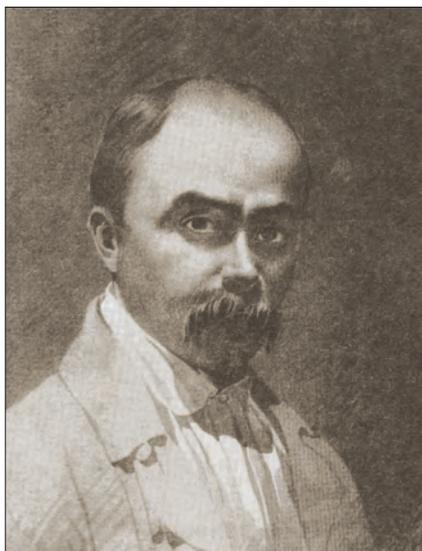
А. И. Герцен. Литография Л. Ноэля. 1847

Александр Иванович Герцен (1812–1870). Человек неординарной судьбы (начиная с того, что носил искусственную фамилию: по отцу он был Яковлев) и незаурядный. Революционер, западник-радикал (хотя и не чуждый некоторым национально-государственным идеям).

Оценка Герценом творчества и общественной позиции Гоголя (до «Выбранных мест» и после них), которые он рассматривал с точки зрения своих социально-политических убеждений, оказалась резкой и во многом несправедливой, больно задев писателя.

Но именно она, вкупе с «Письмом к Гоголю» Белинского, сформировала отношение к нему последующих поколений левой и западной общест-

венности (да и советского литературоведения). Что поделать: Гоголь был фигурой знаковой, и потому не мог остаться в стороне от перипетий общественной жизни. А его призыв к единению и цельности в пылу общественных битв оставался не услышанным. А может, в тех условиях и не мог бы ничего изменить.

*Тарас Григорьевич Шевченко (1814–1861).
Автопортрет. 1850*

Художник, одарённый (даже талантливый) поэт — Шевченко является одним из символов Украины. Вернее, он целенаправленно и долго (уже со второй половины XIX века) делался таковым.

В Шевченко воплотилась другая сторона исторического лика и психологии этой земли. Это ясно видел Гоголь. И сожалел о том, *как* поэт распорядился своим талантом.

«Дёгтю много... и даже прибавлю, дёгтю больше, чем самой поэзии», — так отзывался он о стихах Шевченко (а тем самым, и о том, к чему тот призывал людей). «Я знаю и люблю Шевченка, как земляка и даровитого художника, — пояснял Гоголь. — Но его погубили наши умники, натолкнув его на произведения, чуждые истинному таланту».

«Умники» — это украинофилы (свои и польские), и либерально-западническая интеллигенция, как раз и творившие культ Шевченко, стремившиеся смотреть на Украину через призму *его* творчества и личности.

Тарас Шевченко — это духовный и мировоззренческий антипод Гоголя. И потому неслучайно он стал одним из знамён-символов украинства, всех его идеологических и политических цветов и оттенков.

Что такое? Гоголь, Пушкин, Рылеев — и вдруг пролетарский поэт дворянского происхождения! Какое отношение к теме он имеет?

Но ничего странного тут нет. Очень любопытно сумел Маяковский обрисовать тот образ Украины, который имелся в русском сознании (да и в украинском тоже, поскольку были эти образы весьма тесно взаимосвязаны).

А кроме того, ухватил он и одну из важных черт истории и психологии этой земли — её двойственность, временами переходящую в расщеплённость.

Что и говорить: неординарный был человек. И талантливый поэт. Незаслуженно он нынче кое-кем отправляем в небытие, незаслуженно.

Владимир Владимирович Маяковский (1893–1930). Фотография. 1924

Выходец из крепостной крестьянской семьи, Михаил Петрович Погодин (1800–1875), как в своё время и М. В. Ломоносов, сумел доказать, что талант и способности важнее социально-классовых условностей среды.

Историк, профессор Московского университета, впоследствии академик. По взглядам был близок славянофилам, отстаивал идею славянского единства. А кроме того, писатель и видный журналист (издавал «Москвитянина» и «Московский вестник»).

Одно время (в 1830-е годы) Гоголь и Погодин были близкими товарищами и единомышленниками, потом их отношения стали заметно прохладнее, хотя уважение осталось.

Портрет М. П. Погодина. Литография с фотографии К.-А. Бергнера. Мастерская А. Э. Мюнстера. 1860-е годы

*Михаил Грабовский
(1804–1863)*

Изучение истории Малороссии-Украины XIX века (не говоря уже о более ранних периодах), да и России вообще, невозможно без учёта «польского фактора» и его влияния на общественную жизнь.

На портрете: один из представителей «польского взгляда» на пути национального и идейного развития Малороссии — Михаил Грабовский.

Писатель, критик, один из видных деятелей и вдохновителей польского украинофильства, оказавший сильное влияние на зарождение и формирование украинофильства малороссийского.

Именно Грабовский заложил идейные рамки восприятия польским обществом (а во многом и украинофилами) гоголевского «Тараса Бульбы». Хотя по сути он всего лишь ещё раз выразил отношение поляков к идее национально-культурного единства Великой и Малой Руси и русскости малороссов.

*Степан Петрович Шевырëв (1806–1864).
Литография Бахмана*

Философ, литературовед, издатель. «В нём зреет много добра для России», писал о Шевырëве Гоголь. Шевырëв и Гоголь дружили и были единомышленниками, в частности, в вопросе о путях развития русской литературы, которой и тот, и другой посвятили себя.

Шевырëв является автором первого курса отечественной литературы, который он читал в Московском университете. За яркий национально-патриотический характер своих лекций и близость к славянофильскому кругу (совместно с Погодиным он издавал «Москвитянина»), подвергался нападкам со стороны «западников». Тогда литература была много больше, чем просто словесность.

«Верный народ и царица-матушка». Запорожцы и примкнувший к ним кузнец Вакула на приёме у Екатерины II. Украина и Запорожье: похожая одежда, одна речь, но интересы разные. *Кадры из фильма «Вечера на хуторе близ Диканьки (Ночь перед Рождеством)», СССР, киностудия им. Горького, 1961 г. Режиссёр и автор сценария народный артист РСФСР А. А. Роу. Вакула (на верхнем рисунке второй справа) — Ю. Тавров, Екатерина II — З. Н. Василькова (Чекулаева), Григорий Потёмкин (рядом с царицей) — Ю. В. Чекулаев.*

«Ты знаешь край, где с Русью бились ляхи, / Где столько тел лежало среди полей?», — обращался к читателю А. К. Толстой, описывая историю этой земли. Вот один из эпизодов той долгой битвы, в которой решалось, существовать ли малороссам как народу, или нет.

М. Кривонос — полковник, сподвижник Б. Хмельницкого. И. Вишневецкий — южнорусский князь и магнат, повторивший путь многих своих собратьев по классу: он перешёл в католичество и лично «интегрировался» в польскую социально-культурную среду. И потому воевал против восставших на стороне Польши.

Н. С. Самокиш. Бой Максима Кривоноса с Иеремиею Вишневецким. 1934

И. Е. Репин. Запорожцы пишут письмо турецкому султану. 1878–1891

Говоря о казачьем периоде истории Малой Руси, просто невозможно пройти мимо этой колоритной картины.

Вот он, наглядный образ запорожской вольницы и «казачьего народа», созданный, в том числе, и гоголевским «Тарасом Бульбой».

А вот и сам Бульба. «Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество...». Тарас говорит казакам своё заветное Слово.

Кадр из художественного фильма «Тарас Бульба», кинокомпания «Арк-фильм», Россия, 2009 г. Режиссёр и автор сценария Народный артист России и Украины В. В. Бортко. В роли Бульбы — Народный артист СССР Б. С. Ступка.

«А уж огонь подымался над костром, захватывал его ноги и разстлался пламенем по дереву... Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила Русскую силу!..».

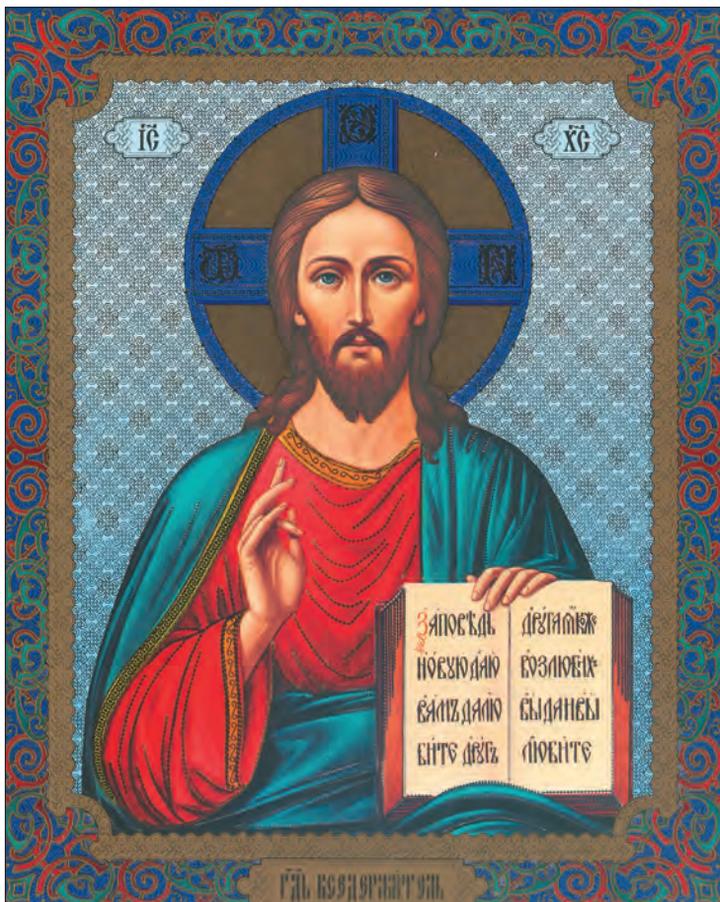

Е. А. Кибрик. Смерть Тараса. 1945

В. М. Васнецов. Витязь на распутье. 1882

Эта картина отражает нынешнее состояние русского самосознания и русского духа. На распутье Россия, на распутье Украина. Русь слаба, обобрана, унижена. За приверженность русскому имени и русскому пути можно поплатиться, причём не только на Украине, но и в России. Вот и задумался крепко витязь: кто он? куда ехать? что ждёт его в будущем? Да и будет ли оно, это будущее, или белые его косточки расклюют по евразийским просторам чёрные вороны? Но он встряхнётся. И жизнь снова победит смерть.

Иисус Христос Господь Вседержитель. Современная икона

Вот она — Жизнь.

В Нём живительная сила и спасение. В Нём смысл и цель жизни — и для каждого человека в отдельности, и для народа в целом. И, может быть, прежде всего, для народа Русского. А от осознания и принятия этого смыслового и нравственного императива сами собой станут понятными все прочие (геополитические, культурные, социально-экономические и т. п.) задачи и приоритеты.

«Некогда не народ, а ныне народ Божий», — так понимали историю русского этногенеза древнерусские и московские книжники. Именно в Православии, в следовании Божественной Истине и свидетельствовании о ней всему Миру Россия и Малороссия становятся *Святой Русью* и *Русским народом*, достигают того многогранного и универсального единства, о котором так мечтал Гоголь.

«Будьте не мёртвые, а живые души», — просил он соотечественников и всех людей вообще. А подлинно *живой* душа может быть лишь со Христом и во Христе.